

А. Мефодиев

ЛИЛИТ

Москва
2010

ББК: 84(2Рос=Рус)6
М41
ISBN 978-5-98712-047-7

Лилит

Охота пуще неволи

Мефодиев А.
М41 «Лилит». — М.:
ПринтДизайн, 2010 г. — 304 с.
ISBN 978-5-98712-047-7

© А. Мефодиев, 2010
© «ПринтДизайн»,
оригинал-макет, оформление,
2010 г.

Она зашла к нему утром, в начале десятого. Кабинет Сергея Александровича Куликова наполнился ароматом ее духов, от чего голова у него пошла кругом.

Вообще-то, не далее как накануне он твердо решил порвать эту связь в самом ее зародыше. Он собирался поговорить с ней и объяснить всю неуместность и вредность таких отношений на работе. Но вместо этого Куликов игриво повел бровью и с нотками флирта в голосе сказал:

— Присаживайтесь, Лилия Семеновна. Как прошел вечер?

— Вам ли не знать, Сергей Александрович, как прошел мой вечер? — улыбнулась в ответ Сукурова.

А прошлым вечером, когда все сотрудники разошлись, его новая заместительница Лилия Семеновна под каким-то предлогом заглянула к нему в кабинет. Кажется, она просила его что-то ей объяснить, и Куликов с готовностью откликнулся на ее просьбу. А потом...

Впрочем, это был уже второй случай, когда они виделись за пределами офиса. Первый раз это произошло неделей раньше. Хотя это и встречей-то нельзя было назвать. Они вместе возвращались после успешных переговоров. Куликов находился в хорошем расположении духа. Ехать им было далеко, пробки, а подходило обеденное время, и он предложил:

— Знаете что, Лилия Семеновна? Война войной, а обед по расписанию. Давайте где-нибудь пообедаем. Я знаю здесь недалеко один хороший ресторанчик.

Сукурова на него внимательно посмотрела, — ему тогда еще пришло в голову, что так смотрят на потенциальную дорогую покупку, — и кивнула головой. Он припарковался и, хлопнув дверью машины, уже направился к ресторану, когда заметил, что Сукурова не торопилась покидать автомобиль.

«Что она там сидит? Может быть, она хочет, чтобы ей открыли дверь, подали руку? Но ведь она его коллега. Уместно ли это будет?» — думал Куликов, топчась на месте. Сукурова оставалась в машине. Положение становилось нелепым. Наконец, Куликов открыл дверь и подал заместительнице руку. Она протянула ему в ответ свою. Это была тонкая ухоженная рука с безупречным маникюром. Изящные ногти ее немного загибались на концах, создавая отдаленное сходство с цепкой лапкой небольшой, но хищной птицы. Он не-

ловко взял ее за запястье и слегка потянул на себя. Тут у нее подвернулась нога, и Сукурова, чтобы удержаться, сжала пальцы, слегка оцарапав его.

— Что это у тебя на руке? — спросила его тем же вечером Лариса.

— Что? Это? — рассеяно посмотрев на запястье, сказал Куликов и вдруг покраснел, хотя, в сущности, он не сделал ничего предосудительного. Ну подал руку женщине? Но ведь это же была элементарная вежливость. Не стоять же ему было дальше как истукану на тротуаре, ожидая, пока она сама выйдет из машины? А если бы она так и не вышла? А потом: ну зашел он в ресторан с коллегой? Не мог же он отправить ее в офис на общественном транспорте и обедать в одиночестве? Это было бы, по меньшей мере, просто глупо! Конечно же, Лариса не могла ожидать от него такого несуразного поведения. Она была

образованная, современная молодая женщина. Тем не менее, Куликов соврал ей:

— Не знаю. Только что заметил. Поцарапался где-то, наверное.

В ресторане как-то сразу их беседа приняла непринужденный характер.

— Вы женаты? — поинтересовалась Сукурова.

— Можно сказать и так.

— То есть?

— Мы живем гражданским браком.

— Не любите, Сергей Александрович, обременять себя обязательствами? — улыбнулась Сукурова.

— Не в этом дело, Лилия Семеновна, — и Куликов сделал широкий жест рукой. — Просто мы современные люди, и я не думаю, что печать в паспорте так уж много значит. Если люди хотят жить вместе, то живут, а если не хотят, то никакая печать их не удержит. К тому

же детей у нас пока нет, — зачем-то добавил Куликов, хотя об этом его никто не спрашивал.

— А чем занимаются Ваши родители? Я надеюсь, Сергей Александрович, что не перехожу границы дозволенного? Мне почему-то хотелось бы побольше узнать о Вас.

— Я не против, Лилия Семеновна, спрашивайте, что хотите, — игриво отвечал ей Куликов. — Родители мои на пенсии, живут в Подольске, где и я провел свою жизнь до поступления в институт.

— Что это у Вас, Сергей Александрович? — Сукурова неожиданно протянула руку к его виску, и Куликов ощутил легкий укол.

Она победоносно помахивала в воздухе его волоском.

— Не знала, что у Вас, Сергей Александрович, седые волосы есть! Такой

красивый мужчина, Вам еще рано, — ее цепкие пальцы быстро скрутили волосок, и он исчез в ее кармане.

Тем же вечером Сергей Александрович долго тревожно разглядывал себя в зеркале, но признаков седых волос в своей шевелюре так и не обнаружил.

Но после этого невинного посещения ресторана Куликов в своих мыслях постоянно стал возвращаться к Сукуровой. Определенно, в ней было нечто притягательное, отличающее ее от остальных женщин.

И вот теперь она, многозначительно улыбаясь, говорит, что ему лучше знать, как она провела вечер! Хотя, что, собственно говоря, было такого накануне? Сукурова, как это частенько бывало в последнее время, попросила помочь ей в чем-то разобраться и засиделась у него в кабинете допоздна. Сотрудники

отдела давно уже разошлись по домам. А Сергею Александровичу все не давали покоя ее ноги, слегка прикрытые юбкой выше колена, и он с увлечением продолжал свои пояснения. Потом пришла уборщица, и это почему-то смутило их обоих. Сукурова поблагодарила его и попрощалась. Сквозь стеклянные стены своего кабинета он видел, как она надела пальто и вышла. Куликов бросил взгляд на часы — было начало девятого! Как это он не заметил, который час. Лариса не любила, когда он задерживался без предупреждения. Куликов торопливо надел пальто и скорым шагом вышел из кабинета. Но, выезжая с парковки, он заметил Сукурову. Она ловила такси.

Куликов никогда не подвозил своих сотрудниц. Он вообще придерживался принципа: никаких «порочащих» связей на службе. Но проехать мимо

Лилии Семеновны ему показалось невежливым. К тому же Куликов имел склонность к благородным поступкам особенно, когда они не требовали чрезмерных жертв. Он взял резко вправо и остановился у тротуара.

— Подвезете, Сергей Александрович? — задорно спросила Сукурова, заглядывая внутрь его машины через открытое окно.

— Конечно, садитесь, Лилия Семеновна. А где Вы живете?

Оказалось, что его заместительница жила на противоположном конце города, на Алтуфьевском шоссе.

«Надо бы предупредить Ларису, что я задерживаюсь», — подумал Куликов. Но присутствие Сукуровой смутило его, и он не стал звонить домой.

— Какую музыку предпочитаете? — поинтересовался Куликов.

— А что у Вас есть?

— Я люблю классику, — и Куликов, пытаюсь произвести положительное впечатление, прибавил громкости. Божественный голос Марии Каллас полился из динамиков автомобиля.

— Я люблю на русском языке, — помолчав, сказала Сукурова.

«Какое странное определение», — подумал Куликов и убавил громкость.

— Вы не водите машину?

— Нет, не вожу.

— Почему?

— У меня астигматизм.

Они подъехали к ее дому, но Сукурова не торопилась выходить из машины. Сергей Александрович поймал себя на мысли, что ему и не хочется, чтобы она выходила. В сумерках мартовского вечера он наслаждался ее профилем. Впервые он осознал, что она дьявольски красива. Тогда Куликов медленно приблизился к ней и осторожно прижался губами к

ее щеке. Он не был уверен в ее реакции. Как она отреагирует на это? Но Сукурова оставалась сидеть в том же положении, молча глядя перед собой. Тогда он поцеловал ее в губы. Они оказались теплыми и податливыми. Когда он оторвался от нее, их глаза встретились. В ее взгляде отразилась затаенная страсть. Тогда Куликов просунул руку ей под пальто и почувствовал, как бьется ее сердце.

— Все, Сергей Александрович. Вам пора, Вас гражданская жена ждет давно, — зашептала она горячими губами.

— Никто меня особенно не ждет, Лилия Семеновна, — забормотал он, снова ища ее губ.

— Ждет, ждет. Вам пора, — отстраняясь от него, шептала она.

Но Сергей Александрович разошелся не на шутку.

— Все, все, все, — она выскользнула из его объятий и, шепнув на прощанье

«до завтра, Сергей Александрович», неторопливо пошла к своему дому.

Вот, собственно говоря, и все! Ничего особенного не произошло. Ему бы следовало так и ответить ей. Но вместо этого, Куликов с нотками флирта в голосе спросил:

— Откуда же мне знать, Лилия Семеновна, как Вы проводите свои вечера?

Во время этого непродолжительного диалога он неотрывно смотрел в ее темные глаза, которые говорили ему: «Да, Сергей Александрович, у нас с Вами теперь есть общая тайна, и это нам обоим очень нравится».

— Уж не знаю, Сергей Александрович, откуда Вам знать, но я думаю, что с начальственного кресла виднее, — с расстановкой произнесла Сукурова. Потом она оглянулась, посмотрела сквозь стеклянную стену на сотрудников от-

дела, как будто проверяя, не слышит ли ее случайно кто-нибудь, и тихо добавила:

— Вам понравилось со мной вчера?

«Что за чушь она несет? Что понравилось? Мы же только-то и поцеловались пару раз? Какой-то нелепый разговор», — вертелось в сознании у Куликова.

— Понравилось, — тем не менее, произнес он осипшим от волнения голосом и потом выпалил:

— Кстати, что Вы сегодня делаете вечером?

— Сегодня вечером? — протянула Сукурова интригуяще. — А зачем Вам это знать, Сергей Александрович?

— Да так, думал пригласить Вас поужинать куда-нибудь, — и Куликов подмигнул ей лукаво.

— Вы желаете пригласить свою подчиненную на ужин? Не кажется ли Вам

такое поведение немного странным, даже, я бы сказала, предосудительным? К чему Вы меня, беззащитную женщину, склоняете? — вызывающе глядя на него своими распутными глазами, тихим голосом сказала Сукурова.

«Вон она куда клонит! — забеспокоился Куликов. — Черт его знает, что от нее можно ожидать. Я же ее совсем не знаю. Ах, не надо бы этих связей на работе, не надо! Еще пойдет в службу кадров и заявит, что ее начальник к сожителю склоняет? Но и в грязь лицом ударить нельзя. А то потом веревки вить из меня будет».

— Да нет, я ничего, собственно говоря. Даже не знаю, что Вы, Лилия Семеновна, подумали. Я полагал, что мы просто не успели вчера закончить обсуждение одного рабочего вопроса, — приняв официальный тон и насупившись, сказал Куликов.

«Ну и хорошо, что все само собой закончилось. И слава богу. Гора с плеч. И не надо теперь самому затевать неприятный разговор», — подумал он и шумно выдохнул.

— Аaaa, рабочего вопроса. Вот что Вы имеете в виду, Сергей Александрович. Но это же совсем другое дело. Я думаю, это можно будет осуществить на следующей неделе. Я смогу выкроить вечер для такого мужчины, — опять вернула в прежнее игривое русло разговор Сукурова. Темные глаза ее призывно загорелись теплым светом.

Мысль о ее доступности вновь пробудила сладкое томление в его груди. Куликов вспомнил, как долго ворочался этой ночью, думая о глазах, губах и груди этой необычной женщины. О ее профиле в синих морозных мартовских сумерках.

— Только на следующей неделе?

— Боюсь, раньше не получится, — с волнением сказала Сукурова.

— Что ж, будет трудно, но я дождусь. А в какой день? — приобретая былую уверенность, быстро осведомился Куликов. Он, вообще, все в жизни делал быстро, из-за чего порой совершал недальновидные поступки.

Сукурова задумалась. Она, напротив, как опытный охотник, уверенный в безупречности своих силков, казалось, никуда и никогда не спешила.

— Я думаю, у меня получится в среду. Игорь как раз поедет к своей маме, — сказала она, когда Куликов уже начал терять терпение.

Сергей Александрович Куликов часто ловил себя на мысли, что если бы его попросили описать ее лицо, то он бы толком не смог этого сделать. Он

рассказал бы, какого она роста, описал бы ее фигуру и прическу. Но вот само лицо ее, за исключением, пожалуй, губ, всегда удивительным образом ускользало из его цепкой памяти. А между тем, она уже давно заполнила собою всю его жизнь без остатка.

Вообще-то, любая человеческая жизнь всегда представлялась Сергею Александровичу в виде сосуда, который каждый заполняет по своему усмотрению.

Многие не знают толком, как лучше распорядиться ею. Так, одни заполняют ее пьяными кутежами и наркотиками, другие — азартными играми, а есть и такие, которые, не понимая, чего хотят от жизни, хватаются то за одно, то за другое, так и не достигая никаких результатов. Встречаются, разумеется, люди, которые и рады бы наполнить свою жизнь чем-то интересным и значительным, но не имеют таких возмож-

ностей. У кого здоровье слабовато, у кого родители не вышли, кому-то просто хронически не везет, да мало ли чего плохого в жизни случается!

У Сергея же Александровича с юности все было педантично разложено по полочкам. Всему-то он придавал соответствующую степень важности. Такой ранжир здорово упрощал ему жизнь, позволяя с чем-то, входящим в его жизнь, быстро соглашаться, а что-то отметить без лишних раздумий и сожалений.

На первом месте у него была карьера. Сергей Александрович был очень честолюбив и намеревался достигнуть на этом поприще больших высот. Он полагал, что если его карьера будет складываться благополучно, то все остальное — деньги, достойное место в обществе, семья, дети — приложится само собой. Рядом с ка-

рьерой в сосуде жизни разместилось здоровье, которому он всегда уделял большое внимание. Он никогда не курил, не пробовал наркотиков и не злоупотреблял спиртным, считая все это проявлениями слабости человеческой природы. Далее шли различные хобби, увлечения и развлечения, куда он также относил свои отношения с противоположным полом, и на которые он всегда смотрел как на забавные и необременительные приключения. Куликов пользовался успехом у слабого пола. Сам же при этом он никогда сильно никем не увлекался и в глубине своей души на женщин смотрел свысока.

Особенное место в иерархии построения его бытия занимала будущая семья, все условия для образования которой как раз созрели. Он почти год жил гражданским браком с Ларисой,

с которой после своего недавнего повышения по службе планировал вступить в законный брак и завести детей. Да и возраст был подходящий. Ему недавно перевалило за тридцать. Куликов был волевым и целеустремленным человеком и никогда не допускал, чтобы основные составляющие его жизни менялись местами по значимости.

В первый раз он увидел Сукурову в кабинете своего непосредственного начальника Буренкова. Это было в середине зимы. Куликов только вышел после новогоднего отпуска. Они с Ларисой ездили нырять с аквалангом в Египет. Сейчас то время казалось ему чем-то чистым, беззаботным и очень далеким. Хотя с тех пор прошло всего ничего: каких-нибудь пару месяцев.

В то утро новоиспеченный начальник отдела энергичным шагом вошел

в свой новый кабинет, повесил пальто, любовно провел рукой по благородной поверхности своего нового письменного стола, крутанул добротное кожаное кресло. Все! Больше ему не надо будет ютиться за маленьким дешевым столиком, с трудом помещаясь на неудобном креслице с тряпичной обивкой. К этому кабинету он шел несколько лет и не зря. Отсюда все видится по-другому. Отсюда открываются совершенно иные карьерные перспективы. Сквозь прозрачные стены Куликов окинул взглядом свои владения. Концепция единого офисного пространства в действии! Его подчиненные общей численностью в пятнадцать человек были у него как на ладони. Все они, включая двух его заместителей, старательно делали вид, что трудятся. Сергей знал, что это не так, но его это не смущало. Так уж было заведено. Он сел в кресло, положил ноги

на стол и снова удовлетворенно посмотрел вокруг. Затем Куликов нажал заветную кнопку «секретарь» внутренней связи.

— Слушаю Вас, Сергей Александрович, — раздался любезный голос секретарши Наташи.

— Наташа, сделайте мне, пожалуйста, чашечку кофе. Со сливками.

— Хорошо, Сергей Александрович, — ответила Наташа и отправилась делать для него кофе.

Это было тоже новое в его жизни. До этого он кофе делал себе сам.

Раздался звонок. На телефонном дисплее отразилась фамилия «Буренков». Куликов снял трубку и услышал приветливый голос шефа:

— Сергей, привет. На месте? Загляни ко мне.

— Иду, Петр Иванович, — ответил Куликов и ретиво встал с кресла.

В приемной как всегда царил давящая тишина. Неопределенного возраста секретарша Анастасия Ивановна недовольно посмотрела вверх очков на вновь вошедшего. В приемной находились еще два посетителя. У них был слегка виноватый вид, как у нашкодивших подростков, смиренно ожидающих справедливого наказания от своего строгого воспитателя.

Но Сергей относил себя к новому поколению молодых профессионалов, которым не к лицу ронять свое достоинство. Широко улыбаясь, он твердым шагом пересек приемную, кивнул головой Анастасии Ивановне и взялся за ручку двери кабинета своего начальника.

— Он занят... — ядовито сказала секретарша. Она не любила Куликова, как, впрочем, и остальных нижестоящих сотрудников своего шефа. Тем бо-

лее что многие из них с ней заискивали, тем самым еще более укрепляя ее чувство собственной значимости.

— Он меня вызывал, — небрежно бросил Куликов и вошел в кабинет шефа.

Там, в тишине толстых стен — игры в единое офисное пространство на этот уровень руководства уже не распространялись — он увидел лысую голову, которая склонилась над письменным столом.

— Добрый день, Петр Иванович, — бодро сказал Сергей, чеканя каждое слово. Он давно усвоил, что Буренков не любит, когда ему, изображая лояльность, подобострастно мямлят что-то неразборчивое, но приветствует ясное и краткое изложение сути.

— Сергей, привет. Садись. Как тебе на новом месте? Осваиваешься?

— Спасибо, все нормально, Петр Иванович.

— Ну вот и хорошо. Да ты садись, — и он указал на кресло, стоявшее перед его столом. Куликов сел.

— Слушай, — продолжал Буренков, — тут есть одна женщина, ее надо бы к тебе в отдел взять.

— Какая женщина? — насторожился Куликов. Ему не хотелось иметь в подчинении слабоуправляемых людей.

— Нормальная женщина.

— Но у меня вакансий нет, — мотивированно сопротивлялся новоиспеченный начальник отдела.

— Это не проблема, Сергей. Ладно, скажу тебе, чтобы яснее было. За нее Якунин очень просил. Она будет третьим твоим замом. Подумай сам, что ей поручить. И знаешь что, будь с ней поласковее.

Это сообразительному Куликову объяснить было не надо. Игорь Геннадьевич Якунин был влиятельной фигурой в их конторе. Значит, все было уже решено, и сопротивляться бесполезно.

— Понятно, — коротко ответил он.

— Анастасия Ивановна, Сукурова подошла? — спросил по внутренней связи Буренков.

— Да, Петр Иванович, она уже ждет, — подобострастно ответила секретарша.

— Хорошо, пусть заходит.

В кабинет вошла женщина лет тридцати, на высоких каблуках, в облегающем платье бежевого цвета.

«Какая у нее хорошая фигура», — пришло на ум Куликову.

— Здравствуйте, Петр Иванович, — сказала она низким голосом.

— Присаживайтесь, Лилия Семеновна, — и он указал рукой на второе крес-

ло, стоявшее перед его столом. Она села, поправила рукой челку черных как крыло ворона волос и изучающим взглядом посмотрела на Куликова.

Буренков коротко представил их другу и пожелал успешной совместной деятельности. Сукурова пошла в «кадры» оформлять последние документы, а Куликов вернулся на свое рабочее место. С тех пор прошло два месяца.

Договорившись о своем первом свидании с Сукуровой, Куликов пришел в хорошее расположение духа и отправился на обед со своим давним приятелем, начальником одного из отделов в их управлении. Они были друзьями уже много лет и часто ходили в обеденный перерыв в ресторанчик по соседству с их офисом.

Разговор шел о разных пустяках, а когда подали кофе, Константин спросил:

— Как тебе, кстати, твоя новая заместительница?

Сердце Куликова забилося учащенно, как если бы его коллега тоже претендовал на Лилию Семеновну.

— Какая? Сукурова, что ли? — пытаюсь скрыть охватившее его волнение, переспросил Куликов.

— Ну да, у тебя же одна заместительница — остальные мужики, — ухмыльнулся Константин.

— Конечно, конечно, просто сразу что-то не подумал. Вроде нормально все, претензий к ней никаких. А что?

— Сейчас расскажу тебе историю, вот что. Только без передачи ...

— Разумеется, Константин, у нас все всегда без передачи. Знаем же друг друга сто лет! — сказал Куликов, а сам замер в нервном ожидании.

— Так вот. На прошлой неделе раздастся звонок по внутренней связи. Я сни-

маю трубку: Сукурова. Можно, говорит, к Вам зайти по одному служебному делу? Я, естественно, не возражаю. Она заходит и, ссылаясь на то, что она в нашей работе новичок, просит помочь разобраться в специфике моего отдела. Я, правда, не совсем понял, зачем ей это, но она что-то наплела, и я битых полчаса распинаясь о премудростях нашего дела. Она внимательно слушала, а потом, сославшись на то, что время обеденное, предложила продолжить в ресторанчике. Барышня, надо сказать, она фактурная.

При этих словах приятеля Куликов поморщился. Ему было досадно, что кто-то еще в фамильярной манере позволяет себе говорить о достоинствах Сукуровой. А его коллега тем временем бесхитростно продолжал:

— В ресторане мы разговорились на прочие темы. Она была подчеркнута

вежлива и корректна, обращалась только на «Вы». А когда мы неспешно возвращались пешком в офис, она возьми да спроси: «Ну что, Константин Романович, спать со мной будете?» Прикинь?! Я, откровенно говоря, просто обомлел. До этого случая я ее видел-то всего раз пять. Так, знаешь, в коридоре да на совещаниях у Буренкова встречались, — и он замолчал.

Куликов почувствовал, как кровь пульсирует у него в висках. Он оценивающе посмотрел на своего приятеля — рыжий, рыхлый и в очках, разве что рослый. И что она в нем нашла?

— А ты что? — стараясь казаться безразличным, выдавил из себя Куликов.

— А ты как думаешь, Серега? Барышня она фактурная...

«И чего он привязался к этому похабному словечку!» — раздраженно подумал Куликов.

— Ты бы как отреагировал? — засмеялся его друг.

Вместо ответа, Куликов криво улыбнулся и развел руками. Он так разволновался, что голос мог легко выдать его состояние.

— Ну вот и я тоже. Согласился, конечно... — Она таинственно улыбнулась и сказала, что сама мне позвонит.

— Ну и?

— Пока не звонила.

— А у нее, к слову сказать, муж имеется. Якунин, — мрачно сказал Куликов.

— Я слышал, что он не муж ей, да и какое это имеет значение. Ты мне лучше скажи, что она собой представляет? — спросил Константин.

— Женщина, как женщина. Работает, вроде бы, неплохо. А так не знаю.

Весь остаток дня он думал об этом разговоре. Мысли о ее беспутстве возбуждающе подействовали на Кулико-

ва. Но в то же время он чувствовал себя уязвленным. Получалось, что он, Куликов, для нее не так уж много и значит. Но он не мог в это поверить. А может быть, она над ним просто насмехается? Но зачем? И что она нашла в Константине? Она хочет параллельно с двумя? Она шлюха? Тогда нечего с ней связываться. И уже поздней ночью, лежа в кровати у себя дома, он твердо сказал себе, что никуда в среду вечером не пойдет и выкинет ее из головы.

Однако уже вечером следующего дня он под каким-то предлогом зашел к Константину и на всякий случай осведомился, не звонила ли ему Сукурова. Оказалось, что нет, не звонила. Не позвонила она ему и в последующие дни. И Куликову пришло в голову, что Константин, пытаясь преувеличить свои достижения на женском фронте, просто соврал ему.

Все последующие дни Сукурова вела себя так, как будто их объединяли только профессиональные отношения. Куликов даже стал беспокоиться, не забыла ли она об их договоренности.

Наступила заветная среда, но Сукурова с утра в офисе не появилась. Вместо этого она позвонила ему в середине дня и официальным тоном попросила об отгуле по семейным обстоятельствам.

Куликов почувствовал себя униженным. Какой отгул? А она помнит, что они договаривались на сегодняшний вечер? Он ждал этого целую неделю! Однако Куликов не стал показывать ей, как больно она его задела и, собрав волю в кулак, безразличным тоном сказал:

— Конечно, Лилия Семеновна. Никаких проблем.

Потом он, не дожидаясь, что она скажет, повесил трубку. После этого его

охватили сомнения, правильно ли он поступил. Может быть, Сукурова хотела ему что-то сказать? Может быть, она собиралась сообщить ему место и время их встречи? А он, грубо бросив трубку, этим испортил все дело, даже обидел ее? Несколько раз он собирался позвонить ей, но сомнения не давали ему это сделать.

Тем же вечером он от нечего делать заглянул к Константину, но того не оказалось на месте! Хуже того, выяснилось, что он тоже взял отгул. Что же это получалось? Она все же позвонила Константину! И сейчас, когда он, Куликов, наивно рассчитывает на встречу с ней, они проводят время в любовных утехах. Возможно, она даже в эту самую минуту рассказывает Константину о том, как Куликов неуклюже, как подросток, полез к ней, замужней женщине, под пальто. И сейчас они, лежа в по-

стели, смеются над тем, как смешон он был, приставая к ней с романтическими поцелуями!

Сидя в пробке по дороге домой, Куликов нашел в себе силы вернуть ход своих мыслей в рациональное русло: «И что я так распереживался? Прямо страдания юного Вертера какие-то. Тридцатилетний, солидный мужчина в любовь поиграть вздумал. Да и зачем мне это? Она, в конце концов, замужняя женщина! Или кто там ей этот Якунин? Пусть он и переживает. А мне до этого не должно быть совсем никакого дела. И пошла она к чертовой матери. Больше никаких двусмысленных бесед с ней вести не буду — только рабочие отношения». С этими праведными мыслями в голове он вошел в свою квартиру.

Услышав звук открываемой двери, Лариса выбежала его встречать. Это

была миниатюрная блондинка с пухлыми губами и вздернутым симпатичным носиком. Волосы ее были собраны в пучок. Но даже такая простая прическа не могла испортить ее природной красоты. В свое время Куликову пришлось немало постараться, чтобы завладеть ее сердцем. Еще год назад она встречалась с его близким другом Давыдовым. И хотя тот всегда уверял, что не имеет на Ларису серьезных видов, с тех пор их дружба почему-то сошла на нет. Все трое трудились в одном здании, но в разных департаментах. Занимала Лариса незначительную должность, да и не стремилась к большим карьерным достижениям. Ее отец, бизнесмен средней руки, и так исполнял любые ее желания, и она легко смотрела на вещи. Куликов же, родители-пенсионеры которого сами нуждались в материальной поддержке, напротив, ко всему в жизни относился

очень серьезно. К тому же был он по натуре мнителен, хотя и тщательно скрывал это свое качество от других, находя его постыдным. В последнее время его начало беспокоить, что Лариса, не в пример большинству женщин, никогда не заводила с ним разговор о замужестве. Правда, сам-то он тоже не спешил жениться. Но то, что его когда-то радовало, теперь стало тревожить. И вот, после его назначения, во время их отпуска в Египте Лариса согласилась выйти за него замуж, как только забеременеет.

— Отгадай, что? — пропела Лариса.

— Что же? — переняв ее веселый настрой, улыбнулся в ответ Куликов. Он на время забыл о Лилии Семеновне и всех своих тревогах, с нею связанных.

— Нет, ты! Ты! Отгадывай!

— Ну не знаю!

— У нас будет ребенок! Я беременна!

Он взял ее на руки и, хохоча от радости, завертел вокруг себя.

— Дурачок, отпусти, мне теперь нельзя, — пищала Лариса.

— Пойдем в ресторан, отметим!

В ресторане они пили шампанское, хохотали, веселились. И Куликов спросил:

— Когда поедем в ЗАГС?

— Ты же мужчина, ты и предлагай, — засмеялась Лариса.

— Тогда на следующей неделе. С делами разгробусь только. А пока все узнаю, что, куда.

От радости Куликов не мог заснуть до трех часов ночи и на работу приехал немного осунувшийся.

Первый звонок с утра он получил от Сукуровой.

— К Вам можно, Сергей Александрович? — спросила она печально.

На ней практически не было косметики, а лицо ее отражало страдания,

которые честолюбивый Куликов тут же принял на свой счет.

Пусть знает, кого потеряла! Да только поздно уже! Он молча подписал какие-то документы и зачем-то поинтересовался:

— Вы неважно выглядите, Лилия Семеновна. У Вас что-нибудь случилось?

— Вы тоже неважно выглядите, Сергей Александрович, — с нотками сожаления заметила она, как говорят о чем-то дорогом, но уже давно и безвозвратно утерянном.

— У меня все в порядке, просто поздно заснул, — поспешил он с ответом.

«Не надо бы разговаривать с ней на личные темы!» — невольно пришло ему в голову.

— А у меня вот не все в порядке, — ее взгляд молил о помощи. Как мы уже знаем, Куликов считал себя благородным человеком. В связи с этим он рас-

судил, что должен быть выше и сильнее обстоятельств. Он не может пройти мимо страдания других, как бы они не вели себя с ним перед этим.

Начальник — это еще и защитник своих подчиненных. И ничего страшного не произойдет, если он, как чуткий руководитель, поинтересуется, чем живут его сотрудники. Иначе ему просто сложно будет управлять своим штатом.

— Что же у Вас случилось, Лилия Семеновна?

— Понимаете, у меня сложилась очень сложная ситуация. Вы человек мудрый, Сергей Александрович ...

— Нууу, — покраснел от удовольствия новоиспеченный начальник отдела.

— Не спорьте, не спорьте. Конечно, Вы мудрый. Посмотрите, как Вас слушаются Ваши подчиненные. Одно Ваше слово, и любой, я подчеркиваю, любой из них сделает все, что только Вам бу-

дет угодно. А Вы ведь еще совсем молоды. Поверьте мне, такое не часто встречается в жизни. Я слышала, у Вас красивая любящая жена, — она смиренно смотрела в пол. — Ну да ладно, я совсем не об этом хотела говорить. Я хотела бы попросить Вас о совете.

— Даже и не знаю, могу ли я ... — Куликов почувствовал, что ему очень хочется услышать о личной жизни Сукуровой.

— Что же тут знать? Просто я прошу Вас выслушать меня, да и только. Согласны Вы на это?

— Ну, хорошо, хорошо, — смягчился Куликов. Он встал и закрыл дверь своего кабинета.

— Я только боюсь, что здесь не очень подходящее место для этого разговора. Подчиненные все видят через прозрачные стекла Вашего кабинета.

Куликов уже хотел сказать, что ничего они не слышат, но, посмотрев в смиренные глаза Сукуровой, он сказал:

— Хорошо, давайте пообедаем вместе. В ресторане нас никто не услышит.

— Я не могу в обед. Вы же знаете, у меня очень много Ваших заданий накопилось со вчерашнего дня ...

— Не волнуйтесь, я перенесу срок исполнения документов.

— Ну что Вы, я так не могу. Об этом узнают, и Вы тем самым подорвете свой авторитет. Ведь Вы же никогда не изменяете своих решений, я знаю. Я хотела бы просить о Вашем времени сразу после шести? Совсем не обязательно приглашать меня в кафе — это не тот случай. Можно просто поговорить у Вас в машине. Я не займу более десяти минут Вашего времени.

На самом деле Куликов не был чрезмерно занятым человеком. Он редко

засиживался после шести часов в своем кабинете, куда частенько приезжал с небольшим опозданием. Но правдой было то, что он действительно старательно поддерживал имидж занятого человека среди своих знакомых. И признание этого другими было ему всегда приятно, как приятно ему было и то, что его относят к решительным людям.

Сукурова попросила его отъехать за два квартала от их офиса, что он и сделал, выйдя ровно в шесть, как они и договорились. Он сидел и ждал в машине битых полчаса. Она выбрала довольно странное место. Мимо него проходили его сотрудники и с интересом кивали ему головой. Рядом с ним могла запросто проехать Лариса! Однако раздражение его странным образом перемешивалось с желанием обладать Сукуровой и беспокойством, что она может не прийти. И чем дольше он ее ждал, тем боль-

ше росла его тревога. Наконец, Сукурова неторопливо открыла дверь его машины и села. Куликов не поворачивал головы, пытаясь таким образом продемонстрировать свое недовольство. Однако она была рядом, и все его тревоги уже остались позади.

— Извините, пожалуйста, Сергей Александрович, что заставила Вас ждать. Но я ничего не могла поделать. Буренков вызвал и продержал у себя целых двадцать минут.

Куликов подумал, что это действительно была разумная причина. Он бы и сам поступил так же, если бы его вызвало начальство. Но зачем, спрашивается, она ходит к нему через его голову?

— Что ему от Вас надо, интересно знать? — сердито спросил он.

Сукурова объяснила, что интересовало его начальника и, словно читая его мысли, смиренно добавила:

— Он, конечно же, позвонил вначале Вам, но Вы уже уехали. Не сердитесь, прошу Вас, Сергей Александрович, мне сейчас и без того очень плохо. И давайте лучше отъедем куда-нибудь отсюда.

Ее рука нежно коснулась его запястья.

— Я думал, что у Вас только среда свободна, — съязвил Куликов.

— Теперь, боюсь, у меня все вечера свободными станут, — тихо ответила Сукурова.

Они переместились в один из переулков центра Москвы. Куликов припарковал машину и посмотрел на свою спутницу. С момента их утреннего разговора с ней произошли радикальные изменения. Она стала дьявольски красива! Изменилась и ее осанка. Она больше не сутулилась, как у него в кабинете.

— Вы что, в рабочее время салон красоты посещаете, Лилия Семеновна?

— Мне пришлось. Завтра у подружки день рождения. Неудобно явиться на праздник не в форме. Извините, так пить хочется.

Куликов, помолчав, ответил:

— Тут кафешка одна есть. Можем зайти.

Это было крохотное полуподвальное помещение. Они заказали по бутылке кока-колы, и Куликов отлучился в туалет. Когда он вернулся, напитки уже были разлиты по длинным бокалам. Его внимание привлек крохотный голубой флакончик, притаившийся рядом с перечницей и солью.

— Что это у Вас такое необычное? Ароматизаторы какие? — спросил Куликов официанта, который подошел узнать, что они будут заказывать после аперитива.

— Не знаю, это не наше. Что будете ...

— Ничего не надо больше, спаси-

бо, — перебила официанта Сукурова и приступила к своей истории. Говорила она сбивчиво и неуверенно, как будто хотела покаяться в чем-то.

— Если Вы помните, Сергей Александрович, я упомянула, что у меня теперь все вечера свободные. Так вот это действительно не преувеличение. Но надо начать с начала. Дело в том, что у меня есть дочь — подросток. Я родила ее в восемнадцать лет. Нет, лучше начать с другого. Так уж сложилось, что с моим мужем у меня никогда не было сильной любви. Была, пожалуй, юношеская влюбленность, результатом которой и явилась моя беременность. Мы слишком рано соединили свои судьбы, не понимая по молодости, что являемся совершенно разными людьми. С самого первого дня нашего брака мы жили как кошка с собакой. Не скрою, у меня бывали легкие увлече-

ния на стороне. А кто не грешен? Но год назад я повстречала одного человека. Вы его, наверное, знаете. Это Игорь Якунин. Он показался мне человеком широким, свободным и готовым все отдать за меня. И действительно так и вышло: Игорь из-за меня ушел от жены. Купил новую квартиру. Поверьте, на такие жертвы готовы не все мужчины. На меня это произвело большое впечатление, и я решила оставить мужа и переехала к Якунину. Какое-то время я была абсолютно счастлива. Игорь боготворил меня. К тому же с ним как за каменной стеной.

Куликов вспомнил Якунина. Это был энергичный, плотный, сильно лысеющий человек лет сорока пяти. У него были крупные, немного одутловатые черты лица, сверлящий собеседника взгляд, большие, с огромными ногтями, руки. Он был значительно старше Кули-

кова по служебной иерархии. И как она только живет с таким типом?

— Так вот, — продолжала Сукурова, — мы жили, как и вы, гражданским браком. Планировали расписаться как раз на днях. Но выяснилось, что моя неумышленная дочь просто не переносит, а он, естественно, платит ей тем же. Можно ли его за это винить? Не знаю.

От всей этой истории у Куликова пересохло в горле, и он, залпом осушив свою кока-колу, поморщился.

— Что с Вами? Сергей Александрович? — с тревогой в голосе спросила Сукурова.

— Так, вкус какой-то странный, продолжайте, пожалуйста.

— Так вот. Когда полгода назад я решила переехать к Якунину, моя дочь должна была какое-то время пожить с моим мужем в нашей квартире на шоссе Энтузиастов. Я думала, что мы — я,

моя дочь Светлана и Игорь — будем видеться по субботам-воскресеньям, и их взаимная неприязнь скоро пройдет. Вы не поверите, как я жестоко ошибалась. Дочь наотрез отказалась с ним встречаться. Она отказалась даже говорить на эту тему. Тогда я стала разрываться между двумя домами, между, как еще недавно казалось, любимым мною человеком и своей дочерью. Я взяла за правило ночевать у себя дома с дочерью каждую вторую ночь. Поначалу все шло хорошо. Я же говорю: мы уже планировали расписаться. Но с недавнего времени Игоря стала буквально одолевать ревность к моему бывшему мужу Коле, который, естественно, продолжает жить в нашей старой квартире с нашей дочерью. Ах, какое это глупое чувство! Особенно в моем случае. Посудите сами: ведь, я ушла от мужа, фактически оставила дочь, и все ради него! Я пыталась

это ему как могла объяснить. Но Игорь ничего не желал слушать. А позавчера, когда я ему сказала, что собираюсь следующую ночь, как обычно, провести на моей старой квартире с дочерью, он как с цепи сорвался. Закричал, чтобы я непременно возвращалась ночевать домой! Но подумайте сами: ездить через день из центра до конца шоссе Энтузиастов, а потом возвращаться в конец Алтуфьевского шоссе — это мало кому под силу! А он все кричал, что ему все равно, и что ему неизвестно, чем я там со своим бывшим мужем занимаюсь, и что мой дом здесь! И, значит, ночевать я обязана здесь. Здесь, орал он, тыкая пальцем в пол! А потом ударил меня по щеке! Вам, Сергей Александрович, наверное, даже сложно такое вообразить? Я уверена, что Вы никогда не смогли бы ударить женщину, Вам, конечно, дико слышать всю эту грязь, но я уже ... Ах,

я уже и не знаю, где мой дом. Я просто хлопнула дверью и ушла. Я такого терпеть не могу — у меня тоже есть гордость. А он кричал мне вслед, что если я не приду домой ночевать, то могу больше не возвращаться. Но я не знаю, как мне быть? Подскажите, Сергей Александрович! Вы мудрый, благородный человек. Вы, я уверена, знаете ответы на все в жизни!

Они сидели наискосок друг от друга за крошечным столиком. Куликов в течение всего монолога смотрел в красивые, полные страдания глаза Сукуровой. Вместо ответа он привлек к себе ее податливую голову, и их губы слились в упоительном поцелуе. Это было то единственное, к чему он так стремился все последние дни. Он хотел целовать ее еще и еще. Хотел обладать ею, этой странной и великолепной женщиной.

— Поедем куда-нибудь, — шепнул он.

— Поехали, Сергей Александрович, — шепнула она в ответ.

Куликов попал домой глубоко за полночь. Лариса уже спала. Пока Сукурова была в душе, он по телефону наврал ей, что у него переговоры с крупным клиентом. Куликов лежал в кровати и думал о Сукуровой. Он отвез ее к дочери. Значит, она ушла от Якунина? Тот ведь, кажется, говорил ей, что если она еще раз не придет ночевать, то может больше не возвращаться. Когда Сукурова после того, как они вышли из гостиницы, попросила отвезти его на шоссе Энтузиастов, Куликов даже обрадовался. Теперь же он беспокоится вращаясь с боку на бок. Не исключено, что она не стала возвращаться к Якунину из-за него, Куликова. Он оказался

вовлеченным в запутанную жизнь своей заместительницы. Но нужно ли ему это было? На днях он собирался жениться на Ларисе, которая ждала от него ребенка. Все у них ясно, хорошо и спокойно. И зачем ему все эти проблемы, в общем-то, малознакомой ему женщины? В любви он ей не признавался, обязательств никаких на себя не брал. Ну да ладно, жизнь есть жизнь, справится она как-нибудь со своими проблемами. У нее своя жизнь, а у него, Куликова, своя.

Весь следующий рабочий день был ничем не примечателен. Сукурова к нему не заходила. И Куликов, опасавшийся возможных притязаний с ее стороны, подумал, что их короткий роман на этом можно считать законченным. Поначалу он даже обрадовался. Но чем больше он невольно наблюдал за Сукуровой через прозрачные стены свое-

го кабинета, тем больше снова хотел ее.

Она зашла к нему только в самом конце рабочего дня. Аромат ее духов одурманивающе подействовал на него, и Куликову тут же показалось, что было бы низко без объяснений прекратить их роман, и что ему необходимо все же поговорить с ней на эту тему. Стараясь не встречаться глазами со своей подчиненной, Куликов приступил к повествованию о последних событиях своей жизни. Он говорил о том, как Лариса любит его, о том, что она ждет от него ребенка, и что, в этой связи, они решили пожениться. Говорил он сбивчиво, как будто стесняясь чего-то. Но в конце все же выдал из себя, что, как честный человек, которому нечего в создавшейся ситуации конкретного предложить Сукуровой, он, чтобы никоим образом не мешать ей своим

присутствием, почел бы за благо во все удалиться из ее личной жизни. Ему это, конечно же, очень трудно и больно. Но что делать? Однако, чем дольше он говорил о необходимости их расставания, тем больше желал обратного, и тем невнятнее звучала его речь.

Сукурова же, покорно выслушав его, заговорила:

— Конечно же, Сергей Александрович. Вы, как всегда, совершенно правы. Вчера я, видно, совершила большую ошибку. На меня просто что-то нахлынуло необъяснимое. Должно быть, это все Ваш природный магнетизм, который мало кому дано преодолеть. Вот я и попалась в его сети, как бабочка в паутину.

Куликов покраснел и даже сделал неопределенный жест рукой, но Сукурова продолжала:

— Да, Сергей Александрович, не спорьте. Вы просто многого о себе не знаете. Вы можете подчинять себе людей. У Вас все впереди. И Вы, конечно же, совершенно правы. У Вас семья. А я? Что я? Я пойду своей дорогой.

Все было кончено. И ему стало жаль Сукурову. Одинокая женщина доверилась ему. Она определенно страдала. Надо хотя бы подвезти ее напоследок.

— Давайте я подвезу Вас до дома, Лилия Семеновна, — сказал Куликов. Лариса как раз сегодня взяла отгул и не могла их случайно увидеть.

— Буду Вам благодарна за это, Сергей Александрович, — смиренно ответила Сукурова.

— Тогда я спускаюсь и жду Вас в машине.

— Хорошо.

Запах духов Сукуровой продолжал кружить Куликову голову, и, ожидая

ее в машине, он подумал, что раз так складываются обстоятельства, то надо бы отвезти ее в гостиницу еще разок. И этот раз уж точно будет последним. Мысли о том, что он скоро сможет остаться с ней наедине, о ее доступности будоражили его все больше. А Сукурова все не появлялась. Наконец, спустя минут тридцать, когда в дверях показалась ее фигура, Куликов превратился в туго натянутую нить нетерпения. Но тут произошло нечто чудовищное. К самым дверям офиса подкатил большой черный автомобиль Якунина. Сукурова буднично открыла заднюю дверь и бросила туда свой портфель. Потом, как ни в чем не бывало, как будто Куликов и не ждал ее вовсе и не сгорал от страсти, она села на переднее сидение, и машина Якунина тронулась с места.

Целая палитра чувств утраты, унижения, оскорбленного мужского самолю-

бия, негодования обрушилась на Куликова. Руки его задрожали, горло перехватило. Сердце, разгоня горячую кровь по телу, рвалось выпрыгнуть из груди наружу. Первобытный инстинкт овладел им. Он был на все готов, лишь бы сейчас же подчинить ее себе, заставить быть с ним. Не размышляя о последствиях, Куликов нажал на газ и погнался за ними. Когда он поравнялся с машиной Якунина, Сукурова, будто что-то почувствовав, повернула голову, и их взгляды встретились. Ее грустные любящие глаза были совсем близко, и они говорили ему: «Ну что я могу? Видишь, как все получилось».

На его счастье, в потоке их машина оторвалась от него. Чтобы он стал делать, если бы догнал Якунина? Остановливать, прижимать к тротуару? А что дальше? Кто он ей, кто она ему? Его поведение выглядело бы по меньшей мере

странно. Но как, как она могла так поступить с ним? Ведь они же договорились, Куликов ждал ее! А она преспокойно, на его глазах, села в машину к другому! Как это возможно?! Так с ним обращаться! Это что — игра такая? Ну да ладно, он ей покажет, твари такой! Он ей покажет, что может прожить без нее. Не замечать ее присутствия вовсе! Как будто она пустое место! Она еще пожалеет. Она не знает, кого потеряла!

Ехать домой Куликову не хотелось, и он отправился на тренировку по карате. Этим видом спорта он занимался уже лет пять и достиг в нем определенного уровня мастерства. Тем вечером он бился в спарринге в состоянии полного иступления. То ему казалось, что перед ним Якунин, то сама Сукурова. В конце концов, Сэнсэй Петрович вынужден был остановить спарринг, а Куликов — принести из-

винения своему партнеру за неспортивное поведение.

Дома, лежа в постели, он долго не мог заснуть. Куликов вновь и вновь возвращался к ситуации. Обманывала ли она его, что ушла от Якунина? Он ведь не заставлял ее силой садиться в свою машину! Нет, она села туда по собственной воле, к этому отвратительному типу, который ко всему прочему еще и бьет ее. В его сознании начинали всплывать самые яркие и грязные картины их соития. В его ушах стояли ее стоны страсти, которыми она теперь одаривала другого. Тяжелая ревность душила его. И вдруг ему показалось, что он различил желанный образ Сукуровой, отразившийся в зеркале спальни. Куликов в тревоге посмотрел на спящую рядом Ларису. Потом перевел взгляд на зеркало. Но никого там больше не увидел. Успокоился он только

под утро, в очередной раз дав себе слово расстаться с этой странной особой. Пусть только придет к нему просить прощения!

Однако Сукурова ни о чем таком и не помышляла. Всю следующую неделю она обращалась только по делу и всегда только по телефону. А когда требовалось подписать какие-нибудь документы, то она посылала к нему кого-нибудь из своих подчиненных. Куликов весь извелся. Ему необходимо было получить от нее объяснения. Но он думал, что, заговорив с ней первым, тем самым только унизит себя. И он терпел, стиснув зубы. Она должна была заговорить первой! Он сильнее этой развратной гадины! Но дни сменяли друг друга, и жестокая правда, что она просто поиграла с ним и бросила как ненужную вещь, неумолимо открывалась перед ним.

Однажды Буренков позвонил Куликову и сказал:

— Слушай, Сергей. Ты бы посмотрел еще, чем там Сукурова занимается.

— А что такое?

— А ты что — не в курсе что ли? Она уже мне всю плешь с этой темой проела за последнюю неделю. Ну, тем более, разберись там. Расскажешь мне подробнее свое мнение.

Куликов был в ярости. Надо же, от этой твари всего можно ожидать! Вначале в доверие втерлась, а теперь опять через его голову к начальству полезла! Ну я ей покажу! Придя к себе, он набрал внутренний номер Сукуровой и рявкнул в трубку:

— Лилия Семеновна, зайдите ко мне!

— Я могу к Вам через десять минут зайти, Сергей Александрович? Мне кое-

что закончить хотелось бы, — спросила Сукурова холодным тоном.

— Зайдите сейчас. Пока я еще Ваш начальник и лучше знаю, что важнее, — повысил голос Куликов.

— Хорошо, иду, Сергей Александрович, — ответила Сукурова, но появилась у него в кабинете только минут через десять. Эта ее задержка привела Куликова в еще большее негодование. Не успела она войти, он строго буркнул ей:

— Закройте дверь и садитесь!

— Хорошо, Сергей Александрович, — каким-то издевательски масляным голосом, с дерзкой улыбочкой на столь желанных им устах, заговорила Сукурова.

— Вы, я вижу, чем-то недовольны, Сергей Александрович. Так Вам это ни к лицу, — она разговаривала так, как будто имела над ним некую силу, могла им управлять. И что было особенно

неприятно, Куликов и сам осознавал это. И эту тварь он когда-то наивно жалел! Ну ладно, он покажет ей, кто здесь хозяин!

— Мне лучше знать, что мне к лицу, а что нет, — нервно заговорил Куликов. Но ее духи уже заполнили его небольшой кабинет. Голова его опять пошла кругом, как будто и не было этой недели, что они не виделись.

— Конечно, Сергей Александрович. Кому же, как ни Вам лучше это знать, — она смотрела на него в упор своими распутными глазами. Рот ее расплывался в порочной улыбке.

— Успокойтесь, Лилия Семеновна! — почти закричал Куликов.

— Я-то совершенно спокойна, Сергей Александрович, а вот Вы, по-моему, чем-то взволнованы. И, признаться, я не понимаю чем. Скажите, может быть, я смогу быть Вам чем-нибудь полезна.

Куликов наконец-то осознал всю нелепость положения. Он вызвал к себе подчиненную и без объяснения причин начал на нее кричать. В истинной причине своего раздражения ему не хотелось себе признаваться.

— Ладно, садитесь. Скажите лучше, какую еще тему Вы там Буренкову предлагаете? — взяв себя в руки, про бурчал Куликов.

— А, вот Вы о чем? — и Сукурова подробно изложила ему суть.

— А почему Вы ко мне не зашли вначале? Почему таскаетесь через мою голову к руководству? Меня в дурацкое положение ставите. Я, получается, не знаю, что у меня в отделе происходит, — зашипел Куликов.

— А Вы, Сергей Александрович, сами не знаете почему? — тон Сукуровой неожиданно поменялся. Во взгляде ее отразилась боль и мольба.

— Нет, сам не знаю.

— Все Вы знаете, Сергей Александрович. Прекрасно знаете, как мне тяжело дается общение с Вами. Знаете! Все знаете, только прикидываетесь. Поманили бедную Лилию Семеновну, надсмеялись, и что? Теперь, наверное, уволить хотите? Ну что ж, увольняйте. Я готова. Только голос на меня больше не надо повышать. Мне это от Вас терпеть особенно больно, — с горечью говорила Сукурова.

— За кого Вы меня принимаете ... Я и не думал ... Никто Вас увольнять не собирается... В коллективе Вас все ценят ... — смешался Куликов.

— Да, ценят, кроме непосредственного начальника, который за всю неделю даже не нашел времени поинтересоваться, как у меня дела! — выдавила из себя Сукурова. В красивых глазах ее стояли слезы.

— Что Вы, Лилия Семеновна, успокойтесь. Вы же сами уехали со своим Якуниным. Сначала со мной договорились, а к нему в машину на моих глазах сели! Это как понимать? Это Вы считаете нормальным?

«Боже мой, в какое русло перешел разговор?» — мелькнуло в голове у Куликова, но было уже поздно. Перед его глазами были ее ноги, слегка прикрытые деловым костюмом. В глубоком вырезе пиджачка он явственно различал ее атласное белье. Куликов не поднимал голову выше, потому что боялся снова встретиться с ней взглядом.

— А то, что Вы со мной переспали и поехали к своей жене? Это Вы находите нормальным? Думаете, мне это не больно было?

— Но Вы же сказали, что он Вас бьет? Он же негодяй! Как можно рядом находиться с таким человеком?

— Ну что Вам до других, Сергей Александрович?

— Но я просто переживаю за Вас. Мне больно видеть, как умная, образованная, красивая женщина терпит такие унижения.

— Ну что ж теперь? Не всем же иметь таких благородных и чистых мужей, как Вы. Мне тоже очень досадно видеть некоторые проявления близких Вам людей. Я бы тоже такого себе никогда не позволила, будь я на их месте. Но что же делать? Я молчу.

— Каких еще людей?

— Ладно, не будем об этом лучше, я не хотела бы Вас попусту беспокоить. Это ведь так, просто люди говорят. Да и не мое это дело вовсе.

— Нет, уж скажите.

— Ну, если настаиваете. Сама я не видела, конечно, но сотрудники говорят, что Вашу Ларису встречают за обедом

в нашей столовой в обществе Давыдова. Что ж теперь Вам с ней не жить из-за этого? Я когда такие злорадствующие разговоры слышу, сразу же их пресекаю. Люди должны своим делом заниматься, а не совать нос в чужой огород.

Куликов нахмурился.

— Зря я Вам сказала. Просто мне обидно за Вас стало. Прости, Сергей Александрович, слабую женщину. Это ничего не значащая мелочь, конечно, но мне стало досадно. Вы, человек такого высокого полета, заслуживаете лучшего. Вам хочется служить! А тут, что же получается...

— Что же Вы тогда неделю назад с Якуниным уехали?

— А что я могла?

— Как это «что могли»? Мы же договорились, что я Вас подвезу.

— Но Вы же сами мне все объяснили, Сергей Александрович, — смиренным тоном говорила Сукурова.

— Что я Вам объяснил, Лилия Семеновна?

— Объяснили, что нам встречаться ни к чему, что это может Вам повредить. А для меня, поверьте, вредить Вам — это последнее, что я хотела в этой жизни.

— Но мы же договорились! Я Вас ждал. Почему Вы уехали с Якуниным? Вы же расстались с ним. Вы сами говорили!

— Понимаете, Игорь импульсивный, но добрый и отходчивый человек. Меня он очень любит. После нашего с Вами разговора в тот день, когда Вы уже спустились к машине, я не могла найти себе места. Мне было очень тяжело. И тут он пришел прямо сюда в наш отдел. И сказал, что я его жена, и что он ждет меня. Что он дома бутылку шампанского по поводу моего возвращения приготовил. Знаете, такое внимание для слабой женщины очень

многое значит. Что я могла ему сказать? Что я не поеду с ним, с человеком, который безгранично любит меня. И почему? Потому что я страстно хочу, чтобы меня увез, забрал с собой в неизвестные края мой прямой женатый начальник? А пока он просто подвезет меня домой, к бывшему мужу? Вы ведь не такой доли хотели для меня, Сергей Александрович? — глаза Сукуровой снова увлажнились, а на лице ее отразилось страдание.

Теперь получалось, что Куликов своими собственными руками передал ее в грязные лапы этого типа! Получалось также, что это он заставляет страдать эту интересную, неординарную женщину, которая любит его. Куликов встал и в волнении заходил по кабинету. Он не знал, что ему сказать, как ему быть. Страсть переполняла его.

— Я хочу Вас, Лилия Семеновна! Я так больше не могу, — пробормотал он.

— Я тоже Вас хочу, Сергей Александрович.

— Поедем прямо сейчас!

— Я не могу, Сергей Александрович. После работы меня должен отвезти домой Игорь. Что я ему скажу?

— Скажите, зуб заболел.

— Нет, он очень, очень подозрительный. Он повезет меня к зубному сам.

— Что же делать? Когда же мы увидимся?

— Придется подождать до среды, Сергей Александрович. По средам Игорь навещает свою престарелую маму.

— Но я не хочу ждать среды!

— Ну, какой Вы, Сергей Александрович, нетерпеливый, — победно ухмыльнулась Сукурова и вышла из кабинета.

Лицо Куликова просветлело. Она любит его! Более того, он теперь точно знал, что тоже любит ее! Осознание этих простых истин привело его в состояние тихого блаженства. Он с улыбкой легкого сожаления смотрел на своих прилежно работающих коллег, и ему казалось, что в своей обыденности эти несчастные люди лишены чего-то главного, праздничного, того, что есть теперь у него, и из-за чего только и стоит жизнь.

Несколько дней подряд, которые отделяли его от заветной среды, Куликов зря не терял. Его неприятно удивила новость о том, что Лариса вместе обедает в их столовке со своим бывшим ухажером и его бывшим другом Давыдовым. Еще неприятнее в этой новости было то, что его личная жизнь, оказывалось, являлась достоянием общественности и, даже хуже того, злорадства в коллективе.

Большое помещение служебной столовой было отделено огромной прозрачной стеной от коридора, который являлся отличным пунктом наблюдения за обедающими служащими. Сам коридор вел из одного крыла здания в другое. Вот по этому коридору Куликов начал совершать ежедневные прогулки в обеденное время, зорко поглядывая на обедающих. Первые два дня он видел, как Лариса обедает с подругами. Но на третий день она действительно пришла обедать с Давыдовым. Они о чем-то весело говорили и даже смеялись. А ведь когда Лариса уходила к нему от Давыдова, она пообещала больше с ним никогда не общаться.

«И давно это они? И что их вместе связывает, о чем это они так весело смеются?» — размышлял Куликов в редких перерывах между мыслями о Сукуровой. До этого в верности своей Ларисы

он никогда не сомневался, но под воздействием собственного беспутства он начал по-другому смотреть на вещи. Однако же, несмотря на импульсивность своего характера, Куликов подумал, что лучше будет за ними понаблюдать еще, а пока никак не обнаруживать своей осведомленности.

Но вот, наконец, настала заветная среда. В ее преддверии напряжение Куликова достигло своего апогея. Мысли о Сукуровой одолевали его и днем, и ночью. Ему хотелось так много сказать этой великолепной, красивой женщине. В день их встречи он даже не смог дожждаться вечера и вызвал ее к себе по внутренней связи как только пришел на работу. Прямо в своем кабинете Куликов и признался ей в своих чувствах. Он долго говорил ей о том, что так переполняло его все эти дни, да что там, все последние недели! О том, как она кра-

сива, как она прекрасна, о ее горделивой осанке, о прическе, о ее тонком и неподражаемом вкусе. Сукурова молча слушала его, мечтательно глядя перед собой. На устах ее играла тонкая улыбка удовлетворения.

— Ровно в шесть жду Вас? — завершая свой пламенный монолог, произнес Куликов.

— Да, а то у меня будет сегодня очень мало времени.

Тем же вечером Куликов наконец-то снова слился с ней в непередаваемом блаженстве.

— Только побереги меня! — шепнула ему Сукурова.

Он откинулся на подушку и опустошенно уставился в потолок. Краем глаза он видел, как Сукурова аккуратно собрала со своего живота все то, что из него вышло, и неторопливо размазала его семя по своему телу и лицу. Потом,

не принимая душ, она оделась и вполне будничным тоном сказала:

— Мне надо ехать, а то Игорь убьет. Он у меня зверь. Проводишь меня?

При упоминании ею Якунина, Куликов поморщился. Тот факт, что кто-то другой имел права на Сукурову, доставлял ему страдания, и он съязвил:

— Вы всегда так делаете, Лилия Семеновна? Со всеми?

— Кроме тебя, у меня никого нет. А это очень полезно для кожи: лучше всяких кремов, — просто объяснила она.

Куликов не хотел ее отпускать, но у него не было другого выбора. Стоя в душе, он мучительно размышлял, как часто Сукурова приходит домой, обмазанная чужим семенем. Мысли эти одновременно вызывали у него отторжение и страстное желание вновь обладать ею.

В машине она сказала:

— Давай снимем квартиру?

— Чем же Вам, Лилия Семеновна, номер в Метрополе не по душе пришелся?

— Мне просто жалко твоих денег

— Это ничего. Денег у меня хватит, — немного подумав, ответил Куликов. Ему вдруг показалось, что после того, как он снимет квартиру, возврата к прежней жизни для него уже не будет.

— А потом нас увидеть могут. У тебя неприятности дома будут. А я хотела бы, чтобы у тебя было все хорошо.

Вот оно в чем дело! Она просто боится, что ее Якунин узнает, а заботой обо мне прикрывается.

— Умеете Вы, Лилия Семеновна, все с ног на голову поставить. Я уж с Ларисой сам как-нибудь разберусь. Это Вы сами боитесь, как бы Якунин Вас не заподозрил! Не волнуйтесь, никто нас в

Метрополе не заметит. Мы по очереди будем приходить.

— По очереди? — горько вымолвила Сукурова. — Это с любимым человеком! Так знайте! Может это для Вас, Сергей Александрович, переспать с одной, а потом к другой в кровать отправляться нормой является, но я-то не так устроена. После того, что между нами было, я не могу больше жить с Якуниным под одной крышей. Поворачивайте, отвезите меня на шоссе Энтузиастов!

Куликову стало стыдно, отчего уши его стали розовыми. До конца не веря ей, Куликов развернул машину, и они поехали в другом направлении. Сейчас передумает! Специально комедию разыгрывает. Но Сукурова молчала. Значит, это была правда. Он еще раз восхитился решительностью и какой-то внутренней цельностью этой пре-

красной женщины. Ее уход от Якунина льстил его самолюбию.

Однако же такой поворот событий ставил уже самого Куликова в двойственное положение. Женщина из-за него бросала мужа, а он? Он остановился и купил ей огромный букет цветов. Сукурова молча взяла его. Потом она открыла окно и выкинула букет.

— Что вы делаете? — вскрикнул Куликов обиженно.

— А Вы что со мной делаете, Сергей Александрович? Цветами откупиться от меня желаете?

Куликов пристыжено молчал.

— Думаете, каково мне сейчас? Когда Вы меня как использованную и больше никому не нужную вещь отвезете, бросите подальше, чтобы она Вам ничем не докучала больше. А сами к своей Ларисе отправитесь, без которой жизни себе не мыслите! Скоро забудете бедную Лилию

Семеновну. Ну да ничего, я как-нибудь справлюсь. Мне от Вас, Сергей Александрович, ничего не надо. Лишь бы у Вас все хорошо было, — трагично говорила она.

— Я бы Вам немедленно предложил жить вместе, но Лариса беременна, и из-за этого я не могу ее сейчас оставить, — сообщил благородный Куликов своей любовнице.

— Ах, она в положении! Ну конечно, это же совсем другое дело. Но я действительно, Сергей Александрович, ни на что не претендую. Но и жить с Якуниным, после всего, что между нами произошло, не смогу. Так уж я, видно, устроена. Все или ничего. Меня за это жизнь не раз уже наказывала и сейчас, видно, еще раз накажет. Только вот находиться в одном помещении мне с Вами бок о бок трудно будет. Но ничего, пока справлюсь как-нибудь. Вы уж потерпите меня немного, а я потом

подыщу себе что-нибудь другое. Это, надеюсь, не очень много времени займет.

За этими душераздирающими беседами они незаметно подъехали к ее дому. Куликов припарковал машину, не доезжая до ее подъезда. В апрельских сумерках, он покрывал поцелуями ее щеки, глаза, губы, шею. Ему очень хотелось убедить Сукурову, доказать ей, что он не такой подлый тип, что он никогда не бросит женщину, которая ради него оставила своего мужа, за которым была, как за каменной стеной.

— Поедем назад в гостиницу, — проворчал он, наконец.

— Поедем, Сергей Александрович. Что уж теперь?

Когда в четвертом часу утра они вышли из гостиницы, Сукурова находилась в хорошем расположении духа. Все ее беспокойства куда-то улетучились. А вот Куликов, напротив, был очень оза-

бочен. И не мудрено. В то утро он попал домой лишь в пятом часу ночи. А там его ничего хорошего не ждало. Лариса дала ему пощечину и потребовала объяснений. Он долго все отрицал и врал, что у него пробило сразу два колеса, эвакуатор долго не приезжал, а потом сам попал в аварию, с его машиной в кузове. Батарейка в его телефоне, естественно, села задолго до этого. Постепенно Лариса успокоилась, но было заметно, что его объяснения не убедили ее. Она не относилась к числу людей, склонных добровольно себя обманывать. Что ему было делать дальше, Куликов не знал. Оставлять беременную Ларису не входило в его планы, но и от Сукуровой он уже не мог отказаться. Ситуация казалась безвыходной. Тогда он решил временно смотреть на вещи легче, а там как-нибудь само разрешится. Ему не хотелось давать себе отчет, что

под «как-нибудь само разрешится» он на самом деле имел в виду, что Лариса сама оставит его. Однако, уходя из дома на следующий день, он пообещал ей быть в семь часов вечера.

В конце рабочего дня к нему в кабинет зашла Сукурова. Она прекрасно выглядела, была в хорошем расположении духа, много шутила и улыбалась.

— По Вам не скажешь, Лилия Семеновна, что Вы не спали ночь, — заметил Куликов.

— Я же провела ночь с Вами! Это важнее сна.

— Что это у Вас? — спросил Куликов. Сукурова вертела в руках какой-то небольшой пакетик.

— Это? Коллеги дали посмотреть один фильм два дня назад. Я вернуть собиралась.

— Ну и как, понравилось?

— После Вас мне ни с кем понравиться не может, Сергей Александрович, — дерзко пошутила Сукурова.

— Я имею в виду фильм, — не оценил шутку, напомнившую ему о своенравии Сукуровой, Куликов.

— Так, ничего особенного. Хотя люди хвалят.

— Давайте, раз хвалят. Сегодня подвезти Вас до дома?

— Уж сделайте такую любезность, Сергей Александрович, подвезите, — игриво, не чувствуя подвоха, ответила Сукурова, которую, судя по всему, действительно не связывали теперь никакие обязательства перед другими мужчинами.

«Как же ей объяснить, что я сегодня не смогу?» — мелькнуло в голове у Куликова, и он сказал:

— Тогда в шесть часов за углом.

— Договорились, Сергей Александрович.

Куликов опять ждал ее битых сорок минут, а ему еще предстояло везти ее домой. К семи он никак уже домой не попадал.

— И как же мы сегодня будем проходить в гостиницу: по одному? — в той же безмятежной манере первым делом спросила она, оказавшись в машине.

— Вы знаете, Лилия Семеновна, сегодня мы не сможем поехать в гостиницу — мне нужно по одному срочному делу, — соврал Куликов.

Но от Сукуровой, похоже, ничего не ускользало. Она помрачнела и задумалась.

— Давайте я Вас подвезу домой, Лилия Семеновна, — пытаюсь разорвать повисшее грозное молчание, добродушно промолвил Куликов. Ему вдруг стало жаль Сукурову. Что ее ждало сегодняшним вечером?

— А зачем же мы тогда сегодня встретились? — холодным тоном спросила она.

— Я хотел еще раз остаться с Вами один на один, мне каждая секунда нашего общения дорога, — искренне сказал Куликов и повернул ключ зажигания.

— Куда Вы собираетесь меня везти? — холодно поинтересовалась Сукурова.

— Домой, на Шоссе Энтузиастов, — и Куликов подумал, что еще успеет хотя бы к восьми часам к Ларисе.

— Нет, туда мне не надо. Мне сегодня надо на Алтуфьевское шоссе.

При упоминании Алтуфьевского шоссе Куликову вдруг стало жарко.

— Зачем Вам туда?

— А Вам что за дело, Сергей Александрович? Вы едете к своей жене и езжайте. А меня оставьте в покое! К тому же, я сама доеду, — с этими словами Сукурова вышла из машины.

Куликов почувствовал себя вновь обманутым. Значит, никуда она от Якунина не уходила, раз может так запросто к нему заявиться. Но как же он терпит, что она не ночует дома? А может быть, он просто вчера был в командировке! Или же, вообще, он не возражает, чтобы она иногда ночевала у дочери. И не было у них вовсе никакого конфликта. И никуда-то она от него не уходила. А ему, Куликову, просто наговорила небылиц, он, простофиля, и поверил.

В этот момент ему позвонила Лариса. Она сообщила, что у нее заболела мама, а папа в командировке, и поэтому она сегодня переночует у родителей. Он тут же стал названивать Сукуровой на мобильный, но она не снимала трубку.

Когда Куликов оказался дома, его стали одолевать мучительные мысли. Сукурова, как выяснилось вчера, была

совершенно ненасытна. Сегодня же в ее глазах горело еще большее желание. Ей не удалось удовлетворить его с ним, и она отправилась удовлетворять свою похоть с Якуниным. Куликову мерещилось, как грязные, с большими ногтями руки Якунина в этот самый момент грубо ласкают податливую плоть Сукуровой. Как она добровольно отдает ему свое нежное тело. Ее страстные стечения стояли у него в ушах. Это было выше его сил! Голова Куликова раскалывалась от ударов тяжелых волн ревности и похоти.

Не в состоянии заснуть, он бессильно метался в кровати, в ярости сжимая кулаки, как вдруг почувствовал легкое движение воздуха. Он посмотрел в окно, но оно было закрыто. Тогда он посмотрел прямо перед собой на зеркало, которое находилось у противоположной стены, и ему показалось,

что там он увидел отражение женского силуэта. Он приподнялся на локтях и повертел головой вокруг. В спальне никого не было. Куликов снова посмотрел перед собой. Перед ним стояла обнаженная Сукурова! Она приложила палец к своим горячим губам и плавно качнула другой рукой. Куликов, угадывая ее желание, покорно положил голову на подушку. Сукурова тихо подошла к нему. Он мог видеть ее ноги, линии бедер, изгиб талии, округлости груди. Ее голова склонилась над ним. Ее волосы закрыли от него свет. Их тела слились воедино. Это безумие продолжалось всю ночь. Под утро, перед тем как соскользнуть с него, она шепнула, чтобы он не открывал глаз.

Когда Куликов проснулся, был уже одиннадцатый час. Он проспал. Чувствовал он себя совершенно разбитым.

Куликов помотал головой из стороны в сторону, желая сбросить с себя остатки дикого сна. Он позвонил секретарше и предупредил, что у него с утра переговоры на выезде. Приняв душ, он позавтракал. Но слабость никак не отпускала его. И Куликов продолжал бесцельно сидеть за кухонным столом. Он рассеяно смотрел по сторонам, пока взгляд его не наткнулся на диск, который вчера дала ему Сукурова. Куликов вставил его в систему и уселся смотреть фильм. Картина оказалась занимательная. В ней описывались похождения беспутной герцогини. В частности, герцогиня эта еще на заре своей юности, будучи беременной от одного, умудрилась успешно выйти замуж за другого. И все-то ей сходило с рук! После просмотра фильма Куликову стало немного легче. По дороге в офис он несколько раз мысленно возвращался к сюжету

фильма, пока не связал его с Ларисой, поведение которой, из-за ее встреч с Давыдовым, вызывало все большее недоверие. Определенно, с женитьбой следовало пока повременить. Вдруг она обманывает его так же, как и Сукурова? А что последняя ему все врет, у него не возникало больше сомнений. Но вот только зачем? Хочет за него замуж? А на что ей это? Якунин лучше ее обеспечивает. Куликов, правда, может и добиться в жизни может успеть гораздо большего. Но это же все пока одни намерения. Остается любовь. Но после унижительной для него выходки Сукуровой, которая без стеснений отправилась удовлетворять свою похоть с другим, Куликов в очередной раз решил порвать с ней. Что она себе думает? Что она будет диктовать ему свою волю? И он согласится на такие условия? Нет и нет! И зачем он только признался ей в

своих чувствах? Теперь она знает, как дорога ему. Но всякий раз, когда он думал о ней, а еще хуже — видел ее сквозь прозрачные стены своего кабинета, встречал ее на совещаниях или в лифте, Куликов чувствовал, что его воля слабее его влечения, и он не в силах ему сопротивляться. Он страстно желал ее не смотря ни на что, но старательно, когда их сталкивала необходимость, пытался делать вид, что она ему безразлична.

Но и когда ее не было рядом, Куликову казалось, что его опутывают какие-то невидимые глазом нити, исходящие от нее. Чтобы противостоять им, он мысленно возводил кирпичную стену, через которую она не смогла бы к нему пробиться. Это требовало от него концентрации всей его воли. От постоянного нервного напряжения Куликов осунулся. Но в своих тайных мечтах он грезил, как Сукурова бросается к его

ногам с мольбами о прощении, а он великодушно принимает ее назад.

Сукурова же с того самого вечера снова перестала замечать Куликова. Вопреки его тайным надеждам, она больше не стремилась остаться с ним наедине. Все бумаги на подпись она передавала ему через своих сотрудников. И уже совсем скоро Куликову стало страшно, что она его совсем забыла. Так прошло несколько недель.

Как-то в конце рабочего дня, в середине мая, она позвонила ему по внутренней связи.

— Здравствуйте, Сергей Александрович, я хотела бы попросить Вас уделить мне немного времени. Прошу Вас!

Куликов долго мысленно готовился к ее звонку. Он почему-то твердо знал, что когда-нибудь это произойдет. У него уже были заготовлены соответствующие слова, которые не подпустили бы ее к нему.

Но как назло в этот самый момент к нему зашел Константин. В его присутствии Куликов не мог без причин отказать своей подчиненной в короткой аудиенции. И он согласился. Увидев приближающуюся фигуру Сукуровой, деловой костюм которой мастерски подчеркивал все ее достоинства, Константин, присвистнув, поднялся со своего кресла и, многозначительно прошептав «не буду мешать», столкнулся в дверях с Сукуровой.

— Может быть, я не вовремя? — спросила она, смиренно потупив взгляд.

— Что Вы, что Вы, я уже ухожу, — игриво произнес Константин.

Оставшись наедине с ней, Куликов вдруг почувствовал, что все его тревоги и переживания остались позади. Он помимо воли с наслаждением вдохнул запах ее духов, и его настрой держать ее на расстоянии растворился в ее аромате.

— Как поживаете, Сергей Александрович? — грустно, голосом человека, сожалеющего о содеянном, спросила Сукурова.

— Все без изменений, Лилия Семеновна. Жениться собираюсь, — надменно подняв подбородок, произнес Куликов, полагая, что она наконец-то находится в его власти, и он может рассчитывать с ней за былые унижения.

— А я очень плохо без Вас поживаю, — сказала она и замолчала.

— Каждый сам совершает свой выбор, — морализировал Куликов.

— Конечно, Сергей Александрович, Вы, как человек мудрый, абсолютно правы во всем.

При этих ее словах, Куликов почувствовал, как ему их все это время не хватало. Так его никто в жизни еще не превозносил! Чувство благодарности начало расти в нем. Эта обворожитель-

ная особа, которая могла бы совратить любого, превозносит именно его!

— Я хотела бы обратиться к Вам с личной просьбой. Поверьте, я бы никогда не посмела ... Вы такой неприступный, Вас все боятся, и я тут не исключение. Стоит Вам повести бровью, и Ваши подчиненные, да и другие сотрудники трепещут. Я знаю, что Вас опасаются и вышестоящие Вас люди. Да, да, я неоднократно слышала это. Вы же профессионал, каких мало! А кто же не испугается такой жесткой конкурентной борьбы. У Вас несгибаемая воля, которая, вне всяких сомнений, обеспечит Вам быстрый карьерный рост. К сожалению, ее сила распространяется и на меня. Но только одна я знаю, что Вам присущи и другие качества: душевная широта, чуткость, отзывчивость. Вы готовы благородно помогать людям, несмотря на их просчеты. Просто многие этого не знают. Но мне господь дал

эту радость: знать эти скрытые от других качества Вашей души. Только поэтому я снова осмелилась к Вам подойти. Сергей Александрович, я могу Вас просить о маленьком одолжении?

— Конечно, — великодушно ответил Куликов. Душа его купалась в потоках беззастенчивой лести, щедро на нее проливаемых.

— Понимаете, я намерена уйти от Якунина, я не могу больше жить с этим человеком ...

— Вы уже, кажется, уходили от него. Это Ваше личное дело, — попытался уйти от опасной темы Куликов.

— Конечно, личное, Сергей Александрович. Я бы и не стала утомлять Вас своими семейными проблемами. Зачем они Вам! Вас ведь ничто со мной уже давно не связывает. Но дело в том, что косвенно все это — я имею в виду мою личную жизнь — связано с моей

просьбой, иначе многое... — на ее красивом лице отразилась мольба.

— Ну хорошо, хорошо. Конечно, Лилия Семеновна, как Вам будет удобнее.

— Так вот, я так устроена, что не могу раздваиваться. Поэтому после того, что у нас с Вами было, я все ему рассказала. Я хотела уйти от него, но он удерживает меня силой.

— Как это? Сейчас на дворе двадцать первый век, вообще-то, — пытаюсь изобразить насмешливый тон, сказал Куликов.

— Я вижу, Вам, Сергей Александрович, это все кажется смешным. Мне, наверное, не стоило затевать этот разговор. Я, пожалуй, лучше пойду, — и Сукурова поднялась с кресла.

— Ну что Вы, Лилия Семеновна, рассказываете. Оставайтесь, пожалуйста, — забеспокоился Куликов, в душе которого зародилась надежда. — Я просто не по-

нимаю, как в наше время мужчина может силой удерживать женщину.

— Хорошо, если Вы этого хотите, то я останусь, — Сукурова была сама покорность. Но теперь уже получалось, что это Куликов ее просит.

— Конечно, бывает, что он применяет и физическую силу. Игорь ведь очень сильный. Он может ударить меня, что уже случилось. Пусть и не часто, но я боюсь его. Однако, Вы совершенно правы, этого одного было бы недостаточно. Есть и другое. Мне трудно это объяснить. В нем заключена какая-то демоническая сила. Она притягивает меня. Это может показаться странным, ведь Игорь практически урод.

Куликов вопросительно приподнял брови.

— Да, да, урод. Вы это и сами видите. Но это его уродство странным образом

действует на меня. Оно притягивает. А может быть, здесь и нет ничего странного? Уродство вообще притягательно. Очень часто люди против своей воли рассматривают калек и инвалидов и делают это со странным удовольствием. В жизни очень много всего странного и необъяснимого. Так вот, я чувствую себя совершенно незащитной перед ним. Он имеет необъяснимую власть надо мной. Я уже ненавижу его, но ничего не могу с собой поделать, не могу ему отказать, — она трагически замолчала.

Голова Куликова гудела. У него возникло ощущение, что его искупали в помойном ведре. Но странным образом он почувствовал, что его это привлекает. Одновременно в нем нарастало дикое животное желание обладать Сукуровой. Ноздри его раздулись, а взгляд приобрел твердость.

— Мне это все самой отвратительно, поверьте. Но чтобы справиться с

этим, мне нужна Ваша помощь. Сергей Александрович, умоляю Вас, отвезите меня сегодня к дочери. Он ждет меня каждый день после работы на улице и силой заталкивает в машину. Умоляю Вас! Помогите мне!

Какое-то движение за пределами кабинета отвлекло его внимание. Куликов поднял голову и к своему ужасу увидел быстро приближающуюся к ним плотно сбитую фигуру Якунина. Он ворвался к нему в кабинет и своим немного гнусавым неприятным голосом сказал:

— Здравствуйте, Сергей Александрович! А я бы хотел с вами поговорить. Не возражаете?

Сукурова сразу вся сжалась и проворчала:

— Я, наверное, попозже зайду?

— Зачем же, Вы нам не мешаете, Лилия Семеновна, останьтесь, — до-

вольно бесцеремонно распорядился Якунин.

— А зачем нам, Игорь Геннадьевич, Сукурова? — с вызовом в голосе спросил Куликов.

— Сейчас узнаете! Я как раз о ней собирался поговорить, — повысил голос Якунин. Его глазки яростно буравили Куликова. Желваки ходили у него на щеках. Свои огромные руки с нечистыми ногтями он упер в его стол и склонился над хозяином кабинета.

— И что же я узнаю? — открыто враждебно проговорил Куликов. Он почувствовал острое желание ударить Якунина. И самое главное, Куликов знал, что Якунин хочет того же. Обоим был понятен истинный предмет разговора, но каждый пытался завуалировать его как может.

— Не кажется ли Вам, Сергей Александрович, что Вы переходите все границы? — прошипел Якунин.

— А что, собственно говоря, такое Вы имеете в виду? — прошептал Куликов.

— А то, что Вы ставите Лилию Семеновну в неловкое положение.

— Как это?

— Заставляете ее вкалывать допоздна. А у нее семья имеется, домашние обязанности, знаете ли!

— Кто это ее заставляет? — сказал было Куликов, но потом подумал, что оправдываться перед этим типом он не собирается и, встав из-за стола, так что едва не уперся носом в нос Якунина, добавил:

— Я не понимаю, что Вам не нравится. Хотите, идите к моему руководству, жалуйтесь ему на меня, а со мной нечего в таком тоне говорить!

— Вот Вы и сейчас Лилию Семеновну задерживаете! Сейчас уже почти семь часов. Рабочий день давно

закончился. Немедленно отпустите ее домой! Она замужня дама! Вы это понимаете, в конце концов? — прошипел ему в лицо Якунин и, грубо схватив за руку Сукурову, потянул ее к двери. Та безвольно встала и пошла за ним. Уже выходя из его кабинета, она обернулась и наградила Куликова молящим, полным безнадежной любви взглядом.

— Вы не смеете! — заревел Куликов им в след. Но они были уже далеко.

Руки его тряслись. Только что он побывал в какой-то дикой, двусмысленной ситуации! Что же это за Франкенштейн такой! Он же ее просто терроризирует! Это же все объясняет! Вот, оказывается, почему она так себя вела! Можно было, конечно, прямо здесь его отделать. Но к чему бы это привело? За это могли и уволить. Однако ее снова у него увели! А она тоже

хороша! Хочу уйти от него! Ну так и уходи.

Первым его желанием было догнать эту парочку. Удавить Якунина прямо здесь и увести Сукурову с собой. Но благородные восторжествовало, и он отправился на тренировку по карате. Когда он вошел в спарринг, то за маской его партнера ему померещилась гнусная одутловатая физиономия Якунина. Куликов впал в раж и принялся что есть сил уничтожать гадину. Сэнсэю Петровичу пришлось снова остановить поединок.

— Что с тобой последнее время происходит, Сергей? — подошел к нему Петрович после тренировки.

— А что такое? — злобно проговорил Куликов.

— Ты на себя в зеркало смотрел? Ты осунулся. Я уж не говорю про то, почему я вынужден был остановить спар-

ринг. Тут и так все понятно. Ты же не на базар драку затевать пришел?

— Все нормально. Был трудный день.

— У тебя это теперь за правило стало. Давай, чтоб это последний раз было. В таком состоянии я тебя на спарринг больше не выпущу.

— Меня что — исключают?

— Не исключают — ходи, сколько хочешь, а на спарринг, пока не приведешь себя в порядок, выходить больше не будешь. Давай, Серега, пока, — Петрович хлопнул его по плечу и пошел проводить тренировку.

Куликов приехал домой в возбужденном состоянии. У него перед глазами стояли отвратительные детали близости Сукуровой и Якунина. Лариса спросила у него, в чем дело, а он с неожиданной злобой ответил ей, чтобы она не мешала ему отдыхать после трудового дня, а занималась своими домашними делами.

Последнее время он был очень нервный и часто стал повышать на нее голос. В этот раз Лариса не стала отмалчиваться, а спокойно, но твердо попросила не срывать на ней свое раздражение. И тут Куликова понесло. Он вдруг закричал, что именно она, а никто другой, его-то как раз и раздражает. Лариса только удивленно смотрела на него. В глазах ее росла неприязнь. А Куликов продолжал орать, что ему известно о ее встречах с Давыдовым, о том, что он знает, что встречи эти не случайны, что они давно любовники, а раз так, то им не зачем жениться. А когда он, сорвав голос, в ярости прошипел, что теперь не может быть уверен, его ли ребенка она носит, Лариса побледнела и заперлась в спальне. Через час она с бесстрастным лицом вышла оттуда с вещами и, ни слова не говоря, уехала к своим родителям.

«Туда ей и дорога! Значит я прав, а мои опасения не напрасны!» — пронеслось в голове Куликова. Но вообще-то ему было совсем не до Ларисы. Муки ревности разрывали его сознание на части, а воспаленный мозг рисовал все более извращенные картины близости Якунина и Сукуровой.

Он проснулся от легкого потока воздуха, как будто кто-то дунул на него. Оторвав голову от подушки, он различил в зеркале желанный силуэт Лилии Семеновны. Куликов приподнялся, но она, приложив, как и в прошлый раз, палец к губам, легкой поступью шагнула к нему. Она была абсолютно нагая. Он снова видел ее ноги, бедра, талию и грудь. В следующий миг ее божественное тело слилось с ним.

На следующий день Куликов проснулся около одиннадцати часов от те-

лефонного звонка. Он поднял трубку и услышал голос секретарши:

— Сергей Александрович, Вам Буренков несколько раз звонил.

— Вы, надеюсь, сказали, что я на переговорах?

— Вообще-то нет. Вы ничего не говорили вчера ... — виновато зазвучал голос секретарши.

— Надо было на мобильный звонить мне! Всему Вас учить надо! — рявкнул он, а потом уже чуть спокойнее добавил:

— Ладно, скоро буду. Если еще раз позвонит, соединяйте...

— Я несколько раз звонила на мобильный, но Вы не отвечали, — пробормотала секретарша, но Куликов уже разъединился.

Он чувствовал себя совершенно разбитым. Ларисы не было. «Оно и лучше, я и сам могу себе яичницу пригото-

вить», — злобно подумал он и отправился в душ.

Через полтора часа Куликов появился у себя в кабинете. Первым делом он набрал Буренкова и попросил аудиенции.

— Заходи, — недовольно пробурчал тот.

На ковре у шефа Куликов попытался оправдаться. Сказал, что вчера его привалил грипп, температура подскочила, он принял аспирин и, на всякий случай, успокоительное. Из-за этого и проспал.

— Ладно, — пробурчал Буренков недоверчиво:

— За здоровьем следить надо, закаливайся давай. Это лучше, чем таблетки глотать. Я, вон, никогда не болею. А ты плохо выглядишь. На тебе и сейчас лица нет. Тебе, может, отпуск короткий взять?

Куликов и сам чувствовал, что отпуск бы ему не помешал. Но это озна-

чало расставание с Сукуровой, что было совершенно невозможно.

— Нет, спасибо. В выходные отлежусь.

— Ну смотри, — и Буренков кивнул головой, давая понять, что разговор закончен. Когда Куликов взялся за ручку двери его кабинета, шеф неожиданно добавил:

— Кстати, Сергей. Я слышал, к нам вчера Якунин вечером приходил. Что ему надо было?

Но ведь все сотрудники отдела уже разошлись, когда Якунин ворвался к нему в кабинет! А если кто-нибудь все же присутствовал при этой дикой сцене? Нет, наверное, Якунина просто видели в коридоре на их этаже.

— Он зашел за Сукуровой, — промямлил Куликов.

— А, ну ладно. Ты с ним осторожней будь. Он что-то в последнее время сам

не свой, на людей бросается, говорят. А человек он влиятельный. Ссориться с ним нам ни к чему.

— Конечно, — сказал Куликов и вышел, негодуя при мысли, что ему еще надо быть осторожнее с этим типом.

Оказавшись у себя в кабинете, Куликов снова погрузился в мысли о Сукуровой. Она просила его о помощи! А он не смог ничего сделать. Вместо этого, этот монстр силой уволок ее. Получалось, что его, Куликова, обвели вокруг пальца. Гордость его была ущемлена. Этого нельзя было так оставить. Но что было делать? Предложить ей переехать к себе домой было нельзя. Квартира была записана на имя жены. Отец Ларисы, бизнесмен средней руки, устроил дочери подарок по случаю окончания института. В этой квартире они с ней прожили последний год. Сейчас Лариса уехала к родителям. И пусть себе едет к своему

папочке под крылышко! В изменах Ларисы у него не было сомнений.

Своей квартиры у Куликова не было. Вернуться к родителям в Подольск, и ездить оттуда в Москву каждый день было невозможно. К тому же, надо было как-то помочь Сукуровой. Она ведь хотела, чтобы он снял квартиру. Видно пришло время это сделать!

Куликов не стал скупиться и остановил свой выбор на Страстном бульваре. Под вечер он набрал по внутренней связи номер Сукуровой. Выяснилось, что она взяла один день отгула по семейным обстоятельствам. Вечер Куликов использовал для того, чтобы закончить все формальности по снятию квартиры. Той же ночью он перевез туда все свои вещи.

С утра Куликов первым делом пригласил ее к себе. Сукурова отнюдь не выглядела несчастной жертвой страшного

тирана, которую тот силой принуждал к сожительству. Наоборот, она вошла походкой уверенной в себе женщины, у которой все в жизни было хорошо, и никакая помощь ей не требовалась.

— Вызывали, Сергей Александрович? — на устах ее играла распутная улыбка.

У Куликова мелькнула мысль, не стал ли он в очередной раз объектом искусно разыгранной клоунады. Может быть, она просто развлекается с мужчинами таким странным образом? Или, может быть, она намерено устраивает весь этот спектакль, чтобы возбудить страсть в своем грязном сожителе? И теперь, после долгих часов плотских утех с Якуниным эта красивая, соблазнительная гадина, как ни в чем ни бывало, пришла к нему и насмехается над ним! От этих мыслей лоб Куликова покрылся испариной. Ему захотелось броситься на нее, растерзать ее

на куски! Но сейчас она казалась такой недоступной, как будто их ничего не связывало! И усилием воли он взял себя в руки. Ему нельзя поддаваться на перемены ее настроения, на все эти ее провокации! Иначе можно уронить себя в ее глазах и потерять навеки. Ему надо было быть выше этого, сильнее. Не показывать ей ни в коем случае, как трудно ему противостоять ее воле. Иначе она подчинит его себе так же, как и Якунина. Чтобы подчинить ее, надо воевать с ней ее же оружием: лестью.

— Что это Вы такой задумчивый сегодня, Сергей Александрович? — прервала его размышления Сукурова.

— О Вас думаю, Лилия Семеновна. Думаю о том, какой у Вас удивительный вкус, какую стильную одежду Вы носите. Думаю о том, как Вы прекрасны, какие у Вас красивые глаза. Как благородна форма вашего носа. Я ле-

лею образ ваших губ и шеи. Восторгаюсь тонкостью ваших рук, стройностью ваших ног, — заливался соловьем Куликов, и чем больше он говорил, тем легче ему становилось. Как будто все скопившееся в нем напряжение выплескивалось с этими хвалебными словами на Сукурову.

В течение его длинного монолога победоносная улыбка постепенно сошла с уст Сукуровой, взгляд ее затуманился.

— Прошу Вас, Сергей Александрович, хватит Вам издеваться над бедной женщиной, — прервала она его.

— Какое же это издевательство? Все, все истинная правда. Жаль, что только не мне все это богатство принадлежит!

— Поверьте, я принадлежу только Вам, — сказала она с надрывом.

— А как же Ваш Якунин? Вы ушли с ним!

— Что я могла: он взял меня силой, Вы же видели! Вы бы знали, что он сделал со мной дома! Прямо у дверей набросился на меня, порвал на мне одежду, мой лучший костюм, который я так любила. Он просто монстр!

— Избавьте меня от подробностей! — страшно взревел Куликов. А сотрудники его отдела с удивлением посмотрели на своего начальника.

— Я не хотела Вас расстраивать, Сергей Александрович. Я просто хотела Вам доказать, что такого нельзя любить.

— Почему же Вы живете с ним?

— А где мне еще жить. Мой бывший муж завел себе какую-то пессию и сказал, что раз я ушла, то назад нечего возвращаться. И за что мне такие наказания? За что мне все ...

— Теперь будете со мной жить, — прервал ее Куликов.

— Зачем Вы смеетесь надо мной, Сергей Александрович? Вы женаты, у Вас семья ...

— Я ушел от жены и снял квартиру, где мы с Вами будем жить, Лилия Семеновна.

— Я не верю Вам, зачем Вы надо мной смеетесь, я Вам не игрушка, Сергей Александрович, — трагическим голосом говорила Сукурова. Куликов встал из-за стола и взял Сукурову за руку.

— Что Вы делаете? Все же видят! — в ужасе отпрянула она.

— Поехали, Лилия Семеновна, — твердо сказал он и повел ее за собой.

— Отпустите хотя бы руку, я не сбегу, — покорно сказала она, и они покинули его кабинет.

Куликов отвез ее прямо на квартиру на Страстном Бульваре. Не успела она

захлопнуть входную дверь, как он тигром набросился на нее. От нетерпения Куликов порвал на ней часть одежды, но Сукурову это не смутило. Она готова была уступить ему во всех его желаниях. В какой-то момент в его сознании мелькнул образ Якунина, и он в порыве ярости сжал пальцы на ее шее. Ему показалось, что ей это даже понравилось. Тогда он, впадая в беспамятство, еще сильнее стал сжимать пальцы на ее шее и бормотать:

— Так он тебе делает?! Так? Так? Так?

А она только страдальчески смотрела на него снизу вверх. Наконец она захрипела, ему показалось, что Сукурова вот-вот испустит дух, и он в ужасе от того, что мог бы легко задушить ее, разжал пальцы. Никогда в жизни Куликов не допускал насилия в отношении женщин — это был один из его принци-

пов. Но в последнее время ему со всей очевидностью открылось, что следовать своим первородным инстинктам, утверждать свою волю, во что бы это ни стало, будет поважнее разных там выдуманных им самим или кем-то еще мертвых принципов, которые являются просто нелепой обузой в пути.

Когда Куликов оторвался от нее, уже вечерело. Он вспомнил, что не предупредил никого в офисе о своей внезапной отлучке. Мобильный телефон несколько раз звонил, но ему было не до него. Выяснилось, что это звонили его сотрудники, а Буренков, к счастью, его не искал. Зато, как сказала секретарша, он зачем-то искал Сукурову, но, не застав ее на месте, видно, забыл об этом. При любом упоминании фамилии Сукуровой Куликов начинал сильно нервничать. Он был готов ревновать ее ко всему миру.

— Вас зачем-то Буренков искал, — сердито сказал он, глядя на Сукуруву.

Она стала одеваться.

— Куда это Вы собрались? — подозрительно поинтересовался Куликов.

— Мне надо домой, — смиренно ответила Сукурова.

— Вы что, собираетесь снова к Якунину? После всего, что было!

— Но мне же надо где-то жить.

— Жить мы будем здесь. Что Вам здесь не нравится, Лилия Семеновна?

— Нравится, но Вы сейчас поедете к своей жене. А мне что? Прикажете оставаться здесь одной?

— Я же сказал Вам, что ушел от жены. Я не шучу: я ушел от нее. К тому же, не жена она мне. Мы даже расписаны никогда не были.

Какая-то знакомая ему тень улыбки промелькнула на устах Сукуровой.

— И что же теперь? — спросила она, как будто ожидая чего-то еще.

— Теперь мы будем с Вами здесь жить.

— Но я хотя бы должна съездить за своими вещами.

— Никуда Вы не поедете. К этому выродку я Вас не пущу! У меня есть достаточно денег. Купите себе новые вещи. Прямо сейчас пойдём в магазин и купим.

— Но я не могу с ним так поступить — он все-таки не сделал мне ничего плохого. Игорь любит меня. Я должна с ним хотя бы поговорить.

— Скажете ему все по телефону, — тоном, не требующим возражений, заявила Куликов, и она покорно осталась.

Они наконец-то перешли на «ты». На «Вы» они продолжали обращаться друг к другу только на работе, где об изменениях в их личной жизни никто не знал. Первая неделя была потрачена на обустройство. Несмотря на

то, что в их квартире-студии основная мебель уже присутствовала, Сукуровой постоянно чего-то не доставало. Вначале ей зачем-то понадобился кухонный комбайн, хотя она практически не готовила. Потом она захотела современные шторы-жалюзи на окна. А как-то раз, когда Куликов пришел после вечерних переговоров, его ждал сюрприз: огромное старинное зеркало, которое она установила прямо напротив их кровати.

Вечерами Сукурова обычно пропадала в магазинах, подбирая себе новый гардероб. А потом они шли на летнюю террасу близлежащего ресторана и ужинали в сумерках молодого лета. Ночи Куликов проводил в ее объятиях, но никак не мог ею насытиться. Лариса, казалось, осталась теперь давно позади в его прошлом. В конце концов, она, как и другие женщины, которые встре-

чались на его пути, не могла дать ему и малой толики того, чем награждала его каждую ночь Сукурова. И он уже больше этому не противился, а только наслаждался каждой минутой их близости. В конце концов, теперь, когда они жили вместе, ему не о чем было больше беспокоиться.

Как-то раз июньским полднем он зашел проведать своего приятеля Константина. У него не было новомодного единого офисного пространства — стены его кабинета были сложены из бетона. Куликов без стука открыл дверь его кабинета. Склонившаяся над Константином женская фигура, быстро отпрянула от его стола. Это была Сукурова! Оба они, Константин и Сукурова, покраснели, как будто были пойманы на чем-то непристойном. Сукурова нервно поправила прическу, щеки ее горели. Константин, пытаясь перевести все в шутку, веселым тоном сказал:

— Стучаться надо, господин начальник. Так и хороших людей смутить недолго.

— Что это Вы тут делаете, Лилия Семёновна? — побагровев, спросил Куликов.

— Константин Кириллович собирается на переговоры в Женеву. Там будут затрагиваться и мои темы. Наверное, мне придется с ним слетать. Вот мы и разговаривали... — виновато оправдывалась Сукурова.

— А я почему ничего не знаю? — с внезапно нахлынувшей на него яростью зашипел Куликов.

— Смотрите: начальник — тиран! — еще раз попытался обратить все в шутку Константин, который, как и все остальные, не подозревал об интимном характере отношений стоящих перед ним коллег.

— Я, наверное, пойду — не буду вам мешать, — и Сукурова выскользнула из кабинета.

— Ты что это так разволновался, старик? Она тебе, как я погляжу, тоже приглянулась? — сменил тон Константин.

— А у тебя что — с ней что-то уже было? Она тебе что — тогда перезвонила что ли? — с замиранием сердца спросил Куликов.

— Ну, как тебе сказать? Вообще-то она умоляла почему-то именно тебе ни о чем не рассказывать. Может, ты ей тоже нравишься? — уклончиво промямлил его приятель.

— Мне не рассказывать? — Куликов в ярости уставился на приятеля.

— Тебе. И я теперь, признаться, вижу почему. Ты действительно, как она и говорила, просто зверь. Проходу ей совсем не даешь. Может, тебе переспать с ней просто нужно? Она, по-моему, довольно легкого нрава, — цинично вещал его приятель.

— Знаешь что, попридержи язык, не то отрежу, — злобно прошептал в лицо уже бывшему товарищу Куликов, схватив его за лацкан пиджака.

Теперь он был абсолютно уверен, что Сукурова переспала с Константином и, по всей видимости, не раз.

Куликов развернулся и, не закрывая дверь, пошел прочь по коридору.

— Ты, я смотрю, совсем с катушек съехал. Ты что себе вообразил? Я перед тобой отчет держать должен, что ли? Она тебе кто? Жена, любовница, я что-то не понимаю? — ему в след недовольно бормотал Константин, оправляя помятый костюм.

Не мешкая зря, Куликов без звонка отправился к Буренкову выяснить, в какую такую командировку собралась его подчиненная. Он вошел в приемную, где кроме него никого не было.

— Анастасия Ивановна, спросите, пожалуйста, может он меня сейчас принять? — буркнул он к секретарше.

— Петр Иванович сейчас занят, — подбородок секретарши надменно приподнялся.

— У него кто-то есть?

Анастасия Ивановна уничижительно посмотрела на него поверх своих очков, давая ему понять, что он переходит все дозволенные границы, а потом высокомерно произнесла:

— У него сейчас Сукурова.

Ее слова будто ошпарили его кипятком. Что она там делает? Опять ходит через его голову к начальству? Подсигивает его?

— Скажите, что мне срочно! — повысил голос Куликов.

Секретарша передала шефу требование Куликова, но прошло долгих пятнадцать минут, прежде чем дверь

кабинета начальника отворилась, и оттуда с улыбкой на устах неторопливо вышла Сукурова. Блузка ее была расстегнута на одну пуговицу больше, чем позволяли приличия. Прическа была помята.

— Вы можете пройти, — сказала секретарша, и Куликову пришлось следовать в кабинет. А Сукурова проплыла мимо, окинув его взглядом сытого удава.

— Ты что хотел? — недовольно спросил Буренков.

— Я тут случайно узнал, Петр Иванович, что моя подчиненная собралась с Константином в командировку ...

— Нет, я уже все переиграл. Я поеду сам. Ну и эту, Сукурову, с собой возьму, — и он опять уткнулся в бумаги.

Куликов нерешительно топтался на месте. Получалось, что обсуждать больше нечего, и самое время было просто

уйти. Уже поворачиваясь, чтобы покинуть кабинет своего руководителя, Куликов краем глаза заметил на его белом воротничке следы губной помады!

— А Сукурова там зачем нужна? — с вызовом выпалил Куликов. Лицо его стало бордовым от гнева.

— Нужна, значит. А ты что, против, что ли? — в его голосе послышалось нескрываемое раздражение.

— Просто у нее и без того нагрузка большая.

— Ну, ты там перераспусти ее нагрузку между подчиненными. На то ты и начальник. Ее всего три дня не будет, — и он уткнулся в бумаги. Аудитория была окончена.

Куликов вышел из кабинета Буренкова красный как помидор. Ревность душила его. Он не хотел во все это верить. Но факты были на лицо. Она спала с Константином все это время, а

теперь собирается переспать и с Буренковым! Иначе что она могла делать у него в кабинете так долго? А следы помады у него на воротничке? Она просто потаскуха. А он, Куликов, дурак такой связался с ней. Слава богу, что еще не женился! Вот людей бы насмешил.

Когда Куликов приехал домой, — а, чтобы не быть замеченными, они всегда ездили домой порознь, — ее еще не было. Он битый час нервно метался из угла в угол, а потом набрал номер ее мобильного. Ему требовались ее объяснения. Но «абонент» оказался «недоступен»! Мутная ревность стала подниматься в нем, пока не заполнила каждую его клеточку. Ему больше не важно было, дурак он или нет, что связался с ней. Наоборот, ее распутство еще сильнее притягивало его. Ему совершенно необходимо было отобрать ее у других. Заставить ее подчиниться его воле. Он должен был ее вернуть.

Сукурова позвонила сама только в начале одиннадцатого.

— Где ты была? Где ты сейчас? — набросился на нее Куликов.

— Я сегодня переночую у дочери, — сказала она, как ни в чем не бывало.

— Как это у дочери?! Ты сказала, что твой бывший муж тебя туда не пускает!

— Теперь пускает.

— Почему ты мне ничего не сказала, не предупредила? Почему у тебя был выключен мобильный?

— Села батарейка — я только сейчас заметила. Я хотела тебя предупредить, но секретарша сказала, что ты был все время занят.

— Причем здесь секретарша? Почему ты не позвонила как обычно по прямому?

— Просто не хотела тебя отвлекать.

— А в какую еще командировку ты собралась? Почему я ничего не знаю?

— Это ты у начальника своего спроси. У него, знаешь, так быстро все меняется! Петр Иванович такой шустрый, оказывается!

— Шлюха! Немедленно домой, — диким голосом прорычал Куликов.

В ответ он услышал ее смех, и телефон разъединился.

Каждая клеточка его организма взывала к ней. Ему казалось, что в этот самый момент старый лысый Буренков овладевает ею, страстно мнет ее трепещущую от желания плоть, впивается в ее зовущие губы. Уши Куликова явственно различали ее стенания. Он готов был отдать все на свете, лишь бы вернуть ее. Но где они, он не знал. Тогда Куликов спустился в магазин, купил бутылку водки, снова поднялся наверх и выпил залпом полный стакан. Он никогда не увлекался спиртным и, с непривычки опьянев, рухнул на кро-

вать. Проснулся он от легкого дуновения. Прямо перед ним стояла обнаженная Сукурова. Он снова видел ее грудь, бедра, ноги. От нетерпения он задрожал.

— Ты вернулась ко мне, — пробормотал он как в бреду.

— Тссс, не двигайся, — она приставила палец к губам и неспешно шагнула к нему.

Безумие их страсти длилось всю ночь. Проснулся Куликов в полдень. У него сильно болела грудь, а сам он был совершенно обессилен. Раздался звонок его мобильного телефона.

— Сергей Александрович, Вас все потеряли! — тревожно прозвучал голос его секретарши.

— Уже Буренков два раза звонил!

— Что Вы ему сказали?

— Что Вы на переговорах.

— Правильно.

Наскоро перекусив йогуртом, — больше в их совместном холодильнике никогда ничего не водилось, — Куликов выбежал из квартиры.

— Сергей, хватит врать! Какие к черту переговоры? Мне это уже начинает надоедать. Тебя никогда не бывает на месте. Кем ты себя возомнил? У тебя и других проблем навалом. Вон, с сотрудниками своими разобраться не можешь, — впервые кричал на него Буренков.

— А что с сотрудниками? — еле ворочая языком от изнеможения, пробормотал Куликов.

— Жалуются на тебя, голос повышаешь на них без причины.

— Кто жалуется? Кто? — действительно повысил голос Куликов.

— А вот этого тут не надо. Правду говорят, что ты очень изменился в последнее время. Рановато, видно, тебя начальником отдела сделали. Пойди-

ка, подумай над своим поведением, а потом заходи.

Попав к себе в кабинет, Куликов сразу же набрал номер Сукуровой.

— Зайди ко мне, срочно, — бросил он ей и разъединился.

Она не торопилась. Прошло минут пятнадцать, и Куликов опять ей перезвонил. Но Сукуровой не оказалось на месте. Он попросил секретаря разыскать ее. Исполнительная девушка через минуту доложила ему, что Сукурова находится у Буренкова. Куликов вскочил с кресла и заметался по кабинету, как дикий зверь в клетке. Неужели им было мало вчерашнего вечера? Хотя, конечно, кому как ни ему было знать, что эта похотливая стерва может делать с мужчинами!

К нему в кабинет просунулось участливое лицо одного из его замов.

— Не видишь, я занят! — рявкнул на него Куликов. Больной взгляд его блуждающе скользил в поисках Сукуровой по столам своих подчиненных. Ему показалось, что кто-то из них повертел у виска пальцем и кивнул в его сторону.

— Где, черт подери, Сукурова? — рявкнул он в телефон на секретаршу.

— Извините, Сергей Александрович, я забыла Вам сказать, что Сукурова куда-то отъехала.

— А кто ей позволял? — завопил он.

В ответ была тишина. Секретарша в испуге молчала. Куликов рухнул в кресло. Остаток дня он сидел над документами. Несколько раз Куликов набирал номер мобильного Сукуровой, но «абонент» был «недоступен». Стоило часам пробить шесть, как он устремился домой, если, конечно же, допустить, что их квартиру можно было назвать

домом. Однако в тот момент ему было не до отвлеченных рассуждений, что есть дом. И хотя в квартире ее не оказалось, Куликов не мог поверить, что Сукурова бросила его. Он вышел на балкон, и взгляд его упал на большой черный автомобиль, похожий на машину Буренкова, который остановился около их подъезда. Минут через десять оттуда грациозно появилась Сукурова. Куликов дал себе слово держать себя в руках.

— Шлюха! — мрачно сказал он ей с порога.

— Сергей Александрович, я Вас не узнаю, — защебетала она беззаботно. — Вы всегда были таким галантным мужчиной, а теперь посмотрите на себя. Рубашка грязная, брюки не глаженные, грубите.

— Я хочу знать, где ты была, — и он схватил ее за горло. В последнее время

у него вошло в привычку применять к ней физическую силу. Ему казалось, что Сукуровой это даже нравится, и что она специально провоцирует его на это.

— Я попросила бы Вас руки не распускать, Сергей Александрович. Меня внизу ждет Ваш начальник — мы едем с ним сейчас в командировку. Я зашла за вещами, и у меня есть всего пять минут, — сказала она ледяным тоном.

Куликов в недоумении отпрянул. Она с ним никогда так холодно не разговаривала.

— Я хочу тебя! — мрачно выдавил он из себя.

— У меня сейчас нет времени. Буренков ждет меня внизу. У нас самолет через три часа.

— Я тебя никуда не пушу! Ты с ним никуда не поедешь! — взвыл он в испуге, хватая ее за руки.

Она вывернулась и ответила:

— Вы мне кто? Муж? Сват, брат? Нет. Тогда не мешайте. Мне надо собираться.

— Я женюсь на тебе! Распишемся завтра же! Только не уходи.

— Сергей Александрович, держите себя в руках. И не надо так волноваться. Через три дня я вернусь из командировки, и мы сможем спокойно обо всем поговорить, — с надменной улыбкой на красивых устах сказала она и грациозно вышла из квартиры.

Оставшись один, Куликов впал в состояние какого-то оцепенения. Такого унижения он еще не испытывал в своей жизни. Но он сам был во всем виноват! Зачем он оскорблял ее вчера по телефону? Но как же ему было ее не оскорблять, если эта шлюха спала со всеми подряд! А может быть, она и не изменяет ему? Может быть, это все его домыслы? Он подождет. Когда она вер-

нется к нему, — а ведь она сказала, что она вернется, — он предпримет новую тактику поведения с ней. Она не сможет больше так им манипулировать. Он будет выше этого. Он будет разговаривать с ней насмешливо. Он заставит ее понять, что сильнее ее! Она к нему еще на коленях приползет. А он... вот тогда посмотрим, как он...

Куликов достал из шкафа остаток водки, налил себе полстакана и залпом выпил его. Захотелось еще. Куликов спустился в магазин за новой порцией, но передумал и отправился через дорогу в бар. Там он, устроившись за стойкой, заказал себе текилу. Какие-то две симпатичные девушки примостились рядом с ним. Они о чем-то с ним пытались говорить, смеялись. Но сейчас никто, кроме Сукуровой ему был не нужен. Он односложно отвечал им. Его не покидало чувство, что ему куда-то

надо идти. Куликов все время тревожно поглядывал на часы и, когда стрелки стали приближаться к двенадцати, он отрешенно встал и молча удалился. На заплетающихся ногах Куликов ввалился в свою квартиру, быстро разделся, лег на кровать и стал ждать ее прихода.

Стемнело. Сукурова как всегда не спешила появляться, заставляя его помучиться. Временами в его сознании проносились полные сладострастия картины ее соития с Буренковым. Это доставляло Куликову нестерпимую боль. Боль эта, однако, была сродни чесотке. Расчесывать больное место было сладко.

Он очнулся, как обычно, от легкого дуновения. Обнаженная Сукурова шагнула к нему из зеркала. Куликов различил ее бедра, изгиб талии, округлости груди. Она как всегда приложила палец к кубам и шепнула ему не двигаться.

Куликов проснулся около полудня вялый и разбитый. Он скорее машинально посмотрел на дисплей мобильного телефона и увидел большое количество пропущенных вызовов. У него это не вызвало почти никаких эмоций. С трудом поднимаясь с кровати, Куликов испытал головокружение. Вытираясь полотенцем после душа, он с удивлением заметил у себя на груди какие-то кровоподтеки. После чашки черного кофе, — есть ему все равно не хотелось, — он немного пришел в себя и отправился в офис.

Под конец рабочего дня он наткнулся на документ с пометкой руководства «Срочно». Но решение этого вопроса требовало согласования с Якуниным. Помедлив с минуту, Куликов снял трубку и набрал внутренний номер его секретариата.

— Я хотел бы поговорить с Игорем

Геннадиевичем, — сказал он его секретарше.

— Игорь Геннадьевич болен, — ответила она.

— А когда я могу с ним переговорить?

— Боюсь, теперь не скоро. У него обширный инфаркт, он в реанимации.

— Из-ви-ни-те, — по слогам произнес Куликов и повесил трубку.

Черт возьми! Инфаркт. Кто бы мог подумать! У такого лося! На нем лес возить можно было! Впрочем, так ему и надо!

Куликов оторвался от документов, когда уже все давно разошлись по домам. В этот момент зазвонил его мобильный. Он снял трубку.

— Привет! Что делаешь? — зазвучал теплый голос Сукуровой.

Она говорила так, как будто и не было вчерашней дикой сцены, как будто она сейчас не изменяла ему с

Буренковым и не изменяла ему до этого с его бывшим другом Константином.

Куликов хотел что-то ответить, но от волнения не мог вымолвить ни слова.

— Мне надо бежать: Буренков зовет. Ладно, не грусти там. Послезавтра приеду, — сказала она и повесила трубку.

При упоминании ею Буренкова у Куликова возникло ощущение, что кто-то повернул некий секретный тумблер в его голове. И его, казалось, пришедшее в относительное состояние покоя сознание снова всколыхнулось и забурлило. Значит, она все-таки любит его! Она вернется к нему! Наверное, ей надоел этот старый козел. Но какая она шлюха! Спит с одним, звонит другому! А может она просто нимфоманка? Куликов возбужденно заходил из угла в угол. Минуту назад он собирался еще посидеть с документами, но теперь об

этом можно было забыть. Все его мысли были о ней. Он надел пиджак и отправился домой.

Оказавшись в их квартире, он тоже никак не мог найти себе места. Все здесь напоминало ему о ней. Особенно его сводил с ума витающий в воздухе аромат ее духов. И зачем только эта тварь ему позвонила? Голова его разламывалась на части от напряжения. Куликову захотелось водки, и он спустился в магазин.

Когда в небольшом полуподвальном помещении Куликов стоял в очереди в кассу, кто-то хлопнул его по плечу. Он обернулся. На него приветливо смотрел его Сэнсэй по карате Петрович, проживавший неподалеку. Это был среднего роста коренастый человек неопределенного возраста с восточным типом лица. За долгие годы тренировок у Куликова сложились с ним дружеские отношения.

— Здорово, Серега! Что тренировки забросил? — спросил он.

— Здорово, Петрович. Времени, знаешь, все нет, — вяло ответил Куликов.

— Времени, говоришь, нет? — и Сэнсэй весело кивнул на бутылку водки.

— Это? Да я вообще-то ... — стусывался Куликов.

— Вообще-то, ты раньше совсем не употреблял, я помню.

— Да я и сейчас только ...

— Ты очень плохо выглядишь. Болеть, что ли?

— Здоров я.

— Какой «здоров»? Сэнсэя не проведешь. Что с тобой такое?

Они расплатились за покупки и вышли на улицу.

— А ты вообще-то как сюда попал? — спросил Петрович.

— Я здесь живу теперь.

— Квартиру приобрел? Лариса рада, наверное, в центр переехать?

Куликов открыл бутылку и сделал два больших глотка прямо из горлышка. Водка сразу же дала о себе знать. Он немного расслабился и сказал:

— Да нет больше никакой Ларисы. Я здесь с другой живу. Хочешь, заглянем ко мне? Ее все равно дома нет.

Петрович с удивлением посмотрел на своего ученика. Они зашли в квартиру, и Куликов, предлагая выпить, достал стаканы.

— Ты что, Серега, я водки не пью. Дай лучше поесть что-нибудь.

— Ну ладно, а я выпью, — сказал Куликов и отправил себе в рот четверть стакана.

— А поесть?

— Поесть ничего нет. Она не любит готовить.

— Пойдем к зеркалу, — неожиданно сказал Петрович.

— Зачем тебе зеркало далось? — спросил пьянеющий Куликов.

— Пойдем, пойдем.

Они встали перед зеркалом, и Сэнсэй сказал:

— Смотри. На себя смотри!

Удивительно, как же он до этого не замечал произошедших с ним перемен! На него смотрел изможденного вида человек в измятом костюме и несвежей рубашке. Больные глаза его беспокойно смотрели из темных глазниц.

— Как ты дошел до такой жизни, Серега? — спросил Петрович.

Они сели за стол, и постепенно все то, что давило и терзало его душу в последние месяцы, и что он так упрямо удерживал в себе, начало выходить из него в виде нестройного повествования. Он поведал своему товарищу, как полгода назад встретил Сукурову. Признался в том, что недавно бросил бере-

менную Ларису. Рассказал о том, что работа, которой он всегда так дорожил и гордился, теперь отошла для него на второй план, и он стал даже пренебрегать ею, и о том, что поссорился с одним из немногих своих друзей, который переспал с его любовницей. Он хвалился тем, что смог отбить Сукурову у Якунина, и горевал из-за того, что она стала не таясь изменять ему, хотя и не уходит, а иногда даже звонит. Не утаил он и того, как выстраивает в своем сознании кирпичные стены, которые защищают его от невидимых нитей, которыми она опутывает его. Долго бурчал о том, что он не будет больше терять над собой контроля и совсем скоро заставит ее вернуться, чего бы это ему ни стоило. А когда он прикончил бутылку водки, то заплетающимся языком сообщил, что как раз теперь настает тот час, когда она должна придти к нему,

и поэтому Петровичу пора оставить его одного. Петрович внимательно выслушал историю о том, как некогда рациональный и волевой человек в течение нескольких месяцев своими руками разрушил большую часть своей в целом успешной жизни, а потом сказал:

— Считай, что тебе повезло, Серега. Я, кажется, знаю, что делать. Вставай.

— Куда, куда, ты меня тащ...тащишь? — слабо сопротивлялся Куликов.

Оказавшись в ванной комнате над унитазом, Петрович согнул своего подопечного пополам, больно несколько раз нажал на какую-то точку и быстро очистил его желудок.

Потом он насильно раздел его и отправил под холодный душ. Затем влил в Куликова литр воды и снова своим варварским методом прочистил ему желудок. Потом снова последовал холодный

душ. После этой экзекуции Куликов немного протрезвел и обрел способность самостоятельно передвигаться.

— Одевайся, Серега, — сказал Петрович, а сам куда-то стал звонить по телефону.

Они вышли из подъезда и поймали такси. На улице была ночь, и долго ехать не пришлось. Минут через десять-пятнадцать они остановились у какого-то старого довоенной постройки дома в Замоскворечье.

— Пошли.

— Куда ты меня тащишь? — сказал трезвеющий Куликов.

— Повторяю, тебе крупно повезло, что со мной встретился. Есть у меня одна знакомая бурятка. Я ее с детства знаю. Ее тогда уже ведьмой некоторые считали. Но ты не дрейфь, Серега, никакая она не ведьма. Она ясновидящая.

— А мне она на что?

— Увидишь на что.

Они поднялись по лестнице на третий этаж, и Петрович позвонил в дверь. Им открыла маленького роста и субтильного телосложения женщина. У нее были темные раскосые глаза и широкие скулы. Черные волосы ее были собраны в пучок. Одета она была в джинсы и свободно болтающуюся майку желтого цвета.

— Ася, — представилась она.

— Сергей.

— Привет, Ася, вот, привел к тебе пациента. Помощь твоя нужна.

— Проходи Сергей, а ты Петрович на кухне подожди, — и она пошла вперед.

Куликов проследовал за хозяйкой в небольшую комнату с облезлыми обоями желтоватого цвета. Из предметов мебели в ней присутствовал только старый сервант. На полу лежал выцветший

ковер и несколько шелковых подушек красного и желтого цветов. Помещение освещалось двумя тусклыми лампами, стоявшими прямо на полу. По углам комнаты слегка дымились курительные палочки, издававшие сладковатый аромат.

— Садись, отдохай, выпей пока чаю, — сказала Ася и вышла из комнаты.

Через стену Куликов мог слышать приглушенные голоса Аси и Петровича. Куликов взял небольшой чайник, видимо, специально для него приготовленный, и наполнил себе маленькую пиалу. Он сделал несколько глотков и немного расслабился.

Вошла Ася. Закрыв глаза, она с минуту оставалась неподвижной. Потом Ася провела ладонью по его затылку, сделала пальцами движение, как будто с усилием вытягивала что-то из головы. Повертела перед его носом

своим сжатым кулачком. Ее раскосые глаза оказались очень близко от лица Куликова.

Потом Ася распустила пальцы и проводила открытой ладонью перед его лицом. Глаза Куликова закрылись, и перед ним стали проплывать странные видения. Он различил какую-то спорбленную старуху отвратительного вида. У нее был крючковатый нос, и все морщинистое, как у варана, лицо ее покрывали крупные бородавки. Старуха что-то делала на грязной маленькой кухне, когда ее отвлек звонок в дверь. Шаркая ногами, она отправилась в темный коридор, нащупала ключ и распахнула входную дверь. На пороге стояла Сукурова! Голова ее была опущена, а ноздри раздувались.

— Опять пожаловала! — трескучим голосом сказала старуха.

Сукурова молчала.

— Не можешь без этого! Быстро же ты с ним управилась! Предыдущий-то твой покрепче был. Ну, пошли, раз пришла, — и старуха, шаркая ногами, пошла внутрь квартиры.

Оказавшись на кухне, старуха обернулась к Сукуровой и прошамкала беззубым ртом:

— Сама все знаешь.

Сукурова написала на листочке бумаги восемь цифр, а потом еще восемь. Куликов присмотрелся и узнал в них дату своего рождения и дату рождения Ларисы!

Старуха взяла ручку и молча начала делать какие-то вычисления. Затем она подняла голову и забубнила:

— Гордыня его слабое место, лъсти ему, пусть разум его спит. На глазах у него спать с другими станешь, гнев его одолеет, сознание совсем затмит. Рабом твоим станет. Девка его, Лариса — не

помеха тебе, сама уйдет, ей есть куда. Через запах свой входить в него будешь. Он его заморозит. Принесла?

Сукурова достала склянку обычных французских духов и его фотографию.

— И кровь свою давай.

Сукурова извлекла из сумочки флакончик и протянула старухе. Та вопросительно уставилась на нее.

— Не волнуйся, не из пальца, — гадко ухмыльнулась Сукурова.

— Волос его давай.

— Вижу, вижу, не впервой тебе, — и старуха издала какие-то квакающие звуки, похожие на усмешку.

— Лучше бы я тебя никогда не встречала, — с ненавистью прошептала Сукурова.

— Не встречала, говоришь, лучше! Пошла прочь тогда! — рассердилась старуха.

— Не гони, сама не знаю, что несу, — в страхе забормотала Сукурова, глядя на нее глазами наркоманки, алчущей новой дозы.

— То-то, — старуха разорвала волос пополам и опустила его в склянку с духами, потом добавила туда несколько капель крови Сукуровой и приподняла содержимое над головой. Далее, шаркая ногами и неразборчиво бубня какие-то заклинания, она медленно несколько раз повернулась вокруг своей оси. Потом протянула склянку Сукуровой, и та пригубила жидкость, а затем выплеснула часть содержимого на фотографию Куликова.

— Как шелковый будет. Духи не меняй! — старуха злобно погрозила пальцем Сукуровой.

Та кивнула головой и встала.

— Сиди, — прошамкала старуха недовольно, — я тебя не отпускала. Остав-

шуюся жидкость в напиток ему перед первым разом выльешь. Сам умолять тебя о близости начнет! Похоть в нем большая. Все отдаст, лишь бы ее с тобой удовлетворять. Воля его подчинится его же страсти. Но к себе подпускать его не часто будешь. Запретный плод сладок. Не он первый, не он последний.

И не забудь, что выйдет из него — разотрешь по всему телу своему, и целые сутки смывать не будешь! Только ты ему желанна станешь, но насытиться тобой не сможет. И вечно алчущим станет, и по ночам взывать к тебе будет. И я тогда приходиться к нему начну. А как по-волчьи завоет, я его насовсем возьму, — и старуха, бормоча какие-то заклинания, погрузилась в забытье.

— Старуха, старуха, это ее колдовство во всем виновато! Это все она! — сжал в негодовании кулаки Куликов.

Ася покачала головой и сказала:

— Ты сам ее захотел. Без этого ничего бы не было.

Потом она снова поводила перед его глазами ладошкой. И вновь Куликова посетило видение. На этот раз из его недавнего благополучного прошлого. Вот он сидит со своим другом Константином в ресторанчике. За окном еще лежал снег. Константин говорит:

— Подвезло тебе, Серега.

Куликов вопросительно посмотрел на приятеля.

— Симпатичная тебе секретарша от твоего предшественника досталась. Ты ее, кстати, еще не того?

— Ничего так, но у меня же Лариса.

— Хорош тебе пургу-то гнать, Лариса у него есть. А то я тебя не знаю.

— Да и не в моем она вкусе, — отмахнулся Куликов.

— Так бы и сказал — я ей сам тогда займусь.

— Ну, а эта, твоя новая заместительница, как она тебе, кстати?

— Вот с ней, пожалуй, я бы не возражал. Только единственно, у меня же принцип на работе ни-ни, — неуверенно сказал Куликов.

— Не робей ты, Серега! Волков бояться, в лес не ходить.

Видение исчезло.

— Вспомнил? — спросила Ася.

Куликов очумело смотрел по сторонам и молчал. Ася тоже молчала.

— Я совсем не того хотел! А тут вон что получилось! Я ее уничтожу, пусть только приедет! Я ей докажу, что я сильнее ее. Уж я с ней разберусь! — злобно зашипел он.

— Тебе не надо с ней разбираться. Тебе надо держаться от нее подальше. И не думай о ней. Иначе пропадешь.

И с Ларисой помирись, это тебе поможет.

— Да она сама, да я ... — повысил голос Куликов.

— Дай-ка мне руку, — сказала Ася.

Куликов осекся и послушно протянул руку. Ася несколько раз очень болезненно нажала на какие-то точки, и он заснул. Сон его был глубокий и спокоен. Проснулся Куликов на следующее утро и увидел перед собой записку: «Больше мне тебе помочь нечем. Я тебе все сказала. Дверь за собой захлопни. Ася».

Куликов потянулся и отправился домой. Было раннее утро. У него было чувство непередаваемой легкости, как если бы он долгое время нес тяжелый и ненужный груз, а потом резко сбросил его со своих плеч. Перед ним лежал ясный путь. С этой тварью он, конечно же, по-рвет. Его воля сильнее. Солнце нежно освещало помытые дождем улицы. Ку-

ликов, беспечно насвистывая, шел по мокрой мостовой и чувствовал себя абсолютно свободным.

Оказавшись дома, он первым делом завесил зеркало покрывалом. Потом он, беззаботно напевая, принял душ и стал одеваться. Тут раздался телефонный звонок. Куликов посмотрел на дисплей — номер не определялся. На его лоб легли две морщины. Он знал, что это Сукурова. Сердце его учащенно забилось, но он заставил себя не отвечать.

Куликов подумал, что случайная встреча — это лучший способ помириться с Ларисой. Ровно в шесть вечера он, устроившись в своей машине, стал наблюдать за выходящими из офиса сотрудниками. Но Лариса в тот день так и не появилась, и он, прождав битый час, вынужден был на один день отложить воплощение своего плана.

Но на следующее утро через прозрачные стены своего кабинета Куликов вновь увидел Сукурову. Однако к нему она не заходила. А около двенадцати его вызвал Буренков.

— Я смотрю, ты в себя немного пришел, — без предисловий, сухо сказал он, когда Куликов вошел к нему в кабинет.

— Здравствуйте, Петр Иванович.

— Что там у тебя с подчиненными происходит?

— А что такое?

— Жалуются они на тебя.

— И на что же они жалуются, интересно?

— На грубость твою. Говорят, хамишь ты людям, унижаешь их достоинство.

— И кто же это говорит? — догадываюсь, откуда дует ветер, спросил Куликов.

— Вот Сукурова на тебя жалуется, да и не только она.

— Понятно: уже организовала кого-то еще под свою дудку плясать.

— Сергей, ты это брось. Дело серьезное. Скажу тебе откровенно. Она тебя в сексуальных домогательствах обвиняет. Пока только я знаю. Но если ты не прекратишь, я дам делу ход. Она и так уже в службу персонала собиралась пойти. Я ее попросил этого пока не делать.

Куликов не верил, что Буренков ее о чем-то таком просил. Скорее всего, он сам уже плясал под ее дудку. А он, Куликов, ей теперь только помеха. Потому эта тварь и решила нанести упреждающий удар. Все рассчитала. Все видели, как она подолгу засиживалась у него в кабинете. Это одно уже могло породить самые разные кривотолки. Возможно, их видели в его машине. Но ведь она сама приходила к нему, клялась в любви и верности, жила с ним в одной квартире, там даже остались ее

вещи! А теперь эта гадина обвиняет его в сексуальных домогательствах!

— И Вы ей верите?! — повысил голос Куликов. Щеки его зарделись румянцем. Праведный гнев охватил его.

— Я думал, ты себя в чувство привел, а ты опять в крик. Покраснел вон весь. Кулаки сжимаешь, — и Буренков раздраженно уставился в свои бумаги, давая понять, что разговор окончен. Было ясно, что шеф верит Сукуровой, а не ему. И поделаться с этим ничего было уже нельзя. Рассказать Буренкову всю историю любви было невозможно.

В приемной Куликов увидел Сукурову, которая, улыбаясь, рассказывала о чем-то Константину. После только что услышанных обвинений в свой адрес, он не мог с ней разговаривать. Сукурова же, напротив, с подобострастием в голосе громко произнесла:

— Здравствуйте, Сергей Александрович!

Константин тоже кивнул ему головой, хотя после стычки в его кабинете в присутствии Сукуровой они практически не разговаривали друг с другом.

Куликов, глядя в пол, прошел мимо.

— Вот такой мне начальничек достался! — с издевкой сказала Сукурова Константину, и тот ухмыльнулся.

Еще не хватало теперь из-за этой твари вылететь из организации! Больше никаких контактов с ней наедине. Только в присутствии других сотрудников. Но как тут можно было о ней не думать?!

После обеда Куликову позвонил Буренков.

— Ты почему Сукурову не принимаешь? — послышался его раздраженный голос.

— В каком смысле, Петр Иванович?

— В прямом. Она к тебе целое утро

попасть не может. Ты, я смотрю, занятой стал очень.

— Она мне не звонила.

— Ты заканчивай на ней свою злобу срывать. Чтоб я от нее на тебя больше жалоб не слышал, — и он разъединился.

Тут же ему позвонила Сукурова.

— Добрый день. К Вам можно? — поинтересовалась она.

Куликову ничего не оставалось, как только сказать, что она может зайти. Когда он увидел ее через свои стеклянные стены, то был поражен постигшими ее переменами. Она шла неуверенной походкой, как будто боялась чего-то. Голова ее поникла. На лице практически отсутствовала косметика. Под глазами были синяки. Взгляд ее выражал страшную тоску, которую Куликов сразу же принял на свой счет.

— Не надо закрывать дверь, — сказал он ей вместо приветствия.

— Здравствуйте, Сергей Александрович. Конечно, как Вам будет угодно. Могу я хотя бы сесть? — печально спросила Сукурова.

— Садитесь, — не дать ей сесть могло означать новые обвинения в его грубости с подчиненными.

— Спасибо, Сергей Александрович. Я вынуждена была обратиться к Буренкову, этому страшному человеку, чтобы Вы приняли меня, только потому, что я знала, что по-другому Вы откажете мне даже в пятиминутной аудиенции. Надеюсь, Вы простите меня за эту маленькую дерзость, — Сукурова говорила очень тихо, так, чтобы сотрудники не могли услышать ее через открытую дверь.

— Буренков — страшный человек?

— Да, поверьте мне, это страшный человек. Вы не знаете, как он вел себя со мной в командировке! Мне до сих

пор стыдно, стыдно, стыдно! — на глаза ее навернулись слезы.

— За что же Вам стыдно, позвольте спросить? — злорадно поинтересовался Куликов.

— Стыдно за него, за себя, что я не смогла... Сергей Александрович, я уже две ночи не сплю. Я так больше не могу. Мне нет прощения. Но Вы, Вы не такой как другие. Вы должны меня хотя бы выслушать. Конечно же, я так виновата перед Вами. Ах, мне нет прощения! — трагически шептала она.

— О каком прощении Вы ведете речь? Вы думаете, что я такой дурак, чтобы простить Вам обвинения в сексуальном домогательстве! — прошипел Куликов. Голова его уже давно пошла кругом от аромата ее духов. Сознание его спуталось, а страсть с новой силой проснулась в нем. Овладеть ею прямо здесь, при всех, грубо, демонстрируя всем свое

превосходство над этой женщиной, как и над всеми своими соперниками!

— О чем вы говорите?! — в удивлении вскинула голову Сукурова, и их глаза встретились.

— Вам лучше знать о чем!

— Не хотите ли Вы сказать, что я, которая люблю Вас больше жизни, могла причинить Вам хоть какой-нибудь вред! Скажите, Сергей Александрович, кто, кто Вам такое мог сказать про меня?

— Ваш любовник, Буренков!

— Он мне не любовник! Но какой негодяй! Теперь я понимаю! Он догадывается, что я люблю Вас, и не может этого перенести. Он очень завистлив. Я подозреваю, чтобы Вы не мешали ему, он собирается уволить Вас под любым предлогом! Ах, это страшный, страшный человек! Но как Вы могли поверить в такое? Хотя, конечно, что

вам еще оставалось, когда меня не оказалось рядом. Я не должна, не должна была ездить с ним! Я пыталась, но он угрожал мне увольнением. А на что же я буду жить? Я же теперь совсем одна.

— Почему же Вы мне сразу не сказали, что Вам угрожают?

— Я боялась за Вас. Вы же так благородны! Я боялась, что Вы предпримете необдуманные действия и повредите себе, испортите свою карьеру. Я не могла этого допустить. Ах, Сергей Александрович, думаете, легко мне было тогда собрать свои вещи и уехать, не зная, пустите ли Вы меня назад? Я была жестока к Вам, но это только от любви. Разве могла я Вам тогда рассказать всю правду, всю эту грязь? — все это время глаза Сукуровой неотрывно смотрели в глаза Куликова, и он почувствовал, что тонет в них. — Конечно, Вы теперь прогоните

меня, как падшую женщину. Так мне и надо! Но знайте, что у меня с ним ничего не было. Да, я ездила с ним в командировку. Да, он пытался там со мной переспать, но я отказала ему. Я даже вынуждена была его ударить. И теперь я жду, когда он уволит меня. И тогда у меня совсем ничего не останется. Но я благодарна Вам уже за то, что Вы хотя бы выслушали меня, — и она стала подниматься с кресла, собираясь покинуть его кабинет.

Оказывается, вот как все было! Какая же мразь Буренков! А он, Куликов, проклинал ее, хотел ее бросить!

— Подождите, Лилия Семеновна, — голос его прерывался от волнения.

— Да, Сергей Александрович? — она снова посмотрела на него своими бездонными глазами.

— Если это все, как Вы говорите, если это действительно ... — он сбился

и потом выдавил из себя дрожащим голосом, — едем ко мне прямо сейчас!

— Но рабочий день еще не кончился, — дерзкая улыбка показалась на ее красивых устах.

— Плевать на рабочий день, я хочу тебя!

Они быстрым шагом покинули помещение. Около лифта кто-то из сотрудников обратился к Куликову, пытаясь объяснить, что дело срочное. Но тот только раздраженно махнул рукой и сказал, чтобы заходили завтра.

Они провели вместе несколько незабываемых дней. Куликов был на вершине блаженства. Его счастье, однако, оказалось недолгим. Как-то раз после обеда Сукурова зашла к нему в кабинет, когда у него проходило совещание, и сообщила, что этим вечером Буренков берет ее с собой на деловой ужин. Куликов насторожился, но в присутствии

других людей ему не оставалось ничего другого, как только молча кивнуть головой. Через час он получил от нее смс-ку: «Не волнуйся. Я люблю тебя. До вечера». После окончания рабочего дня Куликов остался посмотреть кое-какие документы. Но, поймав себя на том, что, не понимая смысла, перечитывает раз за разом одну и ту же страницу, он с досадой захлопнул папку с документами и вышел на улицу.

Лето было в самом разгаре. Весело светило солнце. Шелестели листья деревьев. Рядом с ним прошла какая-то молодая пара. Юноша, улыбаясь, обнимал девушку, а она звонко смеялась. Куликова все это только раздражало. Ему нужна была Сукурова.

Оказавшись один в своей квартире, он ощутил какую-то особенную внутреннюю пустоту и спустился за водкой в магазин, где наткнулся на Петровича.

Они не виделись с той самой ночи, когда он отвез его к Асе. Разговаривать с Петровичем Куликову не хотелось. В его жизни с тех пор в очередной раз многое изменилось. Но Петрович увлек его на бульвар. Они присели на скамейку.

— Как дела? Когда тренировки начнешь посещать? — жизнерадостно поинтересовался Сэнсэй.

— Нормально. Как у тебя? — про бурчал Куликов.

Петрович окинул его проницательным взглядом и доверительно спросил:

— Ты же хотел с ней порвать? У тебя воля есть?

— Послушай, я не хочу с ней рвать. Зачем мне с ней рвать, если это любовь?

— Любовь и похоть — разные вещи.

— Слушай, ты выбирай выражения.

— Правда глаза режет?

— Это страсть, понимаешь ты?

— Ну ладно, хочешь, похоть страстью назови. Не одно ли и то же?

— Любовь, это будет тебе известно, и есть страсть.

— Любовь, Серега, возвышает. А страсть принижает.

— Да ну? — с издевкой переспросил Куликов.

— Да. Когда любишь, хочется отдавать, дарить. И это делает тебя свободным. Любовь приносит радость. Любовь к женщине — это только часть вселенской любви. А страсть сравни стужа-тельству — это жажда обладания любой ценой. Рабство.

— Ты где этого начитался? Будет тебе известно, что любви без страсти не бывает. Природой так специально на уровне инстинктов для продолжения рода заложено, что наилучшее потомство получается у тех особей, которые друг к другу страстью притягиваются.

— Ты же собирался порвать с ней. Слабó стало?

— Ты не понимаешь, Петрович. Я же тебе говорю. Надо следовать своему инстинкту, а не выдуманым истинам. За ту, которую любишь, надо сражаться и побеждать, а не отказываться от борьбы. Тогда и жизнь откроется тебе во всей своей первородной красе. А с чего ты вообще взял, что я собирался с ней порвать? — глаза Куликова загорелись диким огнем, и тренированному Петровичу даже стало немного не по себе.

— Я с Асей говорил, я знаю.

— При чем здесь Ася?! Взялись за меня! Я что вам подшефный? Это мой выбор. Я живу, как считаю нужным, — повысил голос Куликов.

— Погибнешь, если не пересиличишь себя.

— Петрович, ты не понимаешь. Переживать такое — это не каждому

дано. Это, если хочешь знать, удел избранных. Другие всю жизнь проводят словно в спячке, в рафинированном киселе скучной жизни обывателя, не пережив и десятой части того блаженства, что испытываю я. А ты говоришь «порвать с ней»! — почти кричал Куликов. Ему очень хотелось убедить Петровича в своей правоте и тем самым найти в нем поддержку, в которой он так нуждался.

— Ладно, не мое это дело. Бывай, Сергей, — и Петрович, безучастно хлопнув его по плечу, стал удаляться.

— Да она и сейчас со мной! Она тоже любит меня, чтоб ты знал! — истощно завопил ему вслед Куликов и торопливо зашагал по направлению к своему подъезду.

Он поднялся к себе, выпил четверть стакана водки и стал смотреть телевизор.

Вечерело, беспокойство его нарастало. Он набрал номер ее телефона. Но «абонент» оказался «недоступен». Это еще больше усилило его сомнения. В конце концов, все то, что Сукурова ему наговорила, казалось правдой только в ее присутствии. Ему вспомнилось, что сегодня он снова столкнулся с ней в приемной Буренкова, когда она выходила от него. Сомнений не оставалось! Она спит с ним! Куликов тщетно пытался дозвониться до нее, но абонент оставался недоступным. Около одиннадцати раздался звонок в дверь. Он бросился открывать.

Деловой костюм ее был измят, а на ее шее красовался хорошо различимый характерный синяк. Она была дьявольски красива и абсолютно неприступна. У Куликова затряслись колени.

— Сергей, я на минутку, — холодно сказала она с порога.

— Что значит на минутку? — он пытался держать себе в руках.

— Только взять кое-какие вещи зашла. Я сегодня переночую у дочери, — она даже не смотрела на него!

— Как это у дочери?! — закричал Куликов. В очередной раз он не мог поверить в перемены ее поведения.

— Что это Вы поднимаете на меня голос, Сергей Александрович? — лицо ее выражало искреннее недоумение.

— Твой дом здесь, и ты никуда не поедешь!

— У меня сейчас нет времени на выяснения отношений. Меня ждет внизу Буренков.

— Чтоооо?

— Да, после переговоров он любезно согласился меня подбросить до дома.

— Я сам тебя подвезу, если надо.

— Боюсь, что теперь это будет не совсем удобно. Я думаю, Буренкову

это может не понравиться. Что никому не надо. Между прочим, тебе тоже, — она продолжала собирать свои мелкие вещи.

— Мне плевать, что понравится Буренкову, а что нет! Шлюха! Почему у тебя засос на шее! Почему ты вся помята? Даже себя в порядок не удосужилась привести?! Какие переговоры? Где ты была на самом деле?

— Не смейте меня оскорблять, Сергей Александрович, а не то я пожалуюсь на Вас Буренкову.

— Я сейчас спущусь вниз и расскажу ему, что ты моя любовница! И плевать мне на все, — прорычал Куликов.

— Не советую. Это только ухудшит Ваше положение. Буренков все и так знает. Я сказала ему, что Вы силой и угрозами удерживаете меня.

— Что за чушь!

— Никакая это не чушь. К тому же Буренков мне верит.

— Не пущу! — страшным голосом прорычал Куликов.

— Ладно, у меня нет времени. Завтра поговорим, — и она неторопливо вышла из квартиры. На устах ее играла подлая победная улыбка.

Куликов выбежал следом. Двери лифта захлопнулись перед его носом, и он побежал вниз по лестнице. Когда он выскочил на улицу, то увидел, как Сукурова с противоположной стороны машины садится на заднее сидение.

— Стоять! — дико заорал он. Открыв ближнюю к нему дверь, Куликов вцепился в лацкан пиджака Буренкова и потянул на себя.

Его начальник в ужасе вытаращил на него глаза и намертво вцепился руками в переднее сидение. Раздался треск разрываемой материи.

— Теперь Вы сами видите, Петр Иванович, он не в себе, — заметила Сукурова, ухмыльнувшись.

— Дима, гони! — крикнул Буренков водителю.

Тот нажал на газ, и машина рванула с места. Ноги Куликова подогнулись, и его поволокло по мостовой. Он разжал пальцы.

— Я тебя достану! Все равно моей будешь! — сидя на асфальте, бормотал Куликов вслед удалявшейся машине.

— Ненормальный, — услышал он шепот каких-то прохожих.

Куликов встал. Грязные брюки его были порваны на коленях. Мятая рубашка болталась на двух пуговицах. Рядом с ним остановилась патрульная машина, и два милиционера стали внимательно за ним наблюдать, видимо, размышляя, опасен ли этот бродяга для окружающих или нет. Чтобы не

быть задержанным, Куликов быстро зашел в свой подъезд и поднялся к себе.

Оказавшись в пустой квартире, Куликов сел на кровать и, обхватив голову руками, стал раскачиваться из стороны в сторону. Можно было считать, что он уволен, но это его не беспокоило. Он желал только одного, чтобы Сукурова оказалась сейчас рядом.

Потом с ним произошло нечто необычное. Куликов встал на четвереньки, поднял к потолку голову и дико поволчьим завыл. Он выл протяжно и долго. Обессиленный, он рухнул на кровать и стал смиренно ждать.

Мрак полностью поглотил все вокруг. И вот, наконец, он ощутил долгожданное дуновение. Подняв голову, Куликов увидел, как из зеркала надвигается ее желанный силуэт. Все, все теперь стало оправдано! Сукурова скло-

нилась над ним, и они отправились бороздить безбрежный океан человеческой страсти.

Полная луна заглянула в окно маленькой квартирки на Страстном бульваре. Куликов открыл глаза и в ее холодном сиянии увидел на себе гадкую старуху с огромным крючковатым носом. Сморщенное, как у варана, лицо ее было покрыто отвратительными бородавками. Вместо ног были хищные когтистые лапы, которыми она топтала и раздирала его грудь. Куликов приподнял голову и хотел было закричать, но от страшной тяжести в груди у него перехватило дыхание. Руки и ноги его стали словно ватные, и он не смог оттолкнуть гадину. Голова его в изнеможении упала на подушку. Тело обмякло. И все потонуло в какой-то вязкой болотной тине, которая опутывала его по рукам и ногам.

Он делал отчаянные попытки освободиться, найти выход, но лишь глубже погружался в трясины.

Потом в его глаза ударил яркий свет. Болотная мгла, лежащая на пути к источнику света, стала рассеиваться. Не надо было ничего больше искать, путь был ему ясен. Но смотреть на свет было трудно — он резал глаза. Идти вперед тоже было нелегко — ватные ноги не слушались его.

В отчаянии Куликов отвернул голову. Слева от себя он различил хорошо знакомый и вождеденный образ. Плоть снова пересилила. Жгучий ветер страсти подхватил и понес его в ее темную утробу.

Август 2010

Размазня

*«Не будь слишком строг
и не выставляй себя слишком мудрым:
зачем тебе губить себя?»*

*Екклесиаст,
Книги Ветхого Завета*

Константин Романович захлопнул зачетную книжку, с негодованием посмотрел на стоявшего перед ним юношу и закричал:

— И что ты себе думаешь, размазня?

— Ну... — неопределенно промычал юноша.

Константин Романович резко встал из-за письменного стола и твердой поступью, свойственной решительным людям, заходил взад-вперед по комнате. Несмотря на то, что ему давно пе-

ревалило за пятьдесят, он находился в отличной физической форме. Единственное, что его иногда беспокоило, это редкие боли в груди. Друзья говорили, что это могло пошаливать сердце, и советовали пройти обследование. Но Константин Романович не любил врачей и никогда к ним не обращался. Панацеями от всех болезней он считал режим и физическую нагрузку. Каждый его день без исключений всегда начинался в семь утра с сорокаминутной зарядки до пота. Отходил ко сну он ровно в полночь. Роста Константин Романович был выше среднего, подтянут, мускулист, наголо выбрит, с короткими черными усиками и орлиным носом. На нем были генеральские брюки с красными лампасами и белая рубашка с расстегнутым воротом. От него исходил тонкий аромат благородного одеколona.

Стоявший перед ним юноша представлял собой диаметрально противоположную картину. Он был невысокого роста, дряблого телосложения; на плечи его свисали давно не мытые волосы. Стоял он немного скособенившись и нерешительно мял перед собой руки.

— Ну, ну, баранки гну, — передразнил юношу Константин Романович, — неужели же нельзя дать себе труда, просто заставить себя сесть и выучить материал, идиот ты такой? Просто сесть и выучить. А?

— Я учил...

— «Я учил». Вот размазня! Я вижу, как ты учил. Даже я помню тему, на которой ты сегодня засыпался. Думал, что ничего не помню, а вот сейчас, ради спортивного интереса, посмотрел в учебник, и сразу же все в памяти всплыло. Ничего такого сверхсложного нет, между прочим! Просто не надо

идиотничать! Сел и выучил. Будешь учить, скотина такая? — и генерал зачеткой ткнул в нос юноше.

Тот мотнул головой и пробормотал:
— Буду.

Потом он мечтательно, как будто и не было этого неприятного разговора, посмотрел в окно.

— На меня смотри, скотина! — громоподобным голосом завопил генерал.

Юноша повернул голову, и взгляд его снова приобрел смиренность. Это почему-то еще больше разозлило Константина Романовича.

— Почему до этого не учил, я тебя спрашиваю?

— Я учил, просто времени не хватило.

— Слушай, дурак такой. Когда мне было столько лет, сколько тебе, я уже как год работал. Потому что жить не на что было. Работал и учился. И учился,

между прочим, на отлично. Стипендию повышенную получал. Каждый день в шесть утра вставал. В двенадцать, а то и в час ночи ложился и все успевал. А ты, гаденыш такой, ложишься за полночь, встаешь черт знает как поздно. С таким режимом, конечно, ничего никогда не успеешь. А в результате — все на моей шее сидишь. Не работаешь, не учишься. Долго это продолжаться будет? — говоря все это, Константин Романович упругим шагом расхаживал по наборному паркету своего кабинета, по одной стене которого стояли массивные книжные полки из красного дерева, а две другие были украшены многочисленными грамотами и наградами генерала, свидетельствующими о его больших заслугах перед отечеством. В углу комнаты разместились кресла из темной кожи и журнальный столик из красного дерева. У окна стояли боль-

шой письменный стол и массивное кресло, на которое, видимо, устав от воспитательного процесса, и приземлился генерал.

— Но я же уже работал, дядя, — вставил юноша.

— Работал он! Когда же это, интересно знать, ты работал? Ни фига ты не работал!

— Да работал я, ты просто забыл. Прошлым летом газеты разносил.

— Прошлым летом? Это когда тебя уволили за прогулы на вторую неделю твоей работы? Ты это, тунеядец такой, работой называешь? Если где выпить или травки покурить, так ты тут как тут. А работать, так тебя нет.

— Я же просто заболел тогда, поэтому так вышло, — промямлил юноша.

— А! Это когда у тебя насморк случился. Ну да, понимаем! Они болели-с! Если бы ты занимался спортом, зака-

ливанием, ты бы не болел. Посмотри на меня. Я в свои годы после зарядки каждый день ледяной душ принимаю. Потому и не болею никогда. Почему спортом не занимаешься, отвечай?

— Я хожу на физкультуру в институте.

— Какой это спорт? Сколько времени и денег на то, чтобы тебе привить любовь к спорту, родители потратили? Три раза в неделю возили тебя конным спортом заниматься. Но все напрасно. В восьмом классе ты взбрыкнул. С тех пор форма в шкафу пылится. А она, между прочим, денег стоит.

— Ну не люблю я лошадей. Что ж теперь? — вставил племянник.

— А что ты любишь, спрашивается? Молчишь. То-то. А в результате, ты в свои двадцать три года уже две академки брал! Даже армия тебя не исправила! Такой же размазней пришел, как и был.

Я рад, что твои родители не дожили до такого позора. Видеть такого сына — худшее наказание!

— Зачем ты так, дядя? — впервые за весь разговор в интонации племянника послышалось подобие недовольства.

— Они недовольны! А я доволен должен быть. Я перед твоим отцом покойным, перед братом своим ответственность несу! Да и перед женой его тоже, земля им будет пухом! А ты вообще понимаешь, что такое ответственность?

Юноша молчал.

— Конечно, где тебе, безответственному дураку, понять такое. Ты же не то, что за других, за себя ответить не в состоянии, — генерал помолчал, задумался немного, а потом спросил:

— А скажи мне, что тебе в жизни интересно?

— В каком смысле? — ответил вопросом на вопрос юноша.

— В прямом. К чему ты стремишься? Каким ты себя видишь через пять, десять, пятнадцать лет?

— Ну я вот, — начал нечленораздельно мычать племянник то, что, по его мнению, должно было понравиться дяде, — хочу закончить институт, потом стать хорошим специалистом... — тут он замялся. Ответить на этот вопрос ему было трудно, потому что будущее, выходящее за границы нескольких месяцев, представлялось ему очень абстрактным и не особенно тяготило его. Несравненно большую значимость имели для него события ближайших нескольких дней и недель. Но обсуждать их с дядей было бы нелепо. Генерал же, напротив, сродни многим людям среднего возраста, невзирая на то, что горизонт его жизни с большой степенью вероятности был неизмеримо короче, чем у молодого поколения, уже давно

развил привычку заглядывать вперед на несколько лет, а то и десятилетий, строить конкретные планы, воплощать их в жизнь и, конечно же, сильно переживать по этому поводу. При этом волнения его не ограничивались его собственной жизнью. И хотя здравый смысл подсказывал ему, что не стоит тревожиться из-за того, на что практически не можешь воздействовать, он не мог не переживать за племянника.

— Тогда почему ты не учишься? — перебил его дядя.

— Почему, я учусь...

— Да нет, не учишься. Все, что ты в жизни можешь — это пить, курить и дебоширить! Ты понимаешь, к чему это все тебя приведет?

— Я не дебоширю.

— А кого я месяц назад из милиции вытаскивал, когда тебя пьяного из Москвы-реки выловили? Хорошо еще,

что в том месте мелко было — машина под воду не ушла. А то бы утонул.

— Я не виноват, что Санька парашют пробил.

— Не виноват он, гаденыш такой. Все пьяные были! И обкуренные.

— Не я же за рулем был, дядя.

— Не он за рулем! А кто тебя просил нажираться, как свинья, с дружками своими? Голову на плечах надо иметь. Я когда молодой был, все успевал, но в милицию меня почему-то не забирали.

— Ну выпили немного, с кем не бывает?

— С кем не бывает? Каждую неделю пьяным приходишь! А ну пошел вон, с глаз моих! — страшно заорал генерал.

Юноша как-то боком, робким шагом вышел из кабинета, прошел через гостиную, обставленную мебелью из карельской березы, и отправился на кухню. Там он сделал себе большой бу-

терброд с толстым слоем масла и ветчиной. Неспешно разделавшись с бутербродом, он выпил стакан воды, а потом длинным коридором неторопливо отправился к себе. Войдя в свою комнату, он сел за стол, включил компьютер и, развалившись в кресле, положил ноги на стол. Лицо его выражало полное спокойствие.

Тут раздался телефонный звонок. Юноша снял трубку. Голос его приобрел неожиданную вальяжность.

— Здорово, Слава.

— Как сам? — сказала трубка в ответ.

— Нормально, дядя опять грузит, запарил уже. А так все пучком.

— А чем он тебя грузит-то все?

— Что математику не сдал, привязался. Боится, что меня опять из института отчислят.

— Подумаешь! Эркен с Кареном, так те вообще на занятия никогда не ходят, только башляют каждую сессию и все пучком. Нура то же самое. Мы-то с тобой еще более-менее, и на лекциях бываем, и на семинары иногда заходим. Чего ему не нравится, может твой дядя просто забашлять немного не хочет? Так без этого сейчас никак. Он это понимать должен. Так сейчас все. Ну, то есть, конечно, есть зубрилки там всякие, а так все.

— Ты ему это пойдя скажи...

— А он сам-то у тебя чего хочет, вообще? Чтобы его племянник в институте учился, или как? Ему определиться с этим вопросом надо.

— Да нет, я сам осенью пересдам, подумаешь, проблема — один экзамен.

— Подожди, подожди, ты же, кажется, говорил, что тебе уже два незачета вкатили.

— Ой, блин! Точно! А я и забыл. Хорошо, что напомнил.

— Слушай, ну как сегодня-то пересекаемся? Тебя там дядя не до конца запарил еще, я надеюсь?

— Да нет, все пучком уже. Вечером встречаемся, сегодня же суббота. Забьем косячок-другой. Потом в клуб. Там все наши будут.

Тем временем генерал, как тигр, загнанный в клетку, мерил нервным шагом свой кабинет из угла в угол. Константин Романович был человеком железной воли, которой он привык подчинять других людей. С юности он был требователен к себе и строг к другим. И до недавнего времени такой подход к жизни оправдывал себя. По характеру Константин Романович был человеком прямолинейным, из-за чего у него не раз возникали трения и ссоры с кол-

легами и начальством, которых вполне можно было бы избежать, будь он немного гибче. Эти черты характера, возможно, и сыграли ключевую роль в его недавней отставке. Однако они же, как он полагал, и обеспечивали ему ранее продвижение по службе.

Константин Романович всю жизнь прожил бобылем. Временами, конечно, появлялись у него женщины, но в душе он всегда оставался верен своей первой и неразделенной любви юности. К тому же совместная жизнь всегда требует взаимных компромиссов, к которым генерал был не склонен. Одному ему было спокойнее. Свалившийся ему на голову несколько лет назад подросток был словно слеплен из другого теста, и отставной генерал не знал, как с ним быть. Когда он сталкивался с такими подчиненными на службе, он без излишних раздумий отправлял

их на гауптвахту. Если провинившийся не исправлялся, то он его разжаловал или же просто исключал из рядов вооруженных сил. Но в его двухсотметровой квартире места для гауптвахты предусмотрено не было. И уж тем более племянника-студента некуда было разжаловать, особенно после того, как тот отслужил в армии. Тут раздался звонок телефона. Генерал поднес трубку к уху.

— Здравия желаю, Константин Романович, — услышал он приветствие своего хорошего знакомого, с которым они были на короткой ноге.

—И Вам того же, — буркнул в ответ генерал, который никак не мог прийти в себя после беседы с племянником.

— На рыбалку на следующей неделе едем?

— Не знаю даже. Как дела пойдут, — мрачно ответил генерал.

— А что такой невеселый, случилось что?

— С племянником все воюю.

— А что такое?

— Очередной банан принес. Боюсь, как бы из института опять не отчислили.

— А что ж он не занимается совсем?

— Нет, не занимается.

— Так ты его заставь.

— Как же его заставишь в двадцать три года? Он теперь только сам себя заставить может. Но только, похоже, что силы воли у него нет совсем.

— Тут ты, Константин Романович, подожди. Воля — это ж функция желания. Хотеть — значит мочь. Слышал такое, наверно? Может у него желания нет? Он чего в жизни хочет-то, ты интересовался?

— Интересовался и не раз, только он не говорит ничего внятного. По-моему,

и не хочет он ничего толком. А если что и хочет, то сказать стыдно.

— Тогда ему и воля ни к чему. А ты попытайся его заинтересовать. С мальчиками так надо, — посоветовала трубка. Получать советы генералу было досадно. Не для того он прожил эту жизнь.

— Надо, надо! Только мальчику уже двадцать три года. Да и вообще, Семенич, советы обычно дают тем, кто не может ими воспользоваться. Слышал такое?

— Ну ладно, ладно, не сердись.

— А я и не сержусь, — соврал генерал. — Просто я что только ни делал уже! Бьешься, бьешься с ним как рыба об лед, а все никакого толку.

— Ладно тебе. Расслабься. В любом случае, человеку можно дать не больше, чем он взять может. Что можешь, ты и так делаешь, а выше крыши все равно

не прыгнешь. Так что, поедem на рыбалку на следующей неделе лучше.

— Подумаю, — сердито пробурчал погруженный в свои тревоги генерал.

— Подумай, подумай, а я перезвоню, — добродушно прогудел его знакомый голосом человека, не обремененного проблемами, и трубка замолчала.

А генерал снова заходил из угла в угол. Потом заставил себя сесть за письменный стол и хотел было начать работу над мемуарами. Но тщетно. Мысли о наглom племяннике не давали ему покоя.

«Я ему всю душу отдал, а он, гаденыш такой, элементарных вещей делать не желает! А я все методы уже испробовал. Пора, видно, переходить к более жестким действиям!» — думал генерал.

Тут дверь в его кабинет отворилась, и в комнату робко просунулась немытая патлатая голова племянника.

— Я пошел, дядя, — вкрадчиво сказала голова.

— Куда? Куда ты еще пошел? — генерал пытался себя сдерживать.

— К Саньке заеду, — пояснила голова, и дверь закрылась.

— Я тебе поеду! А ну зайди сюда! Я разговор не заканчивал, — заорал генерал, и его лицо приняло пунцовый оттенок.

Дверь снова открылась, и в комнату робко зашел племянник.

— Ты как жить собираешься, скажи мне на милость?

— Ну... — как всегда невнятно пробормотал племянник и наклонил голову на сторону, делая вид, что думает.

— Конкретнее говори, обормот такой!

— Ну, окончу институт...

— Допустим, окончишь, если сможешь, хотя я в этом лично сомневаюсь.

Племянник в задумчивости медлил с ответом. Он вообще, в отличие от генерала, в своей жизни никогда и никуда не спешил.

— В глаза смотри! — кричал генерал. — Работать ты собираешься или нет?

— Наверное, а как же иначе? — с сомнением в голосе ответил племянник. Чувствовалось, что работать ему неохота.

— И сколько ты собираешься получать?

— Как все, — пробормотал племянник.

— Все по-разному, между прочим. А так, как ты учишься, ты много не зарабатываешь. Даже на хлеб с маслом не зарабатываешь, не то чтобы семью содержать. Да ты и работать не хочешь, — махнул рукой генерал. — Но при этом ты же у нас на машине хочешь ездить,

которую ты у меня постоянно берешь, одеваться модно желаешь, в рестораны, в клубы ходить. Ты сегодня вечером куда собрался? В клуб опять?

— Собирались ненадолго заскочить, — промямлил племянник.

— Вот тебе, а не клуб, — и генерал сунул кукиш в нос племяннику. — Садись давай за занятия!

— Что я не имею права отдохнуть?

— Не от чего тебе отдыхать.

— Но я уже договорился с друзьями.

— А я тебе говорю, пошел заниматься, размазня такая! Тебе экзамен послезавтра сдавать надо.

— Завтра и подготовлюсь, — бормотал юноша.

— Как ты с такими настроениями жить собираешься? Тебя же ни на какую работу не возьмут. Ты, видно, на моей шее сидеть хочешь, — орал генерал, — так вот дудки, — и он снова сунул ку-

киш в нос племяннику. — Чтоб ты знал: денег тебе больше никаких давать не буду. И, на всякий случай, завещание завтра же составлю, чтобы тебе ничего не досталось. Может, тебя хоть это заставит трудиться — человеком стать. От папаши твоего горе-бизнесмена тебе ведь ничего, кроме долгов не осталось. Даже его квартиру за долги пришлось отдать. Ты в него, похоже, пошел. Так вот дудки! Кстати, принеси мне ключи от машины. И чтоб братъ ее не смел больше. Завтра же на работу выходишь, бездельник! Я из тебя человека уж сделаю! Чтоб своим трудом все, чтоб человеком стал, понял меня, чтоб чело... — генерал осекся, схватился рукой за грудь и начал оседать на пол. Пытаясь найти опору, он зацепил рукой настольную лампу, которая упала на пол вместе с ним. Уже лежа на полу, он продолжал жадно хватать ртом воз-

дух. Одной рукой генерал держался за грудь, другой что-то пытался показать племяннику. Нерасторопный юноша молча стоял и смотрел на происходящее.

— Скорую, скорую давай, — наконец выдал из себя Константин Романович и потерял сознание.

— Сейчас вызову, дядя, — сказал племянник и вышел из кабинета, плотно закрыв за собой дверь. Оказавшись в коридоре, он напрямик отправился на кухню. Там он сделал себе большой бутерброд с маслом и ветчиной. Держа его в руке, он сел у окна и стал размышлять над словами дяди.

Из его слов выходило, что ему больше не будут давать денег и не будут давать машину. Более того, ему опять, как прошлым летом, нужно будет зачем-то ходить на идиотскую работу! И это при том, что у дяди денег и без того хоть от-

бавляй. На них двоих уж точно должно хватать.

«Какая-то бессмыслица, да и только! — думал племянник. — Деньги есть. А работать заставляет!»

Но самое неприятное во всем этом было то, что не было такого случая, когда бы дядя не держал своего слова. Это племянник доподлинно знал из прошлого опыта своего общения с ним. Однако такой сценарий юношу никак не устраивал, и он продолжал обдумывать сложившуюся ситуацию и смотреть в окно. Неторопливо покончив с первым бутербродом, он сделал себе второй и снова сел у окна немного подумать.

Так прошло несколько часов. Из генеральского кабинета не доносилось ни звука.

Июнь 2010

Девушка моей мечты

Должен вам признаться, что я никогда не пользовался особенным успехом у противоположного пола. Может быть, во внешности все дело? По правде сказать, я красавцем никогда не был. Роста я среднего, худощавого телосложения. Руки и ноги у меня тонкие. Мускулов почти что нет. Сутулюсь с детства. Мне еще мамка говорила: «Не сутулься сынок, девки любить не будут». На что я ей в шутку всегда отвечал: «Не смотри, мама, что грудь вогнута, зато спина колесом».

Грудь у меня действительно всегда слабая была. Кашляю много. Может, это от курения? Курю я с седьмого класса

по пачке в день. Плохо это, конечно. Теперь-то я понимаю, но бросить никак не могу. А если на этот вопрос с другой стороны посмотреть? Не так уж это и плохо, наверное. Ведь не зря же говорят, что сигарета сосредоточиться помогает. Что-что, а в этом вопросе со мной в классе, в школе нашей в Лыткарино, мало кто потягаться мог. Учился я всегда хорошо, без троек. Другие куда после школы, а я в институт тонких химических технологий подался и с первой попытки без всякого блата поступил. Помогать все равно некому было. Мама, папа у меня — люди простые: рабочие. Я вообще-то всегда упорный был. Если что решу, то уже не отступаюсь потом. Это не только института касается, кстати.

В тот год, что я в институт поступил, моя бабушка скончалась. Она на Смоленской площади в однокомнатной квар-

тире жила. Так вот я туда и переехал. Вообще-то я там с детства прописан был. Так, на всякий случай. И вот такой случай как раз настал. Согласитесь, что лучше в институт пешком со Смоленской ходить, чем по три часа в день из Лыткарино туда-обратно в общественном транспорте трястись. Да и вообще, Смоленка — район что надо, я вам скажу. Одно слово — центр столицы! Друзья ко мне стали приходить иногда, несколько раз компании студенческие собирались. Да вот только я не компанийский парень-то. Утомляюсь от общества быстро. С новыми людьми схожусь трудно. Мне еще в детстве мамка говорила: «Робкий ты у меня, Валера, какой-то, трудно тебе в жизни через это придется». Насчет того, чтобы мне трудно в жизни в целом приходилось — не знаю, а вот что касается противоположного пола, то, наверное, права мамка-

то была. Робею я при виде девчонок. Особенно, если кто понравится. Тогда вообще слова вымолвить не могу. Мне ребята советовали выпить, чтобы не робеть. Так я если выпью, дурной совсем становлюсь. Не контролирую себя совершенно. Такое могу вытворить, что на утро стыдно делается. По правде сказать, меня, когда выпью, в драку тянет. Ладно бы я физически сильный был. А так — позор один. В общем, несколько раз по морде получил я от однокурсников и решил не пить больше. Так и не пью с тех пор.

В общем за все студенческие годы только и была у меня одна девчонка, однокурсница моя. И та худющая такая, что вспомнить тошно. Я, по правде сказать, всегда на девчонок в теле заглядывался. Не поймите меня неправильно, не на жирных каких, нет. Но так чтобы кровь с молоком. И загары мне эти но-

вомодные ни к чему. О белой гладкой коже всегда мысли лелеял. Что там говорить? Древние толк получше нашего понимали. Одни только статуи их чего стоят. Или живопись взять для примера. Вон, какие тетки на картине этого Рубенса, или нет, как его там, Рембранта, изображены. Три грации называется. Богини! Правильно говорят — в здоровом теле здоровый дух. Так вот у меня как раз от таких дух и захватывает! Мои товарищи меня не понимают. Что с них возьмешь? Им худых подавай. А я так думаю, что это дань моде просто. А моду кто устанавливает? Педики разные. Они же на подиумах и во всех домах моды бал правят. А им, педикам, кого подавай? Мальчиков. Вот то-то и оно! Потому-то они и девочек, как мальчиков, себе в модели подбирают. Ну а все другие на них смотрят и говорят: «Вот как надо!». Ведь, что на по-

диуме, то гламурно, а что гламурно, значит, правильно. А мне весь этот гламур ни к чему, да и не по карману он мне, признаться. Я после института пошел в НИИ одно работать. Так вот, денег только на еду и на квартплату хватает. С такими доходами, что о тощих, что о толстых мечтать бесполезно. Только по-моему худые, они злющие такие все, а те, что в теле, те добрые и здоровые.

Но ведь какие бывают в жизни чудеса! Как-то летним вечером я, как всегда, телик смотрел. В воскресенье летом чем еще заняться? Тут мне приятель мой старый, со школы еще, звонит.

— Здорово, Валер! Чего делаешь? — спрашивает.

— Здорово. Ты, что ли, Серега? — обрадовался я. Мне, вообще-то, редко кто звонит. Мы с Серегой лет пять не виделись. А когда-то друзьями не раз-

лей вода были. Он после школы сразу в армию пошел. А потом как-то и не общались почти.

— Я, я, а кто ж еще! — отвечает. — Слушай, мы тут с Фёдькой двух телок на карьере зацепили. Пляж наш не забыл еще?

— Нет. Родные ведь места, — говорю.

— Так вот. Фёдку на пляже подруга его жены защучила, ну и настучала сразу же. Ему домой бежать сейчас надо. Жена ему уже звонила. Телки две, а я один, получается. У тебя же хата свободна? Ты один, я слышал, живешь?

— Один.

— Тогда мы к тебе сейчас двигаем. У меня три бутылки вина есть!

— Не знаю, неудобно как-то. Я ж их не знаю.

— Чего тебе неудобно? Сейчас узнаешь. Не виделись, к тому же, тысячу лет. А телки — просто кровь с молоком.

— Ну ладно, приезжайте, — согласился я.

Приехали они через два часа. Похоже, все уже навеселе были. Вино достали, и понеслось. А я от Ларисы — так одну из них звали — глаз отвести не могу. И Федька на нее запал. Федька парень хоть куда, кудрявый, здоровенный. Не сладить мне с ним, думаю. А потом вижу, Лариса со мной все рядом сидит. Я для храбрости тогда вина пару стаканов засадил. На этом мои воспоминания о том вечере и обрываются: как в пропасть какую провалился. Утром глаза открываю. Башка трещит, и что-то тяжелое на грудь давит. Опускаю взгляд — женская голова. Блондинка. Ба! Да это ж Лариса! Она тут на меня свои голубые глаза подняла и поцеловала прямо в губы. И опять мне показалось, что я в пропасть какую провалился. Только пропасть эта была словно медом намазана — так мне хорошо стало.

Когда я снова глаза открыл, Лариса на мне сидела. Ни дать, ни взять — Афродита, одна из граций тех. Потом она и говорит:

— Что же ты со своим другом драку затеял?

— Разве? — отвечаю. — По правде, я не помню.

— Так ничегошеньки и не помнишь?

— Есть у меня такая особенность. Как выпью, в драку лезу, а потом не помню ничего. Но ты не бойся. Я это о себе знаю и пью очень редко.

— Что же ты вчера тогда напился?

— Это я чтобы стеснительность преодолеть.

— А что тебя стесняло-то?

— Да уж больно ты мне понравилась.

— Понравилась, значит? — спрашивает. А глазами блестит, и голос божественный. Потом к зеркалу в чем мать

родила подходит, по бедрам себя, по груди поглаживает и говорит:

— А некоторые думают, что я толстовата.

— Ты Афродита.

— Кто?

— Грация, грация, — пролепетал я.

— Кто, кто?

— Богиня ты.

— Вот и я говорю: мужчины не собаки, на кости не бросаются, — сказала она и снова ко мне повернулась спокойно так, будто бы она одетая была. До работы я в тот день не доехал, в общем.

Когда ужинать сели, — а ужинать у меня остались, — выяснилось, что Лариса сама из Днепропетровска. В Лыткарино приехала к своим родственникам. Думает работу какую подыскать в Москве. В Днепропетровске с работой плохо дело обстоит, да и платят копей-

ки. А тут все же зацепиться как-то можно. Город-то большой.

Когда я Ларису провожать домой собрался, она сказала, что не надо, что ехать больно далеко. Я и согласился. Чего кататься туда обратно? Да и спать мне хотелось. Но на следующий день я первым делом ей позвонил. Поболтали немного о том, о сем и вечером опять встретиться договорились. Ночевать она у меня опять осталась. Ей же на работу все равно не надо. Я когда на работу уходил с утра, она спала еще. Целый день я в приподнятом настроении был. Еще бы! Первый раз у меня такое! Я ушел, а дома у меня телка осталась! Да еще какая телка! Афродита! Меня ждет!

А когда я после работы домой вернулся, то своим глазам не поверил. В квартире убрано, на столе все накрыто: шпроты, сосиски, картошка с зеленью, и бутылка пива стоит. Все как у людей, в

общем. Садимся, она себе и мне по стакану пива наливает. Я говорю:

— Спасибо, я обычно не пью.

— Ну как знаешь, — а я выпью.

Я ей даже доужинать не дал — в постель потащил. На утро я опять на работу, а она спать одна осталась. Днем она за кое-какими вещичками своими съездила. Вечером все опять повторилось. И как-то так само сложилось, что она у меня прижилась вроде. Незаметно это как-то вышло. И вот за ужином она мне как-то и говорит:

— Слушай, Валера, меня сегодня на улице остановили.

— Кто остановил? — спрашиваю.

— Милиция. Проверка документов. Так я еле отбрехала.

— Надо же, а меня никогда не останавливали.

— По мне видно, что я хохлушка.

— Как же это видно?

— У них глаз наметан, кого останавливать. Так вот, Валера, у меня прописки нет. Не сегодня, завтра в обезьянник посадить могут.

— Что за страна!

— Не могу я так больше, Валера.

— Да, дела... — говорю я и чешу затылок.

— Ты, Валера, затылок не чеши, а лучше помоги мне.

— А как же я тебе помогу-то?

— Пропиши меня к себе, и дело с концом.

А мне, неловко сказать будет, но Лариса эта к тому времени немного надоедать начала. Не созрел я видно еще для совместной жизни. А пропишешь ее, куда потом деваться?

— Нет, Лариса, не готов я еще для этого, — отвечаю ей прямо.

— Для чего? — спрашивает.

— Для семейной жизни.

— Ну что ты, Валера, разве я тебя неволю. Мне бы только прописаться для галочки. А то по улицам ходить страшно.

— Не могу я так, Лариса.

— То есть, как это не могу? Мы с тобой уж скоро как месяц живем, совместное хозяйство ведем! — повысила она голос, что никогда, между прочим, прежде не делала. Всегда тише воды, ниже травы была.

Я ей тут и сказал, чтобы она больше не кричала так, что я этого не люблю. Она в слезы. Тогда я ее обнять захотел, а она все плачет. Мне ее тоже жалко, конечно, стало, горемыку. Но прописывать ее в квартиру — это уж что-то чересчур будет. Надулась, она, конечно, но потом, к ночи, оттаяла. А на следующий день поехала к своим родственникам в Лыткарино зачем-то. Я еще подумал тогда: «Оно так и лучше будет».

Но через день после работы вечером возвращаюсь, глядь, Лариса мне дверь открывает. На столе накрыто все, но не так как всегда, а празднично. И бутылка сладкого шампанского стоит. Я ее увидел и даже обрадовался.

— Что отмечаем? — спрашиваю.

— А ты что ж не помнишь?

— Нет.

— Сегодня ровно месяц, как мы с тобой познакомились.

Сели мы за стол. Она мне шампанское по бокалам разливает. Я ей говорю, конечно, что не буду, мол. Что сама она помнит, чем такое заканчивается. Но Лариса ни в какую. Села мне на колени. Грудью прижалась, и шампанское словно само в меня влилось. А она не отстает, на брудершафт требует. Я еще и еще бокал выпил. Последнее, что помню, что на столе откуда-то бутылка водки появилась, хотя у меня водки отродясь

дома не было, и что кричала она на меня почему-то. А я страсть как не люблю, когда на меня голос поднимают.

Проснулся я от резкого света. Чувствую — бьют меня по зубам. Еле глаза продрал. Вижу, дома я. А надо мной каких-то два мордovorота склонились.

— Очухался? — спрашивают.

— Вы кто? — кричу.

— Конь в пальто, — один отвечает, а другой мне опять зуботычину дает.

— Вам что надо? — кричу.

— Это тебе что от нашей сестры надо, гад ты такой?

— Да вы что? От какой сестры? Перепутали, может, что?

— От какой сестры, говоришь, гад? Ларисою зовут. Не знаешь, что ли?

— Мне от нее ничего не надо!

— А чего же ты тогда так девку разукрасил? — с этими словами один верзил меня за волосы схватил, голову мою

приподнял, и я вижу Лариса сидит напротив. Под глазом синяк, губа разбита, на лбу тоже синяк.

— Видишь, гад, своих рук дело теперь!

— Не я это! — кричу.

— Не он! — смеются, — это ты в милиции рассказывать будешь. По статье у нас пойдешь. Лариса все запротоколировала уже как полагается в травмпункте. Осталось только в милицию сходить. Не бойсь, не на дураков напал.

— Мужики, может, вам денег? Берите все. Я спьяну действительно могу в драку полезть. Но это она меня сама споила!

— Ага! Споила она его! В милиции будешь об этом рассказывать! Мы свидетели. Ты что, не помнишь, как вместе за стол вчетвером садились?

— С кем за стол? Вы что гоните? Я вас впервые вижу!

— Во дает! Впервые видит он! Сестренку нашу разукрасил и думает, это ему с рук сойдет. Мы все свидетели, понял, гад!

— Ладно, ребята, давайте это как-нибудь уладим, — залепетал я.

— Уладим! Прописывай сестру нашу к себе и прощения проси у нее. Моли ее, чтобы она с тобой жить дальше согласилась. А не то выгонит тебя из дома.

Это из моего дома меня выгнать собираются, соображаю. Вон куда дело зашло! Ну уж дудки, ребята, думаю, я вам свою квартиру не отдам, не на того напали. Так им и сказал. А они мне объяснили, что тогда сейчас в милицию идут, где у них все схвачено, а факты на лицо. И меня в тюрягу закроют, в общем.

Но вы же знаете, я парень упорный всегда был. Что решу, не отступа-

юсь после. А что до тюрьмы? Что ж, в тюрьме тоже люди живут, теперь я это точно знаю. Ну да ладно, заболтался я что-то, на ужин бежать пора. А мне, между прочим, за хорошее поведение, год скостили уже. И квартира при мне осталась.

Июнь 2010

Игра

Что ни говори, а из всех игр World War Craft, то есть ВОВ, самая четкая. Все другие — разные там хав лайфы, кол оф дьюти — просто отдыхают. Даже «стратегия» не тянет. Первый раз я увидел, как в нее мой одноклассник Мишка Федотов режется, месяца два назад. Я сразу понял — четкая игра, просто руки все не доходили купить. Да и в «стратегии» кое-что закончить надо было. Я, признаться, люблю все до конца доводить. Так вот, сегодня, наконец, я оторвался от «стратегии», дошел до компьютерного магазина и купил сразу три диска ВОВа. Первый диск, говорят, чтобы до шестидесятого уровня прокачаться, второй и третий —

до семидесятого и восьмидесятого. Но я сразу купил. Чего ждать-то? Дело серьезное. Да и стоит всего-то две тысячи рублей — подумаешь, мне родки в день по семьсот дают. А поддержание игры, Федотов сказал, тоже копейки — по семьсот рублей каждые два месяца плати и забот не знай.

Домой пришел, сразу включил компьютер. Тут Танька из параллельного класса позвонила, хотела на дискотеку меня вечером вытянуть. Отвлекает от дела только! Диск вставил — дальше техника! Вывелась иконка, через которую заходишь в игру. Потом — на сайт компании, которая ее выпустила: Близард, что-ли. С помощью кода из диска регистрируешься на сайте и заходишь в игровой мир. На заставке видишь поля, куда вводишь пароль. Открываются серверы. Выбираешь, что тебе ближе.

Я долго думал и выбрал расу дворфов — это такие низенькие крепкие бородатые мужички — жители гор. Ну есть там еще эльфы, тролли, орки, миотавры и так далее. Но мне как-то больше дворфы понравились. Потом с классом определиться надо было. Я класс жреца себе взял. Он использует светлую силу, чтобы излечивать союзников.

Тут батя пришел с работы, увидел, что у меня игра открыта — а я совсем увлекся, не успел окно закрыть вовремя. Он орать стал, чтоб я уроки делал. Последний класс, в институт поступать и все такое.

— Я уроки уже сделал, — говорю.

Он только больше рассердился и говорит:

— Раз ты сделал, то покажи, чего ты сделал.

Я ему, естественно, отвечаю, что нам на завтра только историю устно задавали.

Он не верит, естественно, и говорит:
— Дневник покажи, посмотрим, какие завтра у тебя уроки. Дурак бы я был, если бы дневник родакам показывал!

— У нас, — говорю, — дневники на проверку собрали, послезавтра отдадут.

До послезавтра все равно все забудется. К тому же он работает допоздна. Сегодня только что-то рано приперся и как назло меня за игрой увидел.

— Сколько, — говорит он, — играть можно. Тебя же из школы исключат!

— За два банана? — отвечаю. — У Мишки Федотова целых три в прошлую четверть вывели и ничего, учился. Да и вообще, пап, я же только сел играть.

— Мама сказала, что ты днем тоже играл. Целыми днями играешь. Когда заниматься будешь? Завтра чтобы после

школы сразу домой, заниматься. Вечером у тебя бадминтон.

Черт, вот засада! Надо было в компах¹ висеть, а я дурак домой приперся.

Из-за этого пришлось мне закрывать игру и открывать учебник по истории. Там, естественно, ничего интересного. Прочел один раз — вроде запомнил и стал спать ложиться.

На следующий день по истории трояк получил. Что ей не понравилось? Я же все рассказал! Но плохо то, что по математике банан вкатили. Я думал — пронесет. Бог с ним. С кем не бывает! Не повезло просто. В первом меде математика все равно не нужна будет. А после школы я сразу домой за уроки, как родокам обещал. Завтра химия и биология — это мне в институте пригодится. Быстро сделаю, а потом на бадминтон.

¹ Компаы – компьютерный клуб.

Только за стол сел, думаю: «На пару минут зайду на сайт. Только на пару минут. Никуда эта химия не убежит. А биологию вообще на перемене прочитать можно, она же третьим уроком идет. Перемена перед ней большая будет». Появился я в стране дворфов — ух ты! Это такая заснеженная горная страна. Деревня — четыре маленьких домика, и, естественно, несколько дворфов между ними стоят, как будто меня ждут специально. Я к ним подваливаю. Они мне тут первое задание и дали — пойти в соседнюю пещеру и убить пару злых монстров, троллей то есть, которые терроризируют нашу деревню. Пещера оказалась недалеко. Я туда за пять минут добрался. Пещера — мрачное место, где ходит всякая нечисть, то есть тролли — ушастые уродливые создания, с торчащими клыками, сторбленные. Кожа у них то ли зеленая, то ли

голубая — не поймешь. Их я и замочил — как и сказал мне дворф. А было это так. Подошел к монстру и ужасно закричал — троллей обьял дикий страх, и они побежали. Но, естественно, этот страх у них непродолжителен. Три-четыре секунды, не больше, у меня было. За это время я успел наложить на них заклинание. Это священный огонь такой — тролли начали гореть, но все же устремились на меня. В этот критический момент раздался чей-то голос: «Ты на бадминтон не ходил, что ли?» Я оторвал голову от экрана. За окном было уже темно. Я обернулся. Передо мной стояла мама. Черт! Как же я забыл про бадминтон?! Совсем выпало из головы!

— Слушай, мам, меня стошнило после школы, поэтому я решил на бадминтон не ходить!

— То-то я смотрю, ты бледный какой, — забеспокоилась мама.

— Вот, сижу, уроки делаю, — я успел закрыть окно, когда на звук ее голоса поворачивался, а она из-за моей головы, естественно, не успела разглядеть, что на мониторе происходит.

— Ну ладно, занимайся, я тебе мешать не буду, — сказала она и закрыла дверь ко мне в комнату.

Тогда я еще раз наложил на этих уродов заклинания, и они сгорели дотла живьем. Потом я убил таким же образом еще двух троллей этой пещеры и продвинулся еще глубже в лабиринт. Потом... — «Пора ужинать!» — черт, это мама кричит. Вот некстати... Делать нечего. Я встал и пошел, потом повернул за угол и увидел самого большого тролля. Он был силен! Он был ужасен!

«Он что, не ходил на бадминтон?» «Он заболел, его тошнило!» «Симулирует опять, почему ты этому веришь! Уроки он, надеюсь, сделал, или, как обычно,

все играет. Был ребенок, как ребенок, а теперь что?» «Он занимается, не мешай ему!» — издали раздавались голоса родков. Чтобы убить последнего тролля надо было очень много сил, мое заклинание не подействовало, он успел подбежать и нанести мне несколько ударов, один из которых оказался смертельным. Тут открылась дверь:

— Опять в игры играешь? — спросил отец недовольно.

— Занимаюсь, па, не видишь, что ли?

— Ну ладно, завтра дневник не забудь принести. А сейчас — марш спать. Одинадцатый час уже. Завтра тебе после школы сразу к репетитору по химии ехать.

Черт! Как же я не заметил, как время пролетело. Не успел химию ни в школу, ни к репетитору сделать. Ладно, пронесет.

После школы я сразу в компы ломанулся, прямо около школы — удобно. Банан по биологии, а по химии три —

не зря с репетитором все же занимаюсь. К тому же мне нравятся разные там трансформации одного вещества в другое. Мой дух появился на ближайшем кладбище и устремился к своему телу в пещере. Тут появилась Танька — все на дискотеку ей хочется! Я ей посоветовал к Саньке с этими глупостями обратиться. Пока находишься в мире приведенный, можно быть спокойным — никто урон нанести тебе не может, правда, как и ты другим. А вот если возродился, то теперь держись. Возродился я в той же пещере, где меня замочило это чудище. Схорониться от этих уродов пришлось, пока не поел и не попил — все в той же пещере, главное только, чтобы тролли не видели. Но они не заметили меня. А уж потом, накопив манну, я смог, наконец, одолеть монстра. И тут раздался какой-то звонок. Я снял трубу.

— Ты где? — послышался голос мамы.

— Я в пещере..., то есть в метро — еду к репетитору, — поправился я.

— Ты уже пять минут как должен там быть.

— Скоро буду, уже из метро выхожу, — сказал я и побежал к метро.

Дело было сделано — монстра я одолел. Одолел и взял с него трофей — медальон — доказательство того, что именно я его убил. На следующий день я пошел к дворфу, который давал задание, и, показав ему медальон, получил за выполнение задания 250 единиц опыта. До достижения второго уровня мне осталось получить 750 единиц, то есть три задания. К тому же мне дали новый меч. Он большего размера и сильнее бьет.

Потом я получил новое задание дворфа — сходить в другой город — купить составляющие части зелья. Город двор-

фов располагался в горе — это такое большое количество связанных пещер. Там я встретил много других дворфов, эльфов — это такие худые люди с длинными заостренными ушами, гномов — это маленькие люди, как дети. В городе можно взять себе профессию. Я взял кожевничество, чтобы можно было сдирать шкуру с монстров и делать из нее броню, которую продавать другим своим, ну там эльфам, гномам за деньги. Вернулся в деревушку, подошел к дворфу и в обмен на ингредиенты получил золото — 2 золотых и 100 единиц опыта.

— Почему ты опять играешь в эту чертову игру вместо того, чтобы заниматься? — я и не заметил, как в комнату вошел отец. — Тебе же в институт поступать через полгода, а ты не знаешь ничего.

— Почему я ничего не знаю?

— Потому что не занимаешься.

— Я занимаюсь, па.

— Нет, не занимаешься, я же вижу.

«Чего он видит? Все так. У некоторых похуже успеваемость, чем у меня будет. И как это я, интересно, не поступлю в институт. А что же я буду еще делать?» — подумал я и сказал:

— Я только сел играть, а до этого занимался все время.

— Хватит демагогию разводить. Пошел к репетитору быстро — опять опоздаешь!

К репетитору я опоздал совсем чуть-чуть. Вечером после репетитора я заскочил в компы. Там Мишка Федотов сидел.

— Здорово, Паша! Как дела? — спросил он.

— Нормально, только родаки пилят, — ответил я.

— А чего они тебя пилят-то?

— Говорят, в институт не поступлю.

— Чегооооо? — не отрываясь от экрана, спросил Мишка. — Это, то есть, как не поступишь? У тебя отец на черном мерине с водилой ездит, а ты в институт не поступишь? Неее, братан, такого не бывает.

— Мне домой бежать надо, я родакам обещал.

— Не бери в голову, я тоже обещал. Садись, опоздаешь на десять минут — что тут такого?

«Действительно, десять минут ничего не решают», — подумал я. Тут мне как раз дали еще одно задание — сходить в соседний замок, где обитает злой лорд, которого надо убить, потому что он держит в плену дочь дворфа, того самого, который и это дал задание. Но убить лорда оказалось слишком сложным для одного дворфа, и поэтому я запросил помощь в чате. Мишка Федотов к тому времени уже ушел домой спать, так бы

он помог, конечно. Откликнулся Васька Кузьмин, с соседней улицы — он танком заделался. Вообще-то он эльф, но тоже из наших. У танков тяжелая броня и большое количество здоровья. Он сконцентрировал на себе всю ярость лорда и отвлекал его внимание. Еще откликнулся Ваня Борисов из параллельного класса. Он гном. Он наносил лорду наибольший урон — ударами мечом с разворота, а потом ударил его несколько раз отравленным ножом. Я же, как мне и полагается, стоял поодаль и лечил своих друзей — восстанавливал им здоровье заклинаниями. У лорда здоровье убывало на глазах, потом он умер. Каждый получил по 200 очков опыта, у лорда в кармане нашли ключ от клетки дочери дворфа, ее отпустили. Пришли назад и за выполнение задания получили по 500 единиц опыта. Я перешел на второй уровень! Теперь у меня появилась способ-

ность заклинания, постоянно восстанавливающего здоровье соратников. Я стал более сильным — броня увеличилась с 10 до 15 единиц. Вперед, к новым уровням. Я шел домой с чувством выполненного долга. Но так много еще надо сделать! Каждый уровень будет даваться все сложнее и сложнее. На 3-й уровень нужно набить уже тысячу пятьсот очков, а не тысячу. А всего их, уровней, восемьдесят — полтора миллиона очков опыта. Отец дома орал жутко, почему я ночью домой прихожу. Привязался потом еще, что глаза у меня дурные стали. Нормальные у меня глаза, я в зеркало смотрел. На следующий день отец меня до дверей школы на машине довез, чтобы я в компы вместо школы не завалился. Я что бесконтрольный, что ли какой? А так прикольно, на черном мерине к дверям школы... Потом я много качался. А после десятого уровня, когда я вы-

полнил все задания дворфов, наступил апрель. Тогда я оставил их заснеженную страну и пошел на другие территории. Я отправился на юг, в джунгли. Там я в первый раз увидел гоблинов. Они не принадлежат ни к одной из враждующих фракций, а живут сами по себе — это такие маленькие зеленые человечки с длинными носами и хитрыми улыбками. Потом открылась дверь, и отец раздраженно потребовал, чтобы я ложился спать. На следующий день я получил трояк по литературе, что вполне терпимо, банан по физкультуре — кому она нужна, не понимаю, и еще я получил следующее задание — поплавать в речке и убить огромного крокодила. Я повесил на крокодила заклинание, которое каждые три секунды снимает часть его жизни, потом запустил в него огненный шар. Он меня атаковал, но, несмотря на его

атаку, я создал вокруг себя пузырь и добил его огненными шарами. Потом я содрал с него шкуру и сделал броню. Взял клык — доказательство — и принес гоблину, получил от него щит и получил сразу столько опыта, что смог перейти на одиннадцатый уровень! Опыта у меня теперь накопилось аж на пятнадцать тысяч! Естественно, я пришел домой из компов в приподнятом настроении, а мама спросила у меня, почему у меня такие странные глаза и бледный вид. Искусство требует жертв, ма! Теперь я на одиннадцатом уровне. Так то! Но ей об этом, естественно, не расскажешь. Зачем создавать себе трудности в жизни? Я вообще не люблю осложнять себе жизнь. Идти напролом — это не для меня. Только врагов себе наживать. Есть же поговорка: «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Поэтому я ска-

зал ей, что простыл немного, оттого и глаза красные, и бледный вид. А вид у меня никакой не бледный. Я специально в зеркале себя вчера с Кузьминым и с Борисовым сравнивал. Я уж о Федотове не говорю. Нормальный я, не бледный никакой. Это она специально так говорит, чтобы меня от компов отвадить.

А первого мая гоблин поручил мне идти к соседнему заливу, опуститься на его дно и взять сундук, который там обронил другой гоблин. В воде находились акулы. Я атаковал их при помощи огненного шара. Двоих замочил, а третья на меня набросилась. Я как обычно навешал на себя пузырь, но чувствую, пузыря не достаточно будет. Слава богу, у меня уже щит был! Я им прикрывлся. А потом акулу сам замочил. Получил 150 единиц опыта. Кончились майские праздники, родаки насели на

меня по страшному, чтоб я к экзаменам готовился. Каждый шаг контролировали. А в конце мая я получил задание сходить в поселение пиратов, которые воевали с гоблинами. Из списка друзей пригласил того, кто был он-лайн в этот момент, а также из чата взял одного шведа-лучника. Хорошая команда получилась — втроем мы их всех и замочили. Это было завершением всех заданий в джунглях. Я получил 20-й уровень и отправился в дремучий лес, где были фавны и сатиры. А через несколько дней я отправился на другой континент. У меня уже был двадцать пятый уровень! Там шла битва между альянсом — это наши, и ордой — это разные тролли, орки, минотавры и прочая нечисть, а также нежить — это почти разложившиеся трупы людей. Пришлось мне идти на поле битвы. Помогал своим союзникам — дворфам, эльфам и

гномам — захватить вражеские шахты. Шахты захватили, получили много очков доблести.

Я, естественно, не забывал готовиться к поступлению в институт. Ездил к репетиторам. Кроме того, в июне начались выпускные экзамены в школе. Надо сказать, что боевые действия не произвели на меня особенного впечатления, и я продолжал качаться в разных локациях, то есть ходил по разным континентам. Сдал без двоек ЕГЭ², потом я исследовал подземелья, захватывал замки и убивал разных монстров. Родаки контроль в июле тотальный учинили — из дома ни шагу — заниматься заставляли. Потом, как и говорил Мишка Федотов, я поступил в первый мед. И сразу же добился восьмидесятого уровня! Тут-то мне открылось множество

² ЕГЭ – единые государственные экзамены.

новых возможностей.

Теперь я мог заниматься новыми профессиями — ювелирное дело или же зачарование доспехов и оружия.

Остаток лета отец заставлял меня заниматься бадминтоном.

Дался ему этот бадминтон! В последнюю неделю августа родяки заставили тащиться с ними Грецию. Будто я там чего не видел?! Ездили уже тысячу раз. В это время ребята без меня прокачивались, опыта набирались, а я торчал, как дурак, на пляже, косил от виндсерфинга, с которым батя ко мне как банный лист пристал. Настала осень, подземелья существенно усложнились, теперь было необходимо не пять, а двадцать пять человек для их прохождения. Убивать монстров стало возможным только придерживаясь определенных стратегий. Группы образуют гильдии. Как-то раз, — кажется,

это было, когда выпал первый снег,— я тусовался в городе и увидел человека с легендарными доспехами. Я спросил его, где он их раздобыл. Он ответил, что каждую неделю ходит со своей гильдией в «Черный храм».

— Это же самое сложное подземелье! — воскликнул я. Потом я поинтересовался у него, что нужно, чтобы вступить в гильдию и ходить с ними. Он ответил, что для этого, прежде всего, нужен определенный уровень экипировки — без него просто не войдешь в подземелье. В это время подошли результаты аттестации. Они были неважными. Четыре двойки, остальные тройки. Родаки сильно расстроились. Батя что-то кричал, говорил, что не все в его власти и еще нес какой-то бред о том, что мне вот-вот должно исполниться восемнадцать лет, и я могу прямиком отправиться в армию. Он даже предложил

мне не медлить и уже сейчас начать готовиться к ней физически и морально. Слава богу, я был уже готов — у меня уже был накоплен тот необходимый уровень экипировки, без которого не войти в подземелье. Тогда он, человек с легендарными доспехами, мне сказал, что меня возьмут для начала в побочный состав, чтобы проверить насколько хорошо я играю. А батя продолжал вопить, почему я все туплю и туплю, и что скоро я вылетчу из института. В побочном составе я сходил в первый рейд. Оказалось, что я совсем даже не туплю — вовремя и грамотно всех лечу. И меня перевели в основной состав. А тут уже все по серьезному стало — чтобы не вылететь из гильдии, каждую неделю нужно определенное количество часов ходить в подземелье вместе со всеми. Каждые два дня собирается рейд в подземелье. Все строго, в шесть часов вечера все должны

быть на местах. Заход продолжается около пяти часов — это если повезет, а если нет, если нас поубивали, то все восемь. Но какие доспехи и оружие получаешь с поверженных монстров, я вам скажу! Лучшие в игре! Хорошо, что в институте редко проверки устраивают. По хорошему на лекции можно совсем не ходить. На них ходить — только время терять. В учебнике и так все прочитаешь потом, перед экзаменом. А семинары... если не подготовился, то тоже лучше не появляться. Зачем преподавателей против себя настраивать? Старшекурсники говорят, что студент только в сессию учится. А так в институте можно совсем не появляться.

Десять дней назад началась сессия. Я что-то не совсем понимаю, но, похоже, меня не допускают до экзаменов. Обалдели они, что ли, там? И все из-за какой-то ерунды. Я так и сказал родакам, что

это просто недоразумение. Ну, не сдал я зачеты, что ж теперь из-за этого не допускать человека до экзаменов — это же просто неестественно. Отец, вроде, куда-то ездил, кому-то звонил. Сказал, что у меня остался последний шанс, что если я пересдам завтра хотя бы один зачет — по химии, что ли? — то меня допустят к сессии. Завтра нужно будет сходить пересдать зачет — делов-то! Сегодня предстоит трудная ночь! Но, естественно, я все успею. К тому же химию я более-менее знаю. А в шесть мы начинаем мочить дракона Иллидана! Это огромный эльф, превратившийся в монстра, с кожистыми когтями и рогами. До этого на него ходили десять раз, но ничего так и не вышло. Я уверен, до одиннадцати мы его сегодня замочим, а потом вся ночь впереди — успею все выучить. Я уверен, в этот раз мы выбрали правильную стратегию. И вот ре-

шающая битва началась. Он каждые две минуты взлетает и палит огнем. Все разбегаются — не убежишь — прикончит. Когда он опускается на землю — танк должен завести его в угол, чтобы дракон не мог оттуда наших достать. Но он угол разрушает и добирается до остальных. Поэтому каждые тридцать секунд нужно водить его из угла в угол. Остальные участники нашей гильдии сдерживают натиск других монстров, которые пытаются придти на помощь этому дракону. Если они прорвут оборону, то всех убьют. Но черт возьми! Что это? Они прорвали нашу оборону! Они нас всех поубивали. Неужели наша стратегия не верна? Нет, нас так просто не одолеть, мы не сдадимся. И вот наши души снова бегут с кладбища в пещеру, и снова на поле боя выходит мощный танк. Черт! У нас опять ничего сегодня не получилось! Он за-

мочил всех! Придется завтра опять собираться с новыми силами. Слипаются глаза. Ну ничего, завтра мы его точно одолеем! А сейчас — три часа ночи — срочно спать. Завтра с утра пораньше встану, освежу материал по химии. Зачет, кажется, в одиннадцать — будет еще время.

Не понимаю, как я мог перепутать время зачета? Но нельзя же человека из-за того, что он просто перепутал, из института исключать? Ладно, пересдам потом как-нибудь. А сегодня в шесть встречаемся снова мочить Иллидана! Сегодня наша точно возьмет.

Апрель 2010

Нечисть

*«... есть вещи, которые нам
не суждено понять.*

*Но главное — не надо пытаться
это сделать»¹*

Зовут меня Ирина. Фамилия моя Скобликова. Я родилась в 1970 году под Киевом. Сколько я себя помню, все меня считали очень любознательным ребенком.

По правде сказать, взрослые говорили, что я любопытная. Дома у нас всегда было полно гостей. А я очень любила тихонько устроиться рядом со взрослыми, так чтобы меня не было заметно, и подслушивать их серьезные разговоры. А потом, когда что-то мне казалось непонятным, — что вполне естественно,

я же была еще маленькая, — я вдруг, к удивлению, взрослых возьму да задам вопрос. Я, конечно, уже тогда понимала, что лучше бы мне промолчать, но уж больно интересно было мне разобраться во взрослых историях, во всех перипетиях их далекой интересной жизни — не могла себя сдержать. Многие из взрослых от неожиданности сердились и говорили, что нехорошо подслушивать чужие разговоры. А отец всегда на это смеялся и шутил: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Мне всегда было это очень обидно слушать. Что, спрашивается, плохого в том, что ребенок много чем интересуется? Почему сразу «любопытная»? Вообще-то я отца всегда очень любила. Я его и сейчас люблю. Только он теперь стал совсем старенький и худенький, мой отец. Ему уже под восемьдесят ведь. А тогда он мне казался великаном. С роскош-

¹ Из фильма «Цареубийца», режиссер К. Шахназаров.

ными черными усами, густыми бровями. На колени посадит меня и давай щекотать, а сам смеется. И от раскати-стого смеха его все гости, сидящие за столом, смеяться тоже начинали. И тут уж все забывали, что я взрослый разговор подслушала.

Мама моя была под стать отцу — красавица. Она работала на швейной фабрике учетчицей. А отец там же мастером цеха был. Без малого пятнадцать лет в этой должности проработал. А начинал он чернорабочим. Потом выучился заочно, и по службе его продвинули. Квартира у нас отдельная была. Две комнаты. Сейчас ерундой, конечно, кажется, а раньше... Светлая такая квартира. Мама чистоту и порядок любила. По субботам генеральную уборку всегда делала, а я ей помогала. Радостно мне всегда дома было. Они с папой вместе в той самой квартире до сих пор живут.

Училась я всегда хорошо. Все предметы мне легко давались, особенно точные науки. Видя мои способности, отец, когда время подошло, сказал мне: «Ты дочка в инженеры иди. Инженеры всегда нужны будут». Почему он так считал, не знаю. Ведь уже в те годы у инженеров зарплаты совсем небольшие были. Так или иначе, я его послушалась и отправилась поступать в институт на инженера. Да не в простой, а в лучший в стране — в Бауманский. Приехала Москву и, надо же, сразу и поступила! Учиться, конечно, тяжеловато было. Особенно на первом курсе — чуть было не отчислили меня на первой сессии. Потом втянулась и полегче стало. Но все равно сложно. Жила я в общежитии. Денег не хватало, конечно. Родители, слава богу, помогали, чем могли. Когда закончила, пошла инженером в НИИ. Зарплата копеечная. Квартиру

снимать приходилось. Если бы не родители, то не протянула бы. Трудное время очень было. Я даже к цыганке однажды сходила, чтобы она мне погадала, как там у меня в жизни дальше складываться будет. Цыганка мне по руке гадала и сказала, что все у меня со временем наладится. А еще сказала, что я чувствительная очень, и что мне видеть дано больше других. И что мне осторожней надо быть, не то через это я могу себе всю жизнь поломать. Я ее тогда спросила, как это я могу видеть больше, чем другие. А она мне на это крикнула, чтобы я нос свой куда не надо не совала, схватила мои деньги и ушла. Мне тогда еще на ум пришло, как отец в детстве говорил: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». Но потом я забыла про цыганку эту и про то, что она мне там наговорила. А недавно мне ее опять вспомнить довелось и все-

все-все, что она мне наговорила тогда тоже. Ведь сбылось это! Но об этом я чуть позже расскажу.

Года три я в НИИ помыкалась и поняла, что не смогу у кульмана всю свою жизнь простоять. Я всегда непоседливая была. Пошла в бухгалтеры — тогда бухгалтеры везде требовались, да и зарплата там была поприличнее. Пошла я в заочный экономический институт, а днем параллельно младшим бухгалтером в одном банке работала. Там я со своим мужем, Славкой, и познакомилась. Года не прошло, он мне предложение сделал. Я согласилась. Хороший он парень, Славка мой. Сильный, большой, с усами и брови черные. Сам он из Таганрога. Через год мы кредит взяли и квартиру себе маленькую у кольцевой дороги купили. Я к тому времени заочку свою окончила. Потом забеременела, и скоро Сашка у нас родился. Я дома

посидела годик и на работу в бухгалтерию опять вышла. Что в четырех стенах сидеть! Все, казалось, хорошо было, но только опять чувствую не мое это, не смогу я на одном стуле в бухгалтерии остаток жизни своей просидеть. Я всегда непоседливая была. Да и чужие указания каждый день исполнять скучно стало. Неинтересно мне одни и те же проводки всю жизнь делать. Тогда я мозгами пораскинула и решила в риэлторы податься. И вот уже как три года я в ведущем агентстве страны работаю. Мне нравится. С разными людьми постоянно встречаешься, сама все время в движении. Если работаешь хорошо, то тебе доверяют и полномочия предоставляют соответствующие. Сама можешь решить, какую квартиру выкупить стоит. На свой страх и риск! Но и прибыль, соответственно, получить немалую можешь. Я когда со своими под-

ругами с прежней работы разговариваю, так они не верят, что мне лимит покупки в круглую сумму установили, и что я в этих рамках могу самостоятельно решать, какую квартиру покупать. Деньги мне, правда, под высокий процент дают, но и прибылью пополам делятся, за минусом процентов, конечно! Да и что им беспокоиться, на растущем-то рынке? Квартира, все равно, на агентство оформлена. У Славки тоже по работе все пучком складывается. Славка мой мужик домовитый, он все в дом. И на сторону не смотрит, не то, что некоторые ходоки. Год назад машину купили. Сашка скоро в школу идти собирается. И все-то хорошо у меня было. Только полгода назад один случай произошел со мной. Сейчас расскажу.

Пришла я в офис как всегда к девяти, помню еще дождь как из ведра лил. Сделала себе чай и начала базу просматривать. Тут телефонный звонок разда-

ется, я снимаю трубку. Телефонистка меня спрашивает:

— Какая-то женщина хочет двушку на метро «Профсоюзная» продать. Ирина, будешь говорить?

— Конечно, — отвечаю.

Я от дела никогда не отказываюсь, особенно, когда само в руки плывет. В коллективе у меня отношения всегда хорошие были, поэтому если какой клиент появляется — мне вперед других предлагают.

Соединяют меня. Я помню, у женщины на другом конце провода был какой-то глуховатый и нервный голос, будто бы она боялась чего-то, но всячески пыталась это скрыть.

— Алло, алло! Как Вас зовут? — начала она и, не дожидаясь ответа, продолжила.

— Я хочу продать двухкомнатную квартиру, только быстро. Вы сможете это сделать?

— Конечно, сможем. Как Вас зовут? — отвечала я.

— Зоя Сергеевна. Так как быстро я смогу получить деньги?

— Очень приятно, Зоя Сергеевна, меня зовут Ирина. Где находится...

— Ирина, как быстро я смогу получить деньги? Я имею в виду продать квартиру? — перебила она меня.

— Где находится Ваша квартира? Какой точный адрес? Сколько метров квадратных?

Она сообщила, сколько метров квартира и назвала ее адрес. А я быстро набрала его в поисковике. Это же в минуте от метро. Сталинка. Все путем, значит.

— В каком состоянии квартира? — спросила я.

— В нормальном. Обычный ремонт, делали лет пять-семь назад.

— В каком состоянии подъезд?

— Обычный подъезд, как у всех сталинок, не лучше и не хуже.

— Вы завтра сможете мне квартиру показать?

— Девушка, а можно сегодня? Понимаете, мне нужно скоро уехать, но я не могу оставить сделку незавершенной. Прошу Вас.

Что-то жалобное послышалось в ее голосе. «Кажется, может получиться хорошая сделка, раз она так спешит!» — пронеслось у меня в голове, и я осторожно задала встречный вопрос:

— А за сколько хотели бы ее продать?

— Видите ли, я плохо разбираюсь в этом, но очень спешу: я за границу уезжаю срочно, — проговорила она своим глухим голосом. — Милочка, я готова уступить ее Вам за ... — и она назвала цифру.

На треть ниже рынка! И это при растущих ценах! Мне почему-то сразу

представился новенький автомобиль. И мне также потребовалось самообладание, чтобы не закричать в трубку, а произнести спокойным голосом:

— Я посмотрела свой график и теперь вижу, что смогу освободить для Вас время. Через два часа я готова быть по указанному Вами адресу.

— Хорошо милочка, жду Вас. Запишите мой мобильный.

Стоит ли говорить, что мне не составило труда убедить руководство выделить мне деньги на эту сделку, несмотря на то, что на мне уже висела в тот момент еще одна квартира.

Заместитель финансового директора, когда я обрисовала ему объект, только хмыкнул:

— Ты же знаешь, две квартиры — это против наших правил, но при такой цене... — и он развел руками, — не могу отказать. Однако и процент за

кредит будет на пять пунктов выше. Везет тебе.

Я естественно согласилась. Дождь не переставал лить ни на минуту. А когда я добралась, наконец, по указанному адресу, то в довершение разыгралась нешуточная гроза. На улице в такое ненастье никого не было. Только вижу: перед подъездом стоит какая-то женщина. Козырек у подъезда маленький, и дождем ей все ноги промочило, а она стоит и нервно сигарету курит.

— Вы Ирина? — спросила женщина.

— Да. А Вы Зоя Сергеевна? Хозяйка квартиры?

— Да, сейчас докурю сигарету, и пойдем.

А дождь как из ведра все льет! Мои ноги тоже промокли.

— Давайте пройдем в подъезд, — предложила я.

— Проходите, а я сейчас. Даже знаете что? Вот Вам ключи. Мне должны сейчас позвонить, а в подъезде плохой сигнал. Вы идите, а я Вас догоню, милочка. Это на четвертом этаже, — и она сказала номер квартиры. А потом, видя мою нерешительность, добавила:

— В сущности, я Вам ведь не нужна, не правда ли?

Неприметная женщина лет пятидесяти. Если бы не ее какой-то затравленный взгляд и нервная манера курить, она бы ничем не отличалась от миллионов других.

Я пожалала плечами и устремилась в подъезд. В конце концов, разные клиенты встречаются. Ладно, пусть догоняет. Зачем терять время, стоя под дождем?

Подъезд был ничем не примечательный. Я поднялась на лифте на четвертой этаж и подошла к нужной мне квартире. Когда я вставила ключ в за-

мочную скважину, — теперь, по прошествии времени, я это отчетливо помню, я вообще теперь припоминаю многое из того, на что тогда внимания не обращала, — я почувствовала неприятный холодок под ложечкой. Недолго повозившись с замком, я открыла дверь и ступила в квартиру. И снова я ощутила какой-то холод, только теперь уже всем телом, как будто я оказалась в деревенском подполе. На мгновение память вернула меня в далекое детство, где летом у бабушки в деревне я как-то забралась в подпол. Крышка погреба случайно захлопнулась над моей головой, лампочка, видимо, от падения крышки погасла. Меня обступила темнота и какой-то вязкий запах земли. Липкий страх охватил меня, шестилетнего ребенка. Я закричала, и тут же отец пришел мне на помощь, открыл крышку и вытащил меня на свет божий. Так вот,

эти забытые ощущения запаха земли и липкого страха неожиданно охватили меня, взрослую, сильную и уверенную в себе женщину. Я потрясла головой и хотела уже закрыть за собой входную дверь, но необъяснимый страх помешал мне это сделать. Я зажгла свет и быстро прошлась по комнатам и кухне. Если бы не сильный неприятный запах, то это была бы обычная квартира, каких тысячи. Среднее состояние. Обои какого-то земельного цвета. Неважная мебель, но так живут миллионы. Телевизор, совмещенный санузел. Я открыла балконную дверь, сделала шаг, взялась за перила и сразу же отпрянула всем телом назад. Мне показалось, что перила под воздействием давления моих рук поехали вниз, увлекая меня за собой. Дождь к тому времени прекратился, и на улице стало прохладно, однако я непроизвольно вытерла пот со лба.

«Надо меньше работать, — подумала я, — это, видимо, из-за переутомления. Работаю я действительно много».

Я закрыла квартиру и спустилась вниз. Зоя Сергеевна ждала меня на том же месте у подъезда и продолжала курить.

— Ну что, милочка, покупаете эту квартиру?

— Конечно, это же наша работа, — отвечала ей я.

— Когда мы сможем рассчитаться?

— За эту цену, я думаю, послезавтра, если Вы так торопитесь. Осталось только документы о собственности проверить и подписать договор.

— У меня все документы с собой, — сказала Зоя Сергеевна.

— Очень хорошо. Давайте их. К завтрашнему дню наши юристы все проверят и подготовят договор купли-продажи.

На этом мы с ней расстались.

«Только бы документы оказались в порядке», — думала я по дороге в офис. Уже вечером того же дня я нашла первого потенциального покупателя на квартиру! А на следующий день юристы подтвердили мне, что с документами все в порядке. Мы подписали купчую, и Зоя Сергеевна навсегда исчезла из моей жизни.

Через день я договорилась встретиться с покупателем. Просмотр назначили на следующий день вечером. Я прождала его больше полутора часов. Он торчал в пробке. А больше я ждать не могла: у меня была следующая встреча, на которую я безбожно опоздала, и клиент ушел. На самом деле, это был первый случай в моей жизни, когда клиент ушел из-за моего опоздания. И первый раз, когда на меня жаловался клиент,

а именно так он и сделал: позвонил в агентство и пожаловался на меня начальству.

На следующий день я позвонила покупателю, который застрял в пробке, но у него был отключен мобильный. Я дозвонилась до него только на третий день. Но он, к моему удивлению, сообщил, что уже подыскал себе квартиру и даже внес залог. Мне оставалось только пожать плечами. Как это люди могут отказываться от выгодной сделки? Я же для ускорения процесса сбросила целых пять процентов! Через неделю нарисовался новый покупатель. Я приехала чуть раньше. Когда я подходила к дому, вечерело. Я подняла голову и с удивлением различила какой-то тусклый свет в одном из окон квартиры. Мне даже показалось, что за тюлевыми занавесками я увидела женский силуэт. Невольно я стала присматриваться. Голова женщи-

ны была неестественно задрана кверху, а рот открыт. Как будто она была привязана за горло удавкой и пыталась от нее освободиться. Неприятный холодок пробежал у меня по спине.

— Ирина?

Я обернулась и увидела, что из окна малолитражки мне широко улыбается добродушный мужчина средних лет.

— Я Антон, — приветливо представился он. — А Вы риэлтор? Ирина?

— Да, здравствуйте, Антон, — с облегчением выдохнула я, и мы пошли в подъезд. Я осторожно открыла дверь. В квартире было темно и тихо. Я на всякий случай пропустила Антона вперед. Он вошел, как ни в чем не бывало. Мы зажгли свет. Освещение, кстати, было какого-то неприятного стального цвета. Но никаких людей в квартире не оказалось.

«Просто окна перепутала», — подумала я.

— Так в какую, значит, цену квартира? — мрачновато поинтересовался в очередной раз Антон.

Я назвала цену.

— Я думаю, дороговато будет, — неожиданно сказал он, хотя до этого фактически согласился на сделку.

Я собиралась спросить его, какую скидку он желает получить, как я обычно и делаю в таких случаях, но вместо этого, к своему удивлению, неожиданно со злостью сказала:

— Как хотите, дешевле не найдете.

Антон с нескрываемым раздражением посмотрел на меня и молча вышел из квартиры, хлопнув дверью. Куда только девалось его добродушие? От внезапно нахлынувшей на меня ярости кровь прилила к моей голове, и я пулей вылетела за ним следом. По дороге домой у меня жутко разболелась голова. До этого со мной такого не случалось, бывает,

конечно, поболит немножко, но чтобы так! Я приняла сильное обезболивающее и только тогда смогла заснуть. Но с утра проснулась с той же головной болью. К концу следующего дня таблетки все же сделали свое дело. Но домой я все равно пришла раздраженная. За ужином сын разбил чашку, и я на него начала орать. Вообще-то я всегда была человеком спокойным и сдержанным. Но сын мне что-то ответил, и я разошлась не на шутку: больно схватила его за ухо и начала, что-то крича, трясти его голову из стороны в сторону. За сына вступился Славка. Я стала кричать и на него. Он в ответ. Сын зарыдал — он никогда не видел, чтобы мы кричали друг на друга, да и ухо у него, видно, болело. На пустом месте получился скандал, хотя мы всегда дружно жили.

Странно было то, что следующие три недели квартирой вообще никто не ин-

тересовался, хотя весь рынок ощутимо подрос. Прошло уже больше месяца, а я не могла ее продать. Но счетчик-то тикал: повышенные проценты за кредит убивали мою прибыль! Я рассказала об этом мужу, и он дал мне простой совет: снизить цену. Но меня это почему-то только взбесило, и я привела массу доводов, почему это делать глупо. Видимо, я сказала ему что-то обидное, и он, раздраженно бросив мне: «Тогда решай сама, что спрашиваешь», вышел гулять с собакой. Я открыла входную дверь и стала на весь подъезд кричать ему вслед, что если он не понимает в чем, то нечего и советы давать, и что ему единственное, что в жизни хорошо удается, так это гулять с собакой.

Через неделю меня вызвал заместитель финансового директора и сказал, что, видимо, я ошиблась с ценой, и чтобы я ее снизила. Я покраснела от оби-

ды и внезапно охватившей меня ярости — такого унижения я никогда еще не испытывала на работе. Под вопросом была не только моя прибыль, но и моя профессиональная репутация. Но делать было нечего, и я скинула пять процентов. После этого сразу же появилась потенциальная покупательница. Я прождала ее полтора часа, а потом выяснилось, что она ошиблась адресом! Я была вне себя и сказала ей все, что она заслуживала. Больше она не звонила.

«Подумаешь! Найдутся другие», — решила я. И действительно нашлись. Через неделю я вышла еще на одного клиента, звали его Борис, но в назначенный час он тоже не приехал — попал в реанимацию в результате лобового столкновения, когда ехал на осмотр квартиры. После этого я, как назло, с гриппом свалилась и проторчала дома две неде-

ли. Вообще-то я от природы очень здоровая всегда была. Я уже и забыла, когда болела так сильно: а тут — голову от подушки оторвать не могла. Когда я вышла на работу, заместитель финансового директора очень раздраженно спросил, когда я кредит погашу, в смысле, когда квартиру продам. Он так со мной никогда еще не разговаривал, и под его нажимом я вынуждена была еще сбавить цену.

Вечером следующего дня я ожидала около подъезда Елену Львовну, очередную покупательницу. Я решила ни в коем случае не смотреть на окна чертовой квартиры, но какая-то сила потянула мою голову вверх, и в темноте октябрьского вечера я явственно различила на фоне тусклого света скрюченный женский силуэт с открытым ртом, как будто бедняге не хватало воздуха. Тело женщины сотрясали конвуль-

сии. Я стояла как вкопанная, не в силах сдвинуться с места — такой меня охватил страх.

— Вы Ирина? — спросил приветливый женский голос, который вывел меня из состояния оцепенения. Я оглянулась — передо мной стояла молодая симпатичная женщина. Рукой она опиралась на открытую дверь автомобиля. Значит, я не расслышала, как она подъехала чуть ли ни вплотную ко мне. Я подняла голову, но окна квартиры теперь были темными. Я облегченно выдохнула.

— Вы Ирина? — повторила вопрос женщина.

— Да, да, — торопливо ответила я, — я Ирина. Пойдемте смотреть квартиру.

Мы двинулись к подъезду. Я пыталась убедить себя, что просто перепутала окна, но внутренний голос мне говорил, что ничего я не перепутала, и

ничего-то мне не показалось, и что все это происходит на самом деле. Охвативший меня ужас никак не проходил, и оттого я вдруг сказала:

— Послушайте, я жду звонка. Может, Вы, Елена Львовна, поднимитесь сами, а я за Вами следом?

Покупательница на меня удивленно посмотрела и сказала, что нет, она предпочла бы идти вместе со мной, но готова подождать во дворе сколько нужно. Тогда с большим трудом я взяла себя в руки, и мы поднялись на четвертый этаж.

В квартире в этот раз я не ощутила ничего странного. Даже запах куда-то испарился. Елена Львовна, весело насвистывая, осматривала комнаты, а потом вышла на балкон. Я же, почувствовав себя в безопасности, отлучилась в совмещенный санузел. Когда я мыла руки, я вдруг ощутила чье-то

дыхание в спину. Я подняла глаза и в тусклом свете единственной лампочки, вкрученной под потолком, увидела в зеркале свое отражение. Мне чуть дурно не стало! Глаза мои горели зериной ненавистью. А лицо? Как будто это было и не мое лицо вовсе — все деформированное, одутловатое и синюшного цвета. Как будто бы кто-то душил меня. Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. Я хотела выйти из ванной, но замок никак не поддавался. Холодный пот прошиб меня. Я стала неистово трясти дверь. Видимо на шум подошла Елена Львовна и открыла дверь снаружи.

— Что с Вами, Ирина? — спросила она, с тревогой глядя на меня, как на умалишенную.

— Все в порядке, замок что-то заело, — пробормотала я.

— Да на Вас лица нет. Вам плохо?

— Так, поперхнулась просто, — со-
врала я и неожиданно почувствовала
ничем необъяснимую злобу к своей
спасительнице. Мне вдруг очень за-
хотелось расцарапать ногтями ей все
лицо, а потом долго бить ее ногами и
руками. Чтобы не накинуться на нее, я
до боли сжала себе кулаки, так что мои
ногти впились в ладони. Ничего по-
добного со мной до этого никогда не
случалось. Я ведь всегда добродушная
была.

— Так значит, продаете за ...? — и
Елена Львовна назвала цену.

— Да, продаем. Конечно. Документы
в порядке. У Вас деньги в наличии или
надо оформлять кредит? — как будто
издалека услышала я звук своего голоса
и поняла, что совладала с собой.

— Кредит, но это не проблема
оформить. Дело одной недели. Мне
только потребуются документы на

квартиру. Завтра заеду за ними к Вам
в офис.

Через неделю выяснилось, что Еле-
ну Львовну с работы уволили, и кредит,
соответственно, она получить уже не
сможет. Это обстоятельство не удиви-
ло меня. Я почему-то точно знала, что
сделка не состоится — у меня ведь раз-
вита интуиция. Тогда-то я и решила во
всей этой чертовщине с квартирой разо-
браться. Для начала я попыталась дозво-
ниться до Зои Сергеевны, но абонент,
как выяснилось, больше не обслуживал-
ся. Тогда я отправилась в юридический
отдел изучать документы на квартиру.
Может, там что подозрительное есть?

— Значит так, — говорил мне въед-
ливый юрист Володя, мой хороший
знакомый. — Квартира за последний год
три раза переходила из рук в руки — с
таким я раньше не встречался. Послед-
ний раз к нам попала. Все сделки по

минимальной стоимости. Так в договорах указано. А в реальности — тебе не надо объяснять. Небось, в ячейку сумму в пять раз бóльшую закладывали. Ну это, в общем-то, для нас обычное явление — наши люди налоги патологически платить не хотят.

— А Зою Сергеевну как-нибудь найти можно? А то телефон у нее больше не обслуживается, — спросила я.

— Вот ее паспортные данные, адрес, если хочешь. А зачем тебе это? — равнодушно спросил Володя.

— Давай, раз спрашиваю, — резко ответила я, повысив голос.

— Видно, не зря у вас в отделе говорят, что ты в последнее время с катушек малость съехала, — озадаченно глядя на меня, пробурчал Володя и положил передо мной документы.

Я выписала паспортные данные Зои Сергеевны, а также на всякий случай теле-

фон и адрес предыдущего владельца, некоего Артура Серафимовича Бернгольца.

Сначала я поехала по месту жительства Зои Сергеевны, в район метро Сухаревская. Не застав никого дома, я мотанулась в паспортный стол, но и там мне не смогли сказать ничего вразумительного. Так и так, прописана такая, а где она и что с ней — никто не знает. Живет одна в двухкомнатной квартире. А больше сказать ничего не могут.

Тогда я позвонила Бернгольцу.

— Артур Серафимович?

— Да, это я. С кем имею честь? — ответил размеренный баритон человека среднего возраста, который, очевидно, никуда не спешил.

— Это Вас беспокоит Ирина. Фамилия моя Скобликова. Я риэлтор. Вам удобно сейчас говорить?

— Вполне, Ирина. Говорите, только

не знаю, чем могу быть Вам полезен, — любезно отвечал баритон.

— Видите ли, полгода назад Вы продали квартиру в районе метро Профсоюзная. Я бы хотела буквально пять минут Вашего времени, лично поговорить с Вами, подъехать...

— Знаете, Ирина, обсуждать тут совершенно нечего, — сухо вато перебил он меня. — И попрошу Вас больше меня не беспокоить, — в трубке послышались короткие гудки.

В офисе меня вызвал к себе заместитель финансового директора.

— Срок твоего кредита заканчивается, Ирина. С завтрашнего дня пойдут штрафные проценты. Что собираешься предпринимать?

— Нуууу, — протянула я неопределенно.

— Не валяй дурака, Ирина. У всех бывают проколы. Продавай почем-нипочем.

— Но я хочу разобраться...

— В чем разобраться?

— Посмотрите, мы и так уже на двадцать процентов ниже рынка стоим, а она не продается. В чем дело, хочу понять!

— Только себе хуже сделаешь. Надо уметь принимать свои ошибки, Ирина. Снижай цену!

— Я же говорю, я хочу разобраться. Еще две недели дайте хотя бы!

— Черт с тобой, две недели бери, совсем оглупела, видно. Тебе проценты платить!

На следующий день с утра я отправилась на Профсоюзную. У меня не было конкретного плана, но я надеялась, что придумаю что-нибудь по дороге. Мне очень хотелось разобраться во всей этой странной истории.

Светило тусклое ноябрьское солнце. У подъезда сидели две бабки и лузгали семечки. Я направилась к ним.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я.

— Добрый, — сказала одна из бабок, и обе, отложив семечки, уставились на меня.

— Хороший нынче денек.

Бабки молчали.

— Хороший у вас тут дворик.

— Не жалуемся, — ответила одна из бабок и добавила, — а ты что хочешь-то?

— Да вот думаю квартиру в этом районе купить. Как у вас, спокойно тут?

— Да вроде днем спокойно. Вечерами бывает хулюганют, а так спокойно.

— А в Вашем подъезде как? Спокойно все?

— В нашем — спокойно.

— Я думаю, может в Вашем доме квартиру и купить.

— А у нас разве продается что? —

спросила одна из бабок, глядя на другую.

— Да вот, на четвертом этаже, — ответила я.

— Это Митрофанова бывшая, что ли? — спросила другая бабка, глядя на свою подружку.

— Его, его, она уж как год стоит пустая, не живет никто, — ответила та ей.

— А где этот Митрофанов? Я хотела бы с ним поговорить, — спросила я, чувствуя, что напала на след.

— Митрофанов! Так его уж давно нет.

— Уехал, что ли?

— Да, уехал, на тот свет уехал, — злобно пошутила одна из бабок.

— Нехорошо так Нюра о мертвых, — сказала ее подруга.

— Так он и из жизни нехорошо, не по-христиански ушел, да и жил как не приведи господь... — сказала Нюра насупившись.

— А как он умер? — перебила я.

Бабки помолчали, а потом Нюра недовольно пробурчала:

— Повесился он, вот как. Когда квартиру вскрывали, не помнишь, что ли? Запах жуткий еще был. Вскрыли дверь входную, а он там, в большой комнате под потолком и болтается, значит. Разлагаться уже начал. Это что, похристиански будет? А, Клав?

— Тебе бы такое вынести, Нюра! Я бы на тебя посмотрела, — сказала Клава.

— Мне этого выносить ни к чему, я по-другому живу. Я еще, кажется, никого не уморила.

— А он, значит, уморил?

— А то, — раздраженно глядя себе под ноги, бурчала Нюра. — Эту, как его, сожительницу свою, девку молодую, Соньку, он и уморил. А кто же еще? Крики-то какие в квартире стояли по ночам, как будто там режут

кого! А рожа его одна бандитская чего стоила!

— Никакая она ему не сожительница была, а дочь, — вставила Клава.

— Вот и я говорю: то ли дочь, то ли сожительница, — злобно проговорила Нюра. — А может все вместе и будет.

— Тьфу! — сплюнула Клавдия. — Какую гадость ты говоришь...

— Да уж как есть...

— Никто ее не морил. Задохнулась она — астма у нее была. Скорая к ним через день — каждый день приезжала, откачивали ее, а тут не успели, значит.

— А скорая просто так не опаздывает, — злобно бурчала Нюра. — Что он там с ней делал-то там? Кричала она как ненормальная! Спать мне не давали по ночам. И ребеночка он ейного тоже уморил.

— Ну что ты говоришь опять, Нюра? Ребенок с нянькой с балкона упали, несчастный случай просто.

— Как это с балкона упали? — встряла я в разговор.

— А так, нянька с ребеночком оперлась на перила, а они вниз и поехали. Старые были. С четвертого этажа и вниз! — пояснила Клавдия.

— Как же, несчастный случай! Сейчас тебе! А вопли детские по ночам почему раздавались, как будто резали кого? Все одно к одному будет! И все в один год произошло. А потом уж наследники появляться стали, только не видно никого из них чтой-то больше, — насупившись, бубнила Нюра, а потом, помолчав, добавила, — водичкой бы святой после них квартиру опрыскнуть надобно, да помолиться бы за них, а то, боюсь, не успокоятся, бесы проклятые. Ну ладно, пошла я, Клав, внука из школы забирать.

И она, кряхтя, начала подниматься со скамейки.

— И я пойду. Мне в магазин еще надо сходить.

И бабки ушли, а я осталась сидеть на скамейке, обдумывая все услышанное. Теперь мне стало понятно, почему квартира не продавалась! Но не было понятно, что сделать, чтобы она все-таки продалась. Я сидела и ломала голову над этим вопросом. Сама я всегда была некрещеной и атеисткой, ни с какими сверхъестественными явлениями в жизни не сталкивалась. Но как тут не согласишься? Факты налицо! А что если бабка Нюра права, тогда, следуя ее логике, надо — что она там говорила? — помолиться за них и святой водой квартиру опрыскать? Точно! Так и сделаю, должно помочь!

Так я впервые в жизни отправилась в церковь, набрала там святой воды и к вечеру того же дня оказалась в проклятой квартире. Мне стоило больших

трудов заставить себя повернуть ключ в скважине и войти внутрь. Отвратительный земляной запах ударил мне в нос. Я сразу же начала разбрызгивать святую воду по квартире, а потом помолилась, как я это себе понимала, за души усопших, то есть, пробормотала что-то вроде «спаси и сохрани их». Через минуту я уже была на улице — бежала домой.

Дома у меня опять жутко разболелась голова. Славки не было: задерживался на работе. Я решила пока постирать. Стала засовывать белье в стиралку. Тут из кармана Славкиной рубашки вывалилась аккуратно свернутая бумажка. Я ее развернула и прочитала: «Люблю, целую, надеюсь. Лена». Когда пришел Славка, я устроила ему скандал. Кричала, что он должен мне все рассказать. А он только сопел и твердил, что к нему это не имеет никакого отношения, что это все чей-то дурацкий розыгрыш. Меня это толь-

ко еще больше взбесило. Врет и не краснеет! Спать я его отправила на кушетку, на кухню. По правде сказать, я его и так последний месяц еле терпела. Разговаривали только за завтраком на кухне. По любому поводу я сразу срывалась на крик. Как будто подменили меня, все меня бесить в нем стало. Один раз, когда он меня какую-то глупость спросил, я его даже чуть было утюгом раскаленным не зашибла. Он, слава богу, тогда увернуться успел. А ведь до этого всегда жили душа в душу.

От возбуждения я смогла забыть-ся тяжелым сном только под утро, но спать мне пришлось недолго. Меня разбудил звук телефонного звонка. Я встала и пошла искать свой мобильный. Потом я услышала Славкин голос:

— Алло, говорите же! Кто ее спрашивает, черт возьми? Сейчас пять часов утра! Ладно, сейчас позову.

Я открыла дверь на кухню. Славка протягивал мне телефон.

— Это тебя, — сказал он. И мне показалось, что он чем-то напуган. А Славка мой трусом никогда не был.

Его страх передался и мне. Дрожащей рукой я взяла трубку телефона, но ничего не услышала. Я вопросительно посмотрела на мужа:

— Кто это был?

— Не знаю, какая-то Соня. Кто еще это такая? Голос какой-то нечеловеческий, как из преисподней, — пробурчал он, закрылся пледом с головой и отвернулся к стене.

Я тоже отправилась спать, но не сомкнула глаз до утра. На следующий день из-за недосыпа я просто валилась с ног, а к вечеру почувствовала, что мне не хватает воздуха.

— Усталость, — решила я, — продам квартиру и в отпуск.

Следующей ночью, под утро, я снова проснулась от телефонного звонка. Я поднесла трубку к уху, но ничего не услышала.

— Алло, говорите, кто это? — прокричала я в трубку. В ответ была тишина.

Я снова устроилась спать, но стоило мне погрузиться в тревожный сон, как меня снова разбудил телефонный звонок.

— Ало, говорите же! Кто это?! — прокричала я в трубку. И тут на другом конце я расслышала какую-то странную, нечеловеческую музыку. От нее веяло непередаваемой тоской и унынием. Все мое тело покрылось мурашками, а по позвоночнику пробежал холод. Какое-то время я в оцепенении сидела, не в силах отключить телефон, не в силах встать. Потом на том конце что-то щелкнуло, звуки прекратились, и в холодном поту я рухнула на кровать.

За завтраком у меня случился приступ удушья, и вместо работы я отправилась к врачу. Меня заставили дышать в какой-то прибор, а затем сообщили, что у меня прогрессирующая астма.

— Какая астма, доктор?! — зашипела я на доктора, которого уже ненавидела и готова была разорвать, если бы только могла. — Я об этой болезни никогда не слышала. Откуда ей у меня взяться?

— Не знаю, когда Вы там что слышали. Бывает по-всякому, знаете ли. Живет себе человек — не тужит. А потом, глядишь, заболел, и начинается. В Вашем случае достаточно резко началось. И такое бывает. Вот Вам рецепт. Придется принимать стероидные препараты.

— Что это?

— Гормоны, то есть.

— Я слышала, что гормоны — это

очень плохо. А без этого нельзя обойтись?

— О чем Вы говорите? В таком тяжелом, чтобы не сказать запущенном случае, как у Вас, по-другому нельзя. Вы же и сейчас еле дышите. И вот что, дорогая моя, начинайте принимать немедленно. А если что — не валяйте дурака, без промедлений вызывайте скорую.

Дышала я действительно еле-еле. Даже кричать не могла, только шипеть получалось. У меня сильно кружилась голова. После приема лекарств мне стало немного легче, но на работу я смогла пойти только через день.

В конце следующей недели появился покупатель на квартиру. Стоит ли говорить, что в ночь после посещения мной чертовой квартиры опять раздался телефонный звонок. Никто не ответил. Затем еще и еще один. И когда

я была уже на грани срыва, на четвертый или пятый раз, я снова услышала эти жуткие тоскливые нечеловеческие звуки, доносившиеся откуда-то издалека. Я неожиданно почувствовала, что это Соня хочет мне что-то рассказать, предупредить меня о чем-то важном, что я должна вот-вот услышать ее далекий и жуткий голос. Но одновременно ко мне пришло осознание, что знать мне это ни к чему. И я разъединилась.

На следующий день, когда должен был приехать на подписание договора покупки квартиры клиент, мне позвонили соседи и сказали, что мой сын получил открытый перелом ноги на детской площадке. Я все бросила и понеслась в больницу. Сделка снова сорвалась. В больнице я упала в обморок от нехватки воздуха, но меня откачали.

Вечером того же дня я, преодолевая гордость, все рассказала Славке. Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Я крещеный, я схожу к священнику.

Вечером он сказал мне:

— Ты некрещеная, но если ты дашь ключи, то отец Михаил ходит на эту квартиру — я уговорил его.

Потом он помолчал и добавил:

— И еще он передал тебе, чтобы ты не лезла туда, где не понимаешь.

— Славка, а это поможет? — прошептала я, потому что у меня опять перехватило дыхание.

— Должно помочь, — ответил муж.

Через две недели с убытком для меня была заключена сделка по продаже квартиры. На ее показ по моей просьбе оправилась моя коллега. Ничего странного, похоже, в квартире она не

заметила, впрочем, как и ее покупатели. Нога у сына благополучно срастается, со Славкой у нас снова все хорошо. Ночные звонки прекратились. Астма также внезапно исчезла, как и началась. Врачи говорят, что такое встречается в практике, если вовремя поймать заболевание.

Что стало с той квартирой дальше, я не знаю и знать этого не хочу.

Май 2010

Содержание

Лилит	3
Размазня.....	192
Девушка моей мечты	217
Игра.....	236
Нечисть.....	264

Литературно-художественное издание

А. Мефодиев
«Лилит»

«МедиаЛакшериГрупп»
Компьютерная верстка И.В. Кожухов
Художник И.С. Волкова
Редактор М.Свешникова
Корректор П.И. Ковылева
Куратор проекта Е.Добина

Подписано в печать 20.11.2010. Печ. л. 8,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Формат 60х90/32.
Тираж 2000 экз.

Издание отпечатано в ООО «Принтдизайн»